

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

БФУ БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА

IKBFU IMMANUEL KANT
BALTIC FEDERAL
UNIVERSITY

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ
SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2024

Том 15
Vol.

№ 1

СЛОВА vs СМЫСЛЫ WORDS vs MEANINGS

Издательство Immanuel Kant
Балтийского федерального Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта Press
2024

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2024
Том 15
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2024.
200 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Издатель
Адрес: 236041, Россия,
Калининград,
ул. А. Невского, 14

Типография
Адрес: 236001, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, НИУ «Высшая школа экономики» — главный редактор (Москва, Россия); Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; Наталия Сергеевна Автономова, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); Наталия Михайловна Азарова, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); Хенрик Баран, Университет штата Нью-Йорк (Нью-Йорк, США); Томас Венцлова, профессор, Йельский университет (США); Димитр Веселинов, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); Ив Гамбье, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); Стефано Гардзонио, Пизанский университет (Пиза, Италия); Игорь Николаевич Данилевский, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Валерий Закиевич Демьянков, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН (Москва, Россия); Вера Ивановна Заботкина, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); Николай Николаевич Казанский, академик РАН, доктор филологических наук, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия); Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Александр Васильевич Лавров, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); Иван Борисович Микиртумов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); Джеймс Расселл, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); Игорь Витальевич Силантьев, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); Игорь Павлович Смирнов, профессор, Констанцкий университет (Германия); Питер Стайнер, профессор, Университет Пенсильвании (США); Су Кван Ким, Университет иностранных языков Хангук (Сеул, Южная Корея); Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); Цзиньлин Ван, Чанчуньский университет КНР (Чанчунь, Китай); Татьяна Владимировна Черниговская, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, а также индексируется в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, Scopus, ядре РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 300 экз.
Дата выхода в свет 09.02.2024 г.

© БФУ им. И. Канта, 2024

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2024
Vol. 15
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2024.
200 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Editorial office

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236041

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236001

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics — Editor-in-Chief (Moscow, Russia);
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Executive Editor-in-chief;
Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Henryk Baran*, State University of New York Albany (New York, United States); Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Valerii Z. Demyankov*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Stefano Garzonio*, Università di Pisa (Pisa, Italy); Prof. *Nikolai N. Kazansky*, academician, the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research (Saint Petersburg, Russia); Prof. *Soo Hwan Kim*, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, South Korea); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silant'yeo*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University 'St. Kliment Ohridski' (Bulgaria); Prof. *Jinling Wang*, Changchun University (Changchun, China) Prof. *Vera I. Zabotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia)

© Immanuel Kant Baltic
Federal University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	6
-------------------	---

СЛОВА vs СМЫСЛЫ

Золян С.Т., Ильин М.В., Тесля А.А., Тульчинский Г.Л. Где и как возникают смыслы (материалы круглого стола)	8
Марков А.В. Биbihин — знаток стиха и Биbihин-стихотворец	44
Патрoвa Н.В. Семантический потенциал лексемы <i>сумерки</i> в русской поэ- зии	61
Савина Т.В. «Люди в черном»: семантизация понятий <i>сектант</i> и <i>баптист</i> в антирелигиозной кампании 1958 — 1964 годов	72
Боброва М.В. Полиноминативность географических объектов в лингво- культурном контексте	89

ПЕРЕВОДЯ НЕПЕРЕВОДИМОЕ

Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Unveiling the unseen: the challenge of pheno- menological conceptual untranslatables	113
Николаева Н.Г., Ермошин А.В., Вольская А.С. Переложение — пересказ — перевод: судьба Ареопагитик в <i>Slavia Orthodoxa</i>	126
Проскурина А.В. Анализ и перевод древнеанглийской поэмы <i>Instructions for Christians</i> в контексте христианской традиции	140
Гиздатов Г.Г., Ким С.К. Перевод литературы абсурда как пример культур- ного трансфера («Случаи» Даниила Хармса на корейском языке)	158
Жаркынбекова Ш.К., Агабекова Ж.А., Акишолова А.Ж. Проблемы транслите- рации и перевода казахских географических наименований	172

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Циммерлинг А.В. Грамматика. Лингвистика. Язык (ответ дискуссантам)	187
--	-----

CONTENTS

From the editors.....	7
-----------------------	---

WORDS vs MEANINGS

Zolyan S. T., Ilyin M. V., Teslya A. A., Tulchinskiy G. L. Where and how meanings emerge.....	8
Markov A. V. Vladimir Bibikhin: the connoisseur of poetry and the poet	44
Patroeva N. V. Semantic potential of the lexeme <i>twilight</i> in Russian poetry	61
Savina T. V. 'People in Black': Semantization of the concepts 'sectant' and 'baptist' in the anti-religious campaign of 1958–1964.....	72
Bobrova M. V. Polynominativity of geographical objects in the linguocultural context.....	89

TRANSLATING THE UNTRANSLATABLE

Zabotkina V. I., Boyarskaya E. L. Unveiling the unseen: the challenge of phenomenological conceptual untranslatables.....	113
Nikolaeva N. G., Yermoshin A. V., Volskaya A. S. Transposition – retelling – translation: the destiny of Areopagitica in <i>Slavia Orthodoxa</i>	126
Proskurina A. V. Analysis and translation of the Old English poem <i>Instructions for Christians</i> in the context of the Christian tradition.....	140
Gizdatov G. G., Kim S. K. Translation of the absurdist literature as an example of cultural transfer ("Cases" by Daniil Kharmis in Korean translations).....	158
Zharkynbekova Sh. K., Agabekova Zh. A., Aksholakova A. Zh. Problems of transliteration and translation of Kazakh geographical names.....	172

RETURNING TO THE PUBLISHED

Zimmerling. A. V. Grammar. Linguistics. Language (in response to opposing views).....	187
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий номер продолжает тематику тематических третьего и четвертого номеров «Слова.ру» за 2023 год. Заявленные темы «Неперевод в культурных системах: стратегии и механизмы» и «Знаки и смыслы: (пере)осмысляя Фреге» вызвали большой интерес, однако не все полученные статьи соответствовали заявленной тематике, хотя так или иначе рассматривали вопрос о смысле и значении, а также об их семиотической манифестации. Поскольку тематический акцент в этих выпусках был сделан на соотносительности проблем смысла и значения с теорией Готлоба Фреге, редакция предпочла перенести публикацию остальных статей в последующие номера. При этом вырисовалась примечательная, хотя и не предусмотренная редакторами картина — высветились новые грани фундаментального соотношения между словами и смыслами. Обычно сочинительный союз между ними понимается как фиксация гармоничного союза между означаемым и означающим. Однако между ними наличествуют не только точки соприкосновения, но и отталкивания, наряду с силами взаимодействия — силы противодействия. Это — неожиданно для редакторов, но вполне закономерно с точки зрения внутренней логики проблем — нашло отражение в тех статьях, где рассматривались не столько вопросы неперевода, сколько то, что принято называть проблемами *непереводимости* и *трудностей* перевода. Именно при переводе с особой отчетливостью возникает динамическое напряжение между отношениями взаимо- и противодействия слов и смыслов как особое проявление сигнификации, многозначности и полиноминативности, но уже на межъязыковом уровне. Этой же проблеме с позиций философии языка был посвящен круглый стол «Где и как возникают смыслы». Завершает выпуск ответ оппонентам инициатора дискуссии относительно семиотических и внутрисистемных аспектов языка.

Мы надеемся, что заявленные темы получат продолжение — благо Балтийский федеральный университет им. И. Канта принял решение об увеличении объема, что благотворно скажется на возможности своевременно публиковать поступающие материалы.

FROM THE EDITORS

This issue maintains the thematic continuity initiated in the third and fourth editions of *Slovo.ru* in 2023, exploring the themes of “Non-translation in Cultural Systems: Strategies and Mechanisms” and “Signs and Meanings: (Re)visiting Frege”, which garnered significant interest. However, not all submitted articles strictly aligned with these themes, although they delved into the problem of meaning and signification in various ways, revealing their semiotic manifestations.

Given the thematic emphasis on correlating the 2023 *Slovo.ru* with Gottlob Frege's theory, the editorial decision was to defer the publication of the remaining articles to subsequent issues. This decision unexpectedly brought to light new dimensions in the intricate relationship between words and their meaning. The coordinating conjunction *and* between them is typically understood as the establishment of a harmonious connection between the signified and the signifier. However, there are both points of convergence and divergence, as well as forces of interaction and resistance. Unexpectedly for the editors but entirely in line with the internal logic of the issues, this found reflection in articles where the focus was not solely on issues of non-translation but on what is commonly referred to as the problems of *untranslatability* and *translation challenges*. In translation, this dynamic tension emerges with particular clarity, showcasing the interplay and opposition between words and meanings as a distinctive manifestation of signification, ambiguity, and polynominativity, now at the cross-linguistic level.

The roundtable discussion, “Where and how meanings emerge”, addressed this same issue from the standpoint of the philosophy of language. This *Slovo.ru* concludes with a response to the opponents of the initiator of the discussion on the semiotic and intrasystemic aspects of language.

We anticipate the continuation of the discussion on these and related themes, as Immanuel Kant Baltic Federal University has decided to increase the number of lectures on the semiotic and intrasystemic aspects of language. This will also lead to an increase in the volume of *Slovo.ru*, allowing for a broader discussion and timely publication of materials.

УДК 80

ГДЕ И КАК ВОЗНИКАЮТ СМЫСЛЫ (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА)¹

С. Т. Золян¹, М. В. Ильин^{1, 2}, А. А. Тесля¹
Г. А. Тульчинский^{1, 3}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14

² Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Россия, 117997, Москва, Нахимовский просп., 51/21

³ НИУ «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург,
Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

Поступила в редакцию 20.02.2023 г.

Принята к публикации 11.10.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-1

Целью дискуссии было выявление взаимоинтерпретирующих механизмов, обеспечивающих интерфейс между текстом и контекстом (языком и миром, языком и культурой, языком и социумом). Это многоуровневая и связанная отношениями инверсии и рекурсии система систем-интерфейсов, названная нами прагмасемантикой. Она выступает также как платформа-интерфейс соотнесения / преобразования внутрисистемных смысловых единиц и экстралингвистических объектов на множестве возможных миров. Эта платформа наделена аутопойэтическим потенциалом порождать новые операциональные системы-интерфейсы, а также текстуализованные структуры операций и интерпретаций (инструкции, память, рефрейминг). Порождение значения выступает как результат взаимодействия платформы-как-системы с платформой-как-контекстом, учитывая возможность того, что одна порождает и детерминирует операциональный потенциал другой, действуя как рекурсивная петля или лента Мёбиуса. Особую значимость имеет связь между субъектностью и семиозисом смыслообразования, в котором ключевую роль играют текстуализация и оязыковление. Означаемое порождается означающими, структуры которых, будучи сформированы взаимодействиями и практиками, воспроизводят эти процессы. В сложных системах (биологических и др.) возникает возможность саморепликации за счет рекурсивной самоинтерпретации. Тем самым субъектность выступает как своего рода

¹ Круглый стол был организован в рамках проекта №РНФ 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», осуществляемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Светлогорск, июль и декабрь 2022 г.). В обсуждении принимали участие и внесли важный вклад также В.Е. Чернявская, И.Б. Тискин, С.Ю. Куликов, Н.А. Пробст, Т.В. Белецкая и И.А. Костенков. Материалы дискуссии подготовлены к печати Татьяной Белецкой под редакцией Сурена Золяна.

© Золян С. Т., Ильин М. В., Тесля А. А., Тульчинский Г. Л., 2024

универсальный интерфейс, реализующий смену контекстов, их взаимодействие, порождение возможных новых, обеспечивая прокреативность и преадаптивность системы, ее устойчивость и развитие.

Ключевые слова: семиотика, прагмасемантика, семиозис, контекстуализация, смыслообразование, субъектность, оязыковление

1. Введение: к разграничению семантики и прагматики

С. Т. Золян: Цель нашей дискуссии — в режиме свободного обсуждения рассмотреть два вопроса: где и как возникают смыслы. На самом деле это единая проблема — смысл неотделим от операций над ним и предполагает некоторое уже семантизированное и структурированное пространство этих операций (условно — текст и контекст). Поэтому встает задача, противоположная той, которая интенсивно обсуждается в начатой еще в пятидесятые годы и продолжающейся вплоть до последнего времени дискуссии относительно разграничения семантики и прагматики. В целом, несмотря на серьезные разночтения, сформировалось следующее понимание: прагматика, в отличие от семантики, изучает значения не в системе, а в контексте. Между тем не может быть значения вне контекстов его употребления, и так называемые словарные значения суть абстракция от этих контекстов. Также не может быть контекстуальных значений, не выводимых из их закреплённой в системе языка семантики. Безусловно, разграничение семантики и прагматики оправдано и необходимо хотя бы для того, чтобы понять, как возможен их синтез. Но если рассматривать, как возникают и функционируют смыслы, то это разграничение только мешает. Преодолеть возникающий разрыв поможет динамическое понимание смысла, его рассмотрение как процесса, или операции (ср.: (Луман, 2004, с. 46–47)). Это позволяет установить отношения между разнородными факторами, благодаря чему кругообразность предстает как рекурсивная интерпретация, своего рода «странная» герменевтическая петля (Hofstadter, 2007) (она названа «странной», так как предполагает межуровневые переходы, в том числе и возвращение на исходный уровень — как на графиках Эшера).

Для этого требуется система взаимоинтерпретирующих механизмов, обеспечивающих интерфейс как между текстом и контекстом (языком и миром, языком и культурой, языком и социумом), так и между промежуточными системами (от контекста в наиболее узком значении — как синтагматического окружения лексической единицы — до предельно широкого, вплоть до семиосферы в целом). Эту систему систем-интерфейсов можно назвать прагмасемантикой. В свое время мы предложили понятие *поэтической прагмасемантики* (Золян, 1991), истолковав его как функцию, соотносящую высказывание с его контекстами на множестве возможных миров, включающем как актуальный мир в различные моменты времени, так и воображаемые (поэтические) миры / контексты, приписываемые высказыванию. Можно расширить ранее предложенное понимание прагмасемантики как семантики контекст-

но-зависимых единиц и структур и рассматривать ее как платформу-интерфейс соотнесения / преобразования внутрисистемных смысловых единиц и экстралингвистических объектов на множестве возможных миров.

2. Между системой и контекстом

С.Т. Золян: Какова содержательная значимость такого подхода к смыслу? Для чего требуется задание особой системы интерфейсов? Дело в том, что возможность непосредственной манифестации языка в речь представляется проблематичной, что, кстати, осознавал и сам Соссюр, если судить по его черновикам². Требуется ряд переходных подсистем (стиль, дискурс, регистр и т.п.), определяющих взаимодействие системы и контекста. При всем их разнообразии и специфичности в общем виде эти процессы можно представить как текстуализацию контекста (или представление процесса контекстуализации как текста) и, одновременно, как контекстуализацию текста (или, аналогично, представить процесс текстуализации в виде контекстно зависимых интерпретаций, предполагающих реконструкцию их контекстов). Контекст предстает в виде текста, а текст задает контекст возможных интерпретаций.

Подобная система интерфейсов, которые в свою очередь в процессе дифференциации становятся системами со своими собственными интерфейсами, создает многоуровневый каскад смысловых отношений. В зависимости от характера этих отношений они могут быть идентифицированы как различные типы значений (социальные, культурные, языковые с их особой типологией: прямые, переносные, экспрессивные, дейктические и т.д.). Конкретизируя проблему, можно выделить прагмасемантику как основной интерфейс взаимодействия между языком и миром: это в наибольшей степени приближенный к семантической системе языка каскад интерфейсов, или подсистем, репрезентирующий само отношение R между миром W, языком L и текстом T в контексте C — это R: (L, W, C, T). Предполагается, что прагмасемантика — это не буферная или пограничная зона, а именно особая область (или — система систем), в которой создаются смысловые и текстуальные структуры. Вместе с тем интерфейсы сами становятся системами. Пространство между языком и речью заполняется промежуточными операциональными системами. Прагмасемантика есть система систем (механизмов) контекстуализации текста и формализации (текстуализации) контекста, или же комплексное отношение, которое манифестируется через систему механизмов и операций, определяющих взаимодействие знаковой системы и контекста. Описание прагмасемантических операций

² Ср. с вопросом, которым задается Соссюр: «Язык создается исключительно применительно к дискурсу; но что отличает дискурс от языковой системы и что позволяет нам говорить, что языковая система в любой данный момент вступает в действие как дискурс?» (Saussure, 2006, p. 197; здесь и далее перевод дискусантов), подробнее см.: (Золян, 2023г).

тем самым будет осуществляться в двух направлениях: от текста и контекста к системе языка и от системы языка к таким интегральным семантическим комплексам, как семиосфера, культура и т. п.

3. Социально-культурные контексты смыслообразования и субъектность как их универсальный интерфейс

Г. А. Тульчинский: Я хотел бы обратиться к контекстуализации и возможным способам операционализации контекстов как социально-культурных практик в смыслообразовании. И в этом плане — к конкретизации этих социально-культурных практик, что для нас в прагматике очень важно: как прагматические факторы сказываются на семантических характеристиках, переводятся в них. Это выход к интерфейсам и дискурсивной конвертации. И в этой связи — к возможной операционализации контекстов, контекстуализации. Я позволил себе обозначить несколько таких подходов.

Это, например, описание социальных культурных практик, их детализация, или детализация ценностно-регулятивных систем. Причем, насколько я знаю, детализация наиболее полная. Возможно, есть еще более полные, но эта точно представляется достойной нашего внимания. Речь идет о работе Люка Болтански и Лорана Тевено по поводу справедливости (Болтански, Тевено, 2013), где они говорят об этосах как о «градах» (cities) или как о нормативно регламентированных сферах социальной жизни: рыночный мир, политический, гражданский мир, символический мир, мир вдохновения и т. д. И каждому из этих миров даны очень подробные характеристики. Характеристики базового принципа, то есть некоей ценности: что в каком мире выступает в качестве высшей ценности. Одно дело, что является высшей ценностью в религиозных, другое — что является высшей ценностью в рыночных практиках, в административно-военных и т. д. Кто там является акторами, основными субъектами. Какие достижения могут быть, какие критерии выдвигаются, какие испытания, какие провалы и прочее. Тем самым даны очень подробные характеристики социально-культурных практик с точки зрения развертывания основных ценностей и критериев, правил и норм. Что выступает в качестве объекта в каждой сфере деятельности.

Второй возможный подход — это информационно-целевой анализ Тамары Моисеевны Дридзе, или мотивировочно-целевой анализ текста, как она его еще называла. Этот подход она применила в социолингвopsихосемиотике (Дридзе, 1984), которую потом применила и к анализу города (Градоустройство..., 1998). Речь идет о выявлении в структуре текста порождающих его «целевых цепочек»: что является целью данного текста, какие задачи в этом тексте решаются и какие средства используются. Мы по этой методике анализировали документы — приказы, постановления, законы и т. д. С какими словами, с какими лексемами связана цель порождения этого текста. Это же применимо и к художественным текстам. Требуется кропотливая работа над текстом: поиск

лексем, которые могут быть связаны с некоторым деревом целей, порождающим данный текст. Смысл предстает в качестве такого дерева целей.

Еще один подход — если исходить в этой операционализации из структуры деятельности. В любой деятельности есть цель, желаемый результат. Есть некое правило, норма — каким образом этот желаемый результат или эту ценность можно реализовать. И есть средства, которые используются с помощью данных правил для получения данного желаемого результата. Это абсолютно применимо и к научной деятельности, и к бизнесу, и к искусству, и к чему угодно. Но об этом много говорили раньше.

Показательно, что такой подход соответствует и идее Йохана Галтунга (Galtung, 1977; Алкер, 2014) по поводу метода, когда научная деятельность реализуется в треугольнике теории, факта и ценности. Это же соответствует трем научным нарративам — фактологии, каузальности и цели (практической значимости). И это легко переводится в семантику, а именно: как соответствие цели, желаемому результату; соответствие нормам, как некая реализуемость, алгоритм этих действий; и соответствие реальным средствам (фактологии). А это уже знакомая нам стереометрическая семантика с ее тремя измерениями: описанием, оценкой и нормой (Тульчинский, 2022), — и таким образом структура деятельности легко переводится семантически. Единственное, что тут можно дополнить, — что семантическая структура у автора текста одна, у реципиента она другая, у аудитории — третья. И дальше пошло разветвление, выводящее к Болтански и Тевено.

Возможен в этой связи и еще один подход. Это речевые акты, структура речевого акта, который передает этот текст и является текстом с точки зрения этого концепта. И, таким образом, содержание транслируемого сообщения включает позицию субъекта — во-первых. Позиция субъекта — это репертуар его целей, его намерений. А во-вторых, позицию адресата — это репертуар его возможных реакций. Ситуацию пространства и ситуацию времени: прошлого, настоящего, будущего и так далее. То есть это более развернуто, чем структура деятельности, но проще, чем у Болтански и Тевено.

Поэтому мне кажется, что все упомянутые конкретизации смыслообразующих контекстов — работающие. Но чем больше я на эти темы думал, тем больше я понимал, что все-таки есть еще один метаконтекст, суперконтекст, интегральный интерфейс. Не исключая все эти конкретизации — это более общий заход на смыслопорождение.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на два момента. Во-первых, это роль субъекта, точнее субъектности, которая все это порождает, использует, переходя из контекста в контекст. А во-вторых, роль пробелов между структурными элементами. Роль так называемой пустоты, которая очень важна в смыслообразовании. О роли пустоты («семантического вакуума») писал В.В. Налимов (Налимов, 2007). А.Ф. Лосев в своей философии имени начинает семиозис с «ничто», с меона (Лосев, 1999).

Это связано и с проблемой контекста в смысле ситуативности, потому что в конечном счете и в искусстве, и в политике, и в жизни мы имеем дело с какими-то ситуациями. Всякая ситуация относительно замкнута, и относительность там самодостаточна. Потому что любая ситуативность — это некая незаконченность, неполнота и какая-то открытость для изменений. Иначе она мертва, как любая абстракция. Может быть, даже с элементами противоречивости, потому что все, что претендует на полноту в итоге оказывается противоречивым, как известно хотя бы из Курта Гёделя.

Причудливым образом это связано и с субъектностью. Потому что субъектность — это некая точка сборки какой-то ответственности и свободы. Это, в гуссерлевском смысле, трансцендентальный субъект, который описательно не дан. Все мы, здесь сидящие, являемся носителями трансцендентального субъекта. Он не дан, но без него ни наблюдения, ни описания невозможны. Это что-то вроде слепого пятна в глазу, которое никто не видит, но без него невозможно зрение. Это выход в абсолютный аут по отношению к тому, что наблюдаемо, и к тому, что пишется, то есть выход в абсолютный контекст. Абсолютный контекст — это аут, пустота, ничто. Смысл слова из фразы, смысл фразы из текста, смысл текста из контекста. Для того чтобы выйти в этот контекст, нужно выйти в аут по отношению к этому тексту, в некую позицию внеаходимости — так, как ее понимал М. М. Бахтин. Помню, когда на эту тему говорили на одной из школ в Сантьяго-де-Компостела, там сидел нигерийский католический священник. Он слушал все это, слушал и говорит: «Absolute out is God». Он абсолютно прав в этой мудрой мысли.

Только в этой связи тогда надо обозначить две ключевые мировоззренческие установки — катафатическую и апофатическую. Путь европейской мысли катафатичен. Хотя начиналось все с апофатики отцов христианства. Катафатика началась с обогащения городов Северной Италии и Нидерландов, когда стало понятно, что в этой жизни есть некие ценности, которые достойны сохранения и защиты. И тогда пошло: алтари со скульптурами, коллекции живописи и всякие прочие вещи, когда стало понятно, что эта жизнь и ее материальные атрибуты и воплощения имеют свой отдельный смысл. Возникла наука, ориентированная на данную реальность, на позитивное знание. В отличие от восточной линии, которая сохранилась апофатической, и поэтому все то, что в России заимствуется из Европы, превращается в собственную противоположность.

Катафатика — это когда божественная сущность представлена в этом мире. Главный праздник у католиков и у протестантов — это Рождество, когда божественная сущность явилась в этот мир. Апофатика — это когда божественная сущность в этом мире не дана. Главный праздник в ортодоксальном христианстве — Пасха, когда божественная сущность этот мир покинула, дав ему надежду на спасение и воскресение.

И ситуативность, и субъект предполагают выходы в ничто. И в этом плане это связано с нонсенсом, когда отсутствие смысла — это не отрицание смысла, это его факторизация. Это семантический вакуум, в котором любые смыслы, в духе В. В. Налимова, — семантический вакуум,

и субъектность на него воздействует, вызывая из него смыслы. Причем сама субъектность тоже позитивно не дана, апофатична. Трансцендентальный субъект — он же тоже ничто, странная петля Д. Хофштадтера (Hofstadter, 2007), рефлексивная замкнутость В.А. Лефевра (Лефевр, 2003; Lefebvre, 2006). Это в конечном счете ничто, которое из ничто творит нечто.

В перерыве нашего заседания Андрей Александрович Тесля обратил мое внимание на то, что с подобной трактовки ничто начинал также И. Фихте, который в конечном счете на этой основе пришел к некоторым политическим выводам. Думается, что апофатичность в смыслообразовании принципиально важна, потому что любой носитель субъектности выступает как трансцендентальный субъект, он стремится стать иным, другим, выйти за рамки себя, сконструировать что-то или принять другого за нечто. Субъектность, трансцендентальный субъект подобны слепому пятну в глазу, которое само невидимо, но обеспечивает возможность зрения. Субъектности в физическом мире как материальной сущности нет — с точки зрения как Фихте, так и Э. Гуссерля или Д. Хофштадтера. Но ее можно признать и вступить с нею в текстовый диалог. Прямо по М.М. Бахтину — выйдя в позицию внеаходимости. Дальше уже начинается плетение смысловой ткани.

Самое любопытное, что европейская мысль ходит по кругу уже в который раз. Начиная с апофатики, приходит к катафатике, а потом начинает очередной цикл апофатики в новом открытии роли пробелов, дифферанса, пустоты. И в этой связи для смыслообразования ключевое значение имеют — тут по-разному можно даже играть, наполняя упомянутыми ранее моделями, — отклонения, перестановки, выходы в другие контексты, которые возможны в случае признания необходимости выхода в контексты и признания ничто, которое ты можешь наполнить.

Еще в середине 1980-х годов я получил результат с помощью Л. Кэрролла, его формализации. Он подтверждает гипотезу Я. Лукасевича о том, каким образом объяснять неполноту силлогистики Аристотеля. А на основе признания роли отрицательных суждений легко получается сужение силлогистики Кэрролла к силлогистике Д. Гильберта и так далее — к силлогистике Аристотеля (Тульчинский, 1996; 2012). Отрицание — это отрицание существования или это допущение существования носителя отрицательного качества. Или это допущение его существования в контексте расширенного универсума рассуждения? Расширение универсума рассуждения предполагает допущение носителей отрицательных качеств.

С.Т. Золян: Какое место в вашей концепции занимает знак и текст?

Г.Л. Тульчинский: Повторюсь в обратном порядке. Фундаментальной и базовой является апофатическая установка — признание и допущение ничто. Без этого допущения ты не можешь даже переходить к смыслообразованию. Для того чтобы перейти к смыслообразованию, нужно вступить в диалог с чем-то, нужно начать текстообразование. Любое текстообразование — это структуризация. Структуризация есть различение, которое предполагает необходимость пробелов и допуще-

ние другого иного. И дальше ты начинаешь включать модели: хоть Т.М. Дридзе, хоть Л. Болтански, хоть еще кого-то. Ты начинаешь работать с этим признанным тобой дополнением твоего универсума рассуждения.

С. Т. Золян: Согласимся: Другой существует. Но не нужна ли мне для этого некоторая система наблюдения / описания? Как вы это видите? Вот есть Я, есть Другой, или Я как Другой.

Г. Л. Тульчинский: Другого нет, и вас нет. Я допускаю, признаю ваше существование для того, чтобы вступить в контакт и приступить к какому-то смыслообразованию. В этом роль онтологических допущений (ontological commitments, existential assumptions) о непустоте предметной области рассуждения.

С. Т. Золян: А на основании чего? У вас должна быть какая-то система знаков? Как вы ее строите? Вы начинаете ее строить тоже из пустоты?

Г. Л. Тульчинский: Да. Это то, что показал А. Ф. Лосев: как из ничто ты дальше доходишь хоть до совокупной культуры с ее богатством смыслов и знаков. И все это с помощью допущений и вступления в диалог с «фантомами» своих допущений. Означающие творят означаемое. А инструмент этого — субъектность, обеспечивающая прокреативность преадаптации (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2018; Человек как открытая ценность..., 2022), игру с контекстами смыслообразования, без чего до сих пор было невозможно развитие человеческой цивилизации. Главным импульсом этого развития была и остается именно субъектность, упреждающе творящая из ничто вариации нового нечто.

С. Т. Золян: Но если есть означающие, то есть и знаки; означающие существуют только как аспект знака. Так что возможна и противоположная точка зрения. Сошлюсь на Ю. М. Лотмана, который считал, что тексту может предшествовать только текст, сознанию может предшествовать только сознание. Когда вы говорили, у вас текста не было до этого. У вас был субъект, который вступает в коммуникацию, и оттуда рождается текст. По Ю. М. Лотману — сначала текст.

Г. Л. Тульчинский: Тогда вы меня не спросили, откуда берется эта странная петля самосознания самости, откуда берется субъектность. Она возникает в результате социализации как освоения практик, сопровождаемого нарративной коммуникацией, то есть освоения текстов и их рефлексивного самозамыкания, включающего самого актора. Но только к третьему году жизни ребенок начинает рассуждать о себе в первом лице.

М. В. Ильин: Лотман на свой лад — текст из текста — повторяет принцип Франческо Реди, который, видимо, знал от В. И. Вернадского: жизнь из жизни, *vivunt e vivo* (Вернадский, 1934, с. 209–210)³.

Г. Л. Тульчинский: Ну да. Тексты (еще точнее — нарративная коммуникация) порождают рефлексивное самосознание самости, способ-

³ Сам Вернадский отмечает: «Впервые введен мною как принцип Реди в 1924 г.: W. Vernadsky. La geochimie. Paris, 1924» (Вернадский, 1994, с. 344).

ное порождать новые тексты. И при этом для того, чтобы что-то получить, нужно что-то убрать (Тульчинский, 2023). Гётевское *stirb und werde* — умри и стань.

4. Прагмасемантика как платформа смыслообразования

С. Т. Золян: Постараемся очертить место прагмасемантики — как платформы образования смыслов и формирования знаков. Можно продолжить сосюрговскую аналогию между языком и шахматами. Соссюр предлагал рассматривать в качестве аналога (или эталона) знаковой системы шахматы; это замкнутая система, в которой актуален исключительно принцип дифференциации и основанные на этом внутренние функции. Значима форма, а не субстанция. Отсюда нерелевантность внешних характеристик. Слона можно заменить пуговицей соответствующего цвета — главное, чтобы ходил так, как слон, а не так, как пешка. Соссюр предлагает описание игры через функции фигур, как это уже предписано знаковой системе, где каждая фигура — это некоторый набор функций. Следующим шагом станет описание системы посредством различий⁴. Но при таком описании теряется описание доски. Между тем система предполагает, что она манифестируется на некоторой доске, то есть играется на некотором обладающем собственными характеристиками пространстве. Дополняющее Соссюра понятие поля как необходимого компонента, в котором манифестируется знаковая система, было введено Михаилом Лотманом (Lotman, 2012). Несколько иную трактовку предложил и С.К. Шаумян: «Совокупность (the totality) релевантных контекстов, изменяющих функцию или значение знака, я называю полем (field) знака. Поле знака определяет иерархию его значений и функций и иерархию речевых (vocal) форм знака» (Shaumyan, 2006, p. xx).

Прагмасемантику можно рассматривать именно как подобное дополнение к Соссюру — между языком и речью существует некоторое поле, которое задает те параметры, согласно которым будет происходить манифестация знаковой системы в речь. Это именно абстрактное пространство, определяемое отличительными параметрами (двумерность, двухцветность, размер 8×8), а не конкретной субстанцией (доска деревянная, бумажная, виртуальная и т. п.).

В развитие этой идеи можно и перевернуть описание: рассматривать поле не как придаток к знаковой системе, а, наоборот, как основной компонент, определяющий правила игры, или как ту среду, из которой формируется игра. И тогда описание знаковой системы получит иное описание: элемент будет определяться не посредством его отличий от других, а как некоторый набор возможных маршрутов и взаи-

⁴ «В применении к единице принцип дифференциации может быть сформулирован так: отличительные свойства единицы сливаются с самой единицей. В языке, как и во всякой семиологической системе, то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет. Различие создает отличительное свойство, оно же создает значимость и единицу» (Соссюр, 1977, с. 154).

модействий. Тем самым мы придем к пониманию значения не только как различия, но и как употребления. Оба описания взаимосвязаны, но не всегда сводятся друг к другу. Например, при втором описании все фигуры будут отличаться не только тем, как они передвигаются, но и где стоят вначале, и тогда все пешки будут отличаться, так как у пешек, допустим, на а2 или на с2 будут различные траектории, различное множество точек, по которым они будут пробегать как функции. Пешки, неразличимые в шахматной коробке, на шахматной доске контекстуализируются и становятся отличными друг от друга.

При переходе к лингвистике и языковой системе возникает другой вопрос. Здесь от партии к партии (речевым актам) могут меняться не только наборы фигур, но и параметры поля (дискурсы) и доски (тексты). Наделение значением и его изменение тогда будет описано как взаимодействие системы и контекста.

Можно привести непосредственные примеры из лексикологии. Любому знаку может быть приписано некоторое множество значений. Есть знаки, которые в качестве референта могут иметь любой объект — например, *эта штука* (ср.: у «Эта штука посильнее, чем “Фауст”» — слова Сталина о поэме Горького «Девушка и смерть»). Согласно выдвинутой Сергеем Карцевским в 1929 году концепции асимметричного дуализма языкового знака, любой языковой знак потенциально обладает бесконечной омонимией (способностью выражать любое значение) и бесконечной синонимией (возможностью быть замененным другим знаком) (Карцевский, 2004; о потенциале концепции в свете современной семиотики см.: Золян, 2023б). Однако следует оговорить, что степень подобной свободы отлична. Своеобразную иллюстрацию к этому можно найти у Льюиса Кэрролла.

В семантической теории Шалтая-Болтая значение слова всецело определяется намерением говорящего: *«Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше»*. Но Шалтай оговаривает, что за это слову приходится доплачивать, если он заставляет слово делать нечто необычное⁵. Тем самым вносится разграничение между регулярной «работой» и «сверхурочными». *Доплачивать* — это, видимо, создание особых контекстов.

Продолжим аналогию с шахматами. За исключением пешек и слонов, все остальные фигуры могут оказаться в любой точке шахматной доски. Тем самым им может быть приписано любое значение. Однако есть существенная разница, каким образом они это осуществляют — шаг за шагом, как король, или как ферзь. При этом, задавая правила игры, следует описать не только те точки, где они могут находиться, но и где они необходимо должны находиться, то есть исходные (так будут отличаться между собой, например, ладья на а1 и ладья на h8). Поэто-

⁵ Ср.: «Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы! Гонору в них слишком много! Прилагательные попроще — с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме! Впрочем, я с ними со всеми справляюсь... Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные, — сказал Шалтай-Болтай» (пер. Н. Демуровой).

му, даже если им и может быть приписано одно и то же значение (напр., а4), то в эту точку они могут прийти различными маршрутами. Тем самым в любой партии для каждой фигуры будут заданные системой необходимые исходные значения, и все те точки, которые в соответствии с заданными системой правилами эта фигура прошла или могла пройти.

Таким образом, применительно к конкретной партии каждая фигура характеризуется некоторым исходным значением и всеми теми значениями, которые она приобретала в ходе партии. Безусловно, эти значения приобретаются по-разному. Например, король и ферзь могут оказаться на любой клетке, но маршруты оказываются различными.

Тем самым возможно совместить сосюровское понимание знака и концепцию позднего Витгенштейна. Это, с одной стороны, внутрисистемное определение значения знака как исключительно дифференциальной сущности, а с другой — понимание значения как детерминированного прагматикой употребления. При таком подходе, когда мы знаковую систему рассматриваем в совокупности с полем, или, в наших терминах, платформой ее манифестации, происходит синтез семантики и прагматики.

Примечательно, что подобные семиотические процессы могут и не предполагать участия мыслящего субъекта. Сошлюсь на статью Дикона, где он рассматривает семиозис на биомолекулярном уровне, отвлекаясь от человеческого фактора. Выясняется, что не интерпретатор, а сам знак несет в себе определенную инструкцию, как его употреблять. При этом, чтобы возникло знаковое отношение, употребление знака требует «правильного» воспроизведения и тем самым обращения к памяти, что предполагает возникновение нормативности (Deacon, 2021, p. 546). Как видите, уже на уровне клеток у нас возникает подобие ценностно-регулятивных систем, и именно потому, что возможны «неудачи», отклонения от образцов⁶.

Г.Л. Тульчинский: А чем отличается инструкция от памяти?

С.Т. Золян: По Хофштадтеру, знак уже является некоторой инструкцией, он как бы говорит: меня употреблять можно так-то и так-то. Это — антипод шалтай-болтайной семантики. Хофштадтер это рассматривает на примере ноты: нота есть не обозначение определенного звука, а инструкция, как надо этот звук воспроизвести.

Г.Л. Тульчинский: Болт помнит, что он болт. Гайка помнит, что она гайка.

М.В. Ильин: Резьба — это одновременно и инструкция, и память. Может быть память без инструкции, а может быть инструкция без памяти. Они могут быть и вместе, даже чаще всего бывают вместе.

С.Т. Золян: Под нотой я (и Хофштадтер) имели в виду нотацию, знак звука. Со словом сложнее: слово несет в себе не столько само зна-

⁶ Ср.: «Было продемонстрировано, что ограничения, конституирующие рекурсивно само-поддерживаемую молекулярную систему, обеспечивают мнемонические, обучающие (instructional) и нормативные атрибуты, которые мы отождествляем с биологической информацией» (Deacon, 2021, p. 549).

чение, сколько информацию, как мы можем его употребить; это скорее лицензия, а не инструкция. Так же и у Лумана — это всякий раз новое слово, но это новое, которое автореферентно и отсылает к предыдущему употреблению (памяти). Например, семантика слова «медведь» может служить схемой для порождения его значений применительно к контексту. Кого мы назовем «медведем»? Это зависит от обстоятельств его использования. Я это говорю незнакомому человеку в метро, или же в ресторане официанту говорю «медведь», борцу или футболисту (возможно, в американском футболе это будет иметь отличные, чем в европейском, коннотации). Или же я кричу это слово в лесу, предупреждая об опасности. В зависимости от этого у нас включаются разные инструкции, причем не только правила соотнесения (референции), но и поведенческие.

Г. Л. Тульчинский: Тогда память определяется нормой?

С. Т. Золян: Безусловно. Само понятие памяти определяется нормой, норма определяет что следует помнить и когда вспоминать. Как прекрасно выразил будущий царь Василий Шуйский в «Борисе Годунове»: «Теперь не время помнить, Советую порой и забывать». Но и норма возникает из памяти — как обобщение некоторых удачных и неудачных практик.

5. Как возникает система — оязыковление, или семиогенез

М. В. Ильин: Сейчас мы поговорим о оязыковлении (*languageing*), поскольку это как раз связано с той самой подвижностью, с возникновением системы, которой еще нет. И на самом деле ее никогда в полной мере нет, она всегда ускользающая, только становящаяся.

Что такое оязыковление? Это сравнительно новое направление в лингвистике. Лет 20—30, наверное, как происходит мощный научный поворот, а то и революция. Существуют три сферы, где это мощно проявляется: усвоение языковых способностей младенцами, научение иностранному языку и глоттогенез, возникновение общих языковых способностей человеческого рода.

Первым направлением в основном не лингвисты занимаются, а психологи. Но в последнее время и психологи столкнулись с кучей проблем, которые они не могут преодолеть и которые с помощью лингвистики преодолеть легче. Они связаны с другой очень популярной лингвистической концепцией — с концепцией распределенного языка (*distributed language*). В классических подходах считается, что язык это некая система, *langue*. А с точки зрения *distributed language* никакого *langue* нет, а есть некое облако, в котором взаимодействуют люди с разными версиями *langue*. Они изменчивы и зыбки, как и все общее облако распределенного языка.

У младенцев сначала вообще ничего нет, кроме неких физиологических реакций, которые запрограммированы генетически. Но в результате взаимодействия, прежде всего с матерью, но не только с ней, а вообще с окружающим миром, у них появляются зеркальные реакции.

Это очень важно. Я специально хочу подчеркнуть это, поскольку это прямое отношение имеет к интерфейсу. Реакции зеркальные именно в том смысле — и это экспериментально сейчас установлено, — что мать обычно играет, во-первых, свою роль, а во-вторых, имитирует ребенка. Соответственно, ребенок в ответ играет свою роль и имитирует мать. И получаются две имитации. Благодаря связи и закреплению двух имитаций ребенок научается языку. Причем весь этот процесс проходит ряд этапов на протяжении нескольких месяцев. Ребенок преодолевает несколько порогов (*thresholds*). Когда ребенок начинает говорить и мыслить, точно нельзя сказать. Это растянутый процесс.

Что значит говорить? Осмысленное взаимодействие с матерью начинается гораздо раньше. Произносить какие-то фразы получается позже. И только спустя годы, в три года или в девять лет, наконец появляется субъект, который в состоянии пользоваться великим и могучим русским языком или не менее великим французским и так далее. А где-то в середине — множество порогов или каскадов трансформации, или каскадов, связанных с переделыванием коммуникативных забот в способности.

И вот тут я произнес эти слова — коммуникативные заботы переделываются в способности, — это другое направление языкознания. Совершенно блестящую книжку только что издал Николай Сергеевич Розов о глоттогенезе (Розов, 2022). Изложение его концепции также можно найти в: (Розов, 2021). То, как он себе представляет смысл глоттогенеза, очень похоже на обретение языковых способностей младенцами. Опять каскады трансформаций и пороги. Есть некие существа, у которых достаточно развиты всякие способности и т.д., и эти способности позволяют им уже каким-то образом коммуницировать. Но это коммуникация еще «немая», без языка и речи — только с выкриками да подвываниями. Более того, и когниции там, видимо, отчетливой еще нету. Но есть очень сильная потребность в коммуницировании, что связано с их существованием, с выживанием.

Речевые акты сохраняют эволюционные следы подобных событий и процессов. Необязательно эволюционные — любые следы, любая память. Память при этом существует и как отпечаток, и как инструмент. Помните, мы говорили о резьбе как памяти (и результате) ее нарезания и как памяти-инструкции. У нас постоянно происходит разделение и соединение системы и процессов. Оно существует на каждом этапе. Выше мы поднимаемся, ниже опускаемся, вправо, влево — везде происходит раздвоение. И этих раздвоений очень много.

Итак, дальше. Место оязыковления в том, что я называю семиогенезом. Сурен Тигранович называет это семиопозисом. Фактически это почти одно и то же. Это даже и хорошо, что существует такой плюрализм терминологии. Можно это и семиозисом назвать в целом. Потому что если семиозис расширительно понимают, то семиозис не только моментальный может быть, но и, так сказать, такой растянутый на дни, годы и даже века. Моя задача показать, что речевые акты сохраняют эволюционные следы существования речи. Или даже, скорее, еще не речи, а каких-то коммуникативных взаимодействий.

Происходит появление новых способностей. Из одной способности другая. Это как в случае примитивных когнитивных способностей, лежащих в основе органонов-интеграторов. Сначала возникает вычислительная способность. И потом эту вычислительную способность мы можем теоретически увеличить до вычислительной математики, до компьютеров. То есть, грубо говоря, основная способность компьютеров — это примерно способность амебы, но многократно усложненная и изощренная. Уже корни там можно извлекать, логарифмирование осуществлять и т. д.

Другая способность — это когда существо может такие сигналы пачками получить. И работать сразу с пачкой ощущений. Вы сами, наверное, догадываетесь, что получается? У нас получается распознавание образов (*pattern recognition*). Это тоже математически сделано. Сейчас, например, мы можем подойти к двери, нажать на кнопку, на твое лицо упадет лучик от аппарата, и если лицо узнаваемое, то дверь откроется. Вот это — *pattern recognition*. У нас много-много сигналов, но они складываются в некую конфигурацию. Из этого вытекает то, что мы назвали морфетикой, более сложная способность, позволяющая работать с формами и различными конфигурациями.

И третья способность — когда у этих структур и образов появляются развитые функции. Они могут быть релевантными, могут быть нерелевантными. И, соответственно, если они релевантные, то существо хорошо себя чувствует, а если нерелевантные, то плохо. Но в какой-то момент существа становятся такими сложными, что их не устраивает больше релевантность. Эти существа начинают требовать перехода релевантности в другое качество, в качество свойства. И тогда релевантность становится не вообще релевантностью, а релевантностью почему-то, для чего-то. Иными словами релевантность превращается в значимости и значения. Так появляются семиозис и семиотика.

6. Смыслы как структуры операций — на уровне биомолекул

С. Т. Золян: Где возникает смысл и кто его производит: субъект, знак, система, сам смысл? Введенное нами понятие платформы может быть рассмотрено как поле операций, в результате которых возникают отношения, или структуры смысла.

Примечательно, что к этим вопросам вплотную подошли еще в 1970-х выдающиеся биологи, первооткрыватели информационной РНК Франсуа Жакоб и Жак Моно, выдвинувшие гипотезы о происхождении жизни. Моно писал, что жизнь возникает тогда, когда в неупорядоченном хаотическом движении молекул возникает смысл, это он связывал с появлением генетической трансляции, то есть регулярных схем преобразования последовательностей нуклеотидов в операции синтеза белков (Monod, 1971). В дискуссии с Романом Якобсоном и Клодом Леви-Строссом Жакоб указывал, что семиотические аналогии с языком не исчерпываются комбинаторикой, или синтаксисом: тем, что из ограниченного набора минимальных единиц строится бесконечное множе-

ство производных структур. Леви-Стросс проникательно добавил, что главное не в усложнении структур, а в том, что посредством этого возникает сигнификация, смысловое измерение биомолекулярных процессов⁷ (подробнее см.: Золян, 2021).

Эволюция описывается как взаимодействие организма (системы) и среды. Когда во время взаимодействия протосистемы и среды возникает определенная регулярность, то появляется жизнь, которую мы можем рассматривать как определенную форму смысловой организации. Но это еще не урегулированная форма. Например, возникает белковый синтез, который вначале не закреплен какими-либо регулярными схемами. Далее накладывается система жестких ограничений, причем, по мере развития, все более жестких. Возникает такая не допускающая изменений семантическая система, как генетический код, и такой, воспроизводимый практически без изменений текст, как геном.

Итак, первичным может стать определение смысла как результата, а затем уже и схемы взаимодействия среды и системы. Среда в таком случае принимается как нечто данное. А система? Вот здесь возникает вопрос: откуда она возникает? Система, конечно, каким-то образом формируется из этой среды. Сама среда порождает в себе и некоторую систему, как бы вытаскивая себя за волосы.

Итак, когда мы заменяем среду контекстом, мы смотрим, каким образом в контексте возникают вот эти системы и каким образом там возникает в том числе и такой фактор, как субъектность, которая является результатом сборки. Здесь я бы хотел уточнить. Григорий Львович, вы использовали выражение «субъектность как результат сборки» как метафору?

Г.Л. Тульчинский: Нет, это не метафора. Это результат конкретного процесса социализации.

С.Т. Золян: Возникает интересная и перспективная аналогия с уже упомянутой статьей Т. Дикона, где самосборка (*self-assembly*) рассматривается как первый этап самоорганизации. И первое, что в биосистемах уже несводимо к биохимическому субстрату — это индивидуализация (*individuation*), выделение элемента из среды и различения *себя* (*self*) и *не-себя* (*non-self*) (Deacon, 2021). В соответствии с этой логикой знаковая система обладает возможностью выбирать и способностью ин-

⁷ «Жакоб. В обоих случаях речь идет о единицах, которые сами по себе абсолютно бессмысленны, но, будучи сгруппированными определенным способом, они обретают смысл. Это или смысл слов в языке, или смысл с биологической точки зрения, т.е. для выражения функций, которые записаны в химическом генетическом сообщении... Дело в том, что все звенья, все элементы, составляющие определенную единицу, объединены между собой, и сама единица, например клетка, представляет собой нечто куда большее, нежели сумма всех элементов...»

Леви-Стросс. Дело не просто в том, чтобы получать сложное из простого, как это происходит в таблице Менделеева, которую вы упоминали. Глубокая аналогия между тем, что вы находите в клеточной генетике, и языком состоит в том, что комбинация простых элементов, лишенных сигнификации, дает не только нечто более сложное, но нечто несущее в себе определенный смысл. Я думаю, что аналогия существует в плане сигнификации» (Якобсон, 1996, с. 198, 221).

терпретировать и тем самым *уподобляется интеллектуальному устройству* или даже *интеллектуальной личности*, если использовать слова Ю. М. Лотмана о тексте (Лотман, 1992, с. 131–132).

Это показывает изоморфизм форм смыслообразования в живой природе и обществе. Генетический код — это и есть буквально и инструкция, и механизм сборки. Возникает такой квазисубъект, который осуществляет регуляцию и как бы командует: на этом должна начаться экспрессия гена, а на этом — прекратиться, поскольку «сборка» белка из аминокислот завершена. Посылается определенный сигнал: «Стоп». Причем этот сигнал выражен апофатически — трем так называемым «нонсенсам» (это термин молекулярной генетики), или стоп-кодонам, соответствует «пустота» — им, расположенным на информационной РНК, ничего не соответствует на транспортной РНК. Возникает пауза, процесс «генетического чтения» на этом завершается. И одновременно начинается новый этап — сборки еще одного белка. Помимо этого есть коды, которые регулируют, какие именно гены должны «работать», а какие — «молчать» («молчащие» гены — также термин). Во всех наших клетках заложен один и тот же геном, но в результате взаимодействия с контекстом некий квазисубъект (агент, механизм) определяет, какому гену говорить в данный момент — требуется ли ноготь нарастить или новый белок произвести для внутренней регуляции этих процессов и т. п. В зависимости от среды / контекста необходимо послать сигнал для того, чтобы клетка развивалась, или, наоборот, чтобы деление остановилось. Это очень четкие заложенные механизмы, регулирующие манифестацию системы. В настоящее время, помимо генетического кода, выделено около 237 подобных кодов, память одной подсистемы функционирует как инструкция для другой (см. *Code Biology Database – A List of Biological Codes*). Как правило, как инструкция, так и оператор — это некоторый белок (фермент), при этом и его структура, и инструкции по его применению также записаны в системе (ДНК, геном).

Г. А. Тульчинский: Клетка — это биология, а в обществе это отклонение субъектности и наличие многообразия субъектности является элементом, необходимым для преадаптации. То есть предваряющим адаптивность, предваряющим изменение среды и создающим ситуацию прокреативности для этой адаптации к изменению среды.

7. Возникновение, превращения, развитие

М. В. Ильин: Хочу предложить вам очень простую модель для выстраивания любых более сложных. Принцип заключается в том, что мы отбрасываем лишнее. Мы занимались и сейчас занимаемся разработкой симплекс-комплекс преобразований. Что это такое? Как преобразовать сложные вещи до самых простых и как самые простые вещи усложнить до самых сложных. И не вещей, не субстанций, а форм мысли. Мы работали с методами, соответственно, с одной стороны, а с другой — с когнитивными способностями. По сути, это одно и то же, но уже усложненное и упрощенное.

Давайте исходить из того, что есть некая точка, от которой все начинается. Это тот самый меон, небытие, из которого вдруг — *Big Bang* — все возникло. Возникновение — это словообразование. Это тот самый субъект, которого нет, но вдруг это ничто становится Богом, у которого в начале было Слово. И вот у нас начинается словообразование из ничего. Возникает точка, когда не было жизни, — и вдруг в какой-то момент где-то появляется жизнь. Вот два таких крутых перехода, когда вся сложность, которая была до этого, вдруг начинается заново с нуля, с предельной простоты. Мой примитив заключается в том, что у нас есть рекурсия — повторение, копирование — это рекурсии с перекруткой. То есть, когда это повторение не дурное. Оно прерывается и замыкается.

Объясню, почему нужна инверсия. Если ты будешь просто повторять, то у тебя будет дурное повторение. Оно уйдет в дурную бесконечность, в ничто. Из ничего не выйдет ничего, по Лиру. *Nothing will come of nothing*. Только в том случае, если ты его развернешь в нечто иное, что-то может получиться... Возникают подобию, а это не просто повторения, а создания чего нового. Расширяющиеся пространства подобию обретают конфигурации, а с нею формы. Формы тоже воспроизводятся внутри и вовне. Вильгельм Гумбольдт вводит понятие внутренней формы, которая предполагала существование внешней формы (Humboldt, 1968; Гумбольдт, 2019). Структуралист Луи Ельмслев различал два типа форм — план содержания и план выражения (Hjelmslev, 1993; Ельмслев, 1960).

Еще один пример — Якоб фон Икскюль. У него различаются внешний мир (*Umwelt*) организма и его внутренний мир (*Innenwelt*) (Uexküll, 1909). У каждого живого существа есть *Umwelt*, но это не просто внешний мир со внешней средой, а это то, — и вот мы здесь приходим к семиотике, — это то, что для животного значимо, функционально, используемо. У Икскюля есть классический пример — клещ на ветке, может так год сидеть, два. Но в тот момент, когда появляются изменения от тепла, появляется запах какой-то кислоты, он прыг — и начинает кровь сосать. Для него вся вселенная, вот эта *Innenwelt*, — это у него три или четыре простых показателя, которые он регистрирует. Он ничего не видит, этот наблюдатель, только ощущает. А потом окажется, что эти наблюдатели умножаются, причем бесконечно умножается. Мы с вами тоже умножаемся, мы наблюдатели, но мы непостоянные наблюдатели. Через 30 секунд я уже буду другим наблюдателем и т.д. Я буду не просто другим наблюдателем. Тот наблюдатель, которым был я 30 секунд назад, и тот наблюдатель, который я сейчас, — это несколько разных наблюдателей. Я постоянно умножаюсь, бесконечно. Когда у нас эти повторения окажутся в некоем резонансе, то этот резонанс может завершиться тем, что эти повторения станут все более и более повторяемыми и регулярными. Когда появляется эта регулярность, то к рекурсии добавляется инверсия. Тем самым инверсия фиксирует факт регулярности.

Что это означает? Сильно похожие друг на друга рекурсии начинают действовать согласованно, с сходными поворотами. Рекурсия все время появляется, но как только у нас появилась инверсия, она закрепляется в паре с инверсией, а потом и умножается. Раз они начинают самовоспроизводиться устойчиво и вместе, значит они создают сообщество, а потом и сообщества как намек на социальность, ее зародыш. Не может быть такого единичного субъекта, который бы все сотворил только из себя. Это мы можем, объясняя что-то постфактум, придумать, будто был уникальный момент, когда Бог сказал Слово. Мы можем такую картинку нарисовать. На деле один сделал, другой повторил, третий добавил, а четвертый запомнил. Было много-много повторений, из которых вдруг совместно, «социально» возникают устойчивые формы. Сначала эмергентность, а потом из нее вырастает формообразование.

А давайте вообразим, что осей может быть бесконечное число. Тогда что же и как умножается? Мой ответ очень простой. У нас появляются сети и субъекты. Раз все социально, то у нас нет точек, а есть сети со множеством точек-субъектов. И эти сети также воспроизводятся. То есть у нас происходит такая же рекурсия с инверсией сетей, и дальше умножаются все новые сети. Биосемиотика как раз и предполагает существование такого множества альтернатив. И она предполагает существование интерпретаций этих альтернатив. Другое дело, что сами семиотики зачастую еще не умеют это адекватно интерпретировать.

У Терренса Дикона все возникает из отсутствия, из *absence*. Он в своей книге (Deacon, 2011) вводит понятие интенциональности (*intentionality*) и энтенциональности (*ententionality*). Интенциональность — это когда мы на развитие смотрим с конечной точки, а энтенциональность — это когда мы смотрим с начальной точки. Отсутствие чего-то предполагает, что это должно быть заполнено. И заполнено не случайно, а тем, что требуется, что у-местно, и свое-временно.

Г. Л. Тульчинский: И еще один момент: эта сеть все-таки плетется и дальше фрактализуется — при наличии носителя этой точки.

М. В. Ильин: Эти точки тоже воспроизводятся, сеть — это только образ. Нам только кажется, что эта точка сохраняется. Она не сохраняется, она все время новая. Я говорил, что я через 15 секунд уже не я, а уже несколько своих копий. Уже меня прежнего актуально нет. Только следы. Только память.

Г. Л. Тульчинский: Происходит некое отрицание.

М. В. Ильин: И появление многих копий.

Г. Л. Тульчинский: И сеть рвется.

М. В. Ильин: Да, рвется, но тут же снова формируется со следами свершившегося. О памяти я не договорил. Что такое память? Память у нас сначала очень примитивная, она связана с повторением. Возможность повторить, возможность редуцировать — это и есть память, точнее примитив, на основе которого выстраивается крайне сложное явление темпорально расширяющейся памяти. Оно позволяет нам работать с альтернативами, в сослагательном наклонении и т. п.

8. От субъекта как индивида — к субъекту как системе операций

С. Т. Золян: Как видим, первичный этап при порождении смысла как в биосфере, так и в обществе — это выделение индивида (агента, субъекта). Второй характеристикой Дикон называет автономизацию, что мы хотим увязать также и с возникновением дискретных объектов. В самой клетке, как и в звучащей речи, нет дискретных элементов, но они есть и условие, и продукт происходящих операций. Внесение в среду / контекст дискретности — это когда компоненты выделяются внутри среды и из среды (хотя бы виртуально, как схема операций), отделяются от субстрата и становятся элементами системы. Здесь очень важна как раз роль пробелов и границ. Пробелы — это то, что освобождается от этого хаотического взаимодействия и дает возможность для возникновения осмысленного. Наличие пробелов — это и введение дискретности, и установление границ.

Процессинг и памяти, и контекстуализации осуществляется посредством двух базовых операций — инверсии и рекурсии. И это хорошо согласуется с семиотикой смыслообразования, поскольку непосредственно соотносится с хорошо известными характеристиками знака и, в частности, языкового знака. При этом семиотика демонстрирует, что собственно рекурсии и инверсии как отдельных и раздельных механизмов быть не может. Применительно к знаку и смыслу они взаимопереплетены. В этом мы можем опереться на сочетание уже упомянутой концепции асимметричного дуализма знака Сергея Карцевского и идей Никласа Лумана. От Лумана следует заимствовать понимание смысла как результата операций, которые возникают здесь и сейчас, вне этих операций он не существует. Но у Лумана помимо смысла как операции есть и обращение к памяти — как к некоторому языковому (системному) значению, которое выступает эталоном или доступом к предыдущим операциям. Для всех этих операций должен быть некоторый прецедент, обеспечивающий преемственность употреблений и значений: «Память конструирует структуры лишь с целью одномоментного использования для подтверждения выборочности и ограничения присоединительной способности» (Луман, 2004, с. 46). Подобное распознавание и различение предполагает систему само- и иноописаний. Язык можно рассматривать как самонаблюдающую систему. Систему наблюдения вовсе не обязательно связывать с человеческими когнитивными способностями или внешним по отношению к системе наделенным сознанием субъектом, поскольку сама система также предполагает механизмы самоописания.

В дополнение к этому из концепции асимметрии знака Карцевского следует, что чистой рекурсии в языке быть не может. Например, попытаемся повторить знак «А». Если это знак, то тем самым мы имеем не повтор отдельного элемента «А», а репрезентацию некоторой двусторонней сущности — означаемого и означающего. Невозможно одно и то же «А» произнести дважды, особенно если учесть и неизбежное при

этом изменение контекста. Их различие и различение есть фактор смыслоформирования. Отсутствие различия и различения лишает подобное воспроизведение «А» какого-либо смысла, преобразует его из знака в несемантизированный звук. Поэтому Карцевский вводит понятие траспозиции — при всяком употреблении происходит перемещение, траспозиция по оси либо означающих (омонимия), либо означаемых (синонимия).

Мысль Лумана подтверждают данные нейрофизиологии: о том, что извлечение знака (или образа) из памяти каждый раз предполагает обращение к новому, трансформированному знаку. Когда мы извлекаем нечто из памяти, оно оказывается измененным по сравнению с предыдущим воспроизведением. Но, как выясняется, это не совсем так: существуют рутинные операции, когда извлечение из памяти осуществляется автоматически. Чтобы получилось отличное, должен наличествовать момент шока, стресса, удивления и т.п., или, используя уже прижившиеся термины, остранения или деконструкции: «Произнося “солнце”, мы совершаем как бы огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова» (Мандельштам, 1987, с. 118).

При рутинных операциях, не приводящих к смыслоизменению, память не перестраивается. Так, объясняя природу остранения, Виктор Шкловский цитировал Л.Н. Толстого — как тот не мог вспомнить, протирал он пыль или нет⁸. Подобного рода рутинные операции не приводят к перестройке системы, но они бессмысленны. Иное дело — механизмы, предполагающие оперирование знаками. Если некоторый знак повторяется, то повторяется либо его означающее, либо означаемое, и уже в данном случае возникают определенные механизмы инверсии и рекурсии. Они действуют следующим образом. Рекурсия оказывается повторением, например означающего, и тем самым образуется знак с новым смыслом, но который через несколько шагов может вернуться в исходное состояние. Возникает семиотическая петля, и, например, омонимы превращаются в омонимы, а омонимы — в омонимы, но только уже не лингвистические, а социальные. Несколько более сложны по количеству шагов, но достаточно прозрачны с точки зрения репрезентации предполагаемого смысла такие операции, в которых подразумеваемое означаемое выражается посредством означающего другого знака (ср. с эвфемизмами типа «Чудак» на букву «М»;

⁸ «Я обтирал пыль в комнате, и, обойдя кругом, подошел к дивану и не мог вспомнить, обтирал ли я его или нет. Так как движения эти привычны и бессознательны, я не мог и чувствовал, что это уже невозможно вспомнить. Так что, если я обтирал и забыл это, т.е. действовал бессознательно, то это все равно, как не было. Если бы кто сознательный видел, то можно бы восстановить. Если же никто не видал или видел, но бессознательно; если целая жизнь многих пройдет бессознательно, то эта жизнь как бы не была» (запись из дневника Льва Толстого от 1 марта 1897 года. Никольское).

«Нет вобле» и т. п.). Тем самым этот знак-эвфемизм функционирует как комплекс из двух означаемых. Так возникает образ рыбы как символа Христа («Ихтис», ΙΧΘΥΣ читается как аббревиатура выражения Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ (Иисус Христос Божий Сын Спаситель).

В самом общем виде система подобных операций может быть представлена следующим образом. Ранее мы пришли к выводу, что прагматика как интерфейс будет постоянно делиться и воспроизводиться, как бы само-выделяя новые интерфейсы. Интерфейсы становятся системой, системы — новым интерфейсом. Система как бы выбирает контекст, вбирает в себя и отражает его в других промежуточных операциях. Но то же самое можно сказать и о контекстах, это есть некоторое отражение общей системы, как бы зеркало зеркала. Как и зеркало троллей в «Снежной королеве», даже разбитое на множество осколков, оно продолжает воспроизводить свою целостность. Так внутри системы-интерфейса возникают некоторые промежуточные пары: язык-дискурс, дискурс-текст, текст-контекст, и каждый из членов этих пар также может расщепляться. Однако следует предусмотреть, чтобы этот процесс мог завершиться, Ахиллес должен догнать черепаху. Анализируемые мною примеры⁹ показывают, что происходит замыкание, обратное движение к исходному знаку, то есть реализация именно странной петли Хофштадтера, спираль уже не тянется вверх, а срывается вниз: «Самый конец наступает нечаянно и звучит как начало» (Мандельштам, 1987, с. 118).

Семантические операции могут принимать различные формы, но в целом это две базовые — рекурсия и инверсия. Предыдущая репрезентация знака становится означающим для другой, как проспективной, так и ретроспективной. Знак как бы помнит свои предшествующие состояния и предсказывает последующие. Это не только возвращение, но и движение как бы вниз — к изначально данным знакам-значениям в системе. Разумеется, они оказываются трансформированы отражениями порожденных репрезентаций. При этом в процессе порождения новых знаков и смыслов должно быть нечто, за что можно зацепиться: это либо означающее, в измененном контексте лишившееся прежнего значения и готовое принять новое, либо находящееся в том же состоянии означающее. Вновь сошлюсь на наш анализ текстов-высказываний: получаемые интерпретации можно рассматривать как результат взаимодействия системы и контекста. При этом роль субъектности здесь оказывается практически минимальна, поскольку система, входя в контекст, порождает (исчисляет) все новые трансформации, которые в большинстве случаев также основываются на инверсии и рекурсии.

⁹ Подробно операции рекурсии и инверсии, приводящие к трансформации означаемых и означаемых и одновременной актуализации нескольких интерпретаций, на примере описания слогана Омон(и(мы)) — Антонимы охарактеризованы в: (Золян, 2023а). См. также об использовании имени французского фантаста Ива Гондона в украинском политическом дискурсе (Золян, 2022а), об окказиональном именовании «змеями» таксистов калининградской фирмы «Кобра» (Золян, 2023в).

Возвращаясь к проблемам памяти, можно дополнить вышеприведенную мысль Лумана. Чтобы произошел рефрейминг, переформулировка, переосмысление и т. п., необходимо создать особые условия, особые контексты. Если их нет, то никакие семантические осложнения не возникнут.

Асимметрия языкового знака приводит к такому явлению, как аттракция. Фонетическая аттракция — это паронимия, когда мы на основе одного означающего переходим к другому и на этой основе мы либо сознательно, либо ошибаясь, смешиваем или сопологаем означаемые. На этом основании В. П. Григорьев развивал теорию паронимической аттракции (Григорьев, 1977). Фонетика оказывается как бы якорем для всех этих семантических транспозиций¹⁰. Точно так же можно рассматривать и семантическую аттракцию, когда несколько значений как бы повисают на одном означающем (Золян, 2022б). Но чтобы эта конструкция не разрушилась, как выясняется, нужны еще дополнительные условия. Для их описания, в частности, можно ввести понятие семантической устойчивости (Золян, 1991). В механике существуют уравнения, допускающие бесконечное множество решений. Так, колебания маятника могут быть описаны через уравнения, имеющие бесконечное количество решений. Однако можно проигнорировать это множество и задать некоторые предельные точки: это точки максимума амплитуды и состояния покоя. Применительно к семантике знака в различающихся контекстах это значит: невозможно (да и необязательно) фиксировать все изменения смысла, как, например, в случае так называемой неоднозначности, или широкозначности (*vagueness*); но достаточно зафиксировать некоторые точки устойчивости, вокруг которых группируются остальные значения и при которых эта система не распадается. В качестве примера можно привести различие между многозначностью и омонимией. При многозначности различные значения знака выступают как точки устойчивости, описание которых задает семантику знака; при омонимии такие точки отсутствуют и различные негармонизированные значения характеризуют отличные друг от друга знаки^{11, 12}.

¹⁰ Ср. в «Разговоре о Данте»: «Семантические циклы дантовских песней построены таким образом, что начинается, примерно, — “мед”, а кончается — “медь”; начинается — “лай”, а кончается — “лед”» (Мандельштам, 1987, с. 118).

¹¹ Ср. «В банке поменяли полы и сменили дирекцию» — различные значения слова «банк» (банк как помещение, банк как учреждение) в данном случае не различаются. Между тем в предложении «Храните деньги в банке, но не в банке» банк-финансовый-институт, и банка-стеклянная-домашняя-тара не могут быть совмещены и в приведенных контекстах оказываются взаимозаменяемыми. Поэтому эти предложения имеют двоякое прочтение — то ли призывают хранить деньги в предназначенных для этого финансовых институтах, то ли выражают недоверие к этим институтам, почему и наиболее надежным считают хранение дома.

¹² В предложенном выше мы следуем разграничению, предложенному С. К. Шаумяном: «Если различия между значениями слова зависят исключительно от различий между контекстами, то значения представляют собой варианты одно-

9. «Память, время и смыслообразование» — как это видится изнутри системы

А. А. Тесля: Я начну с несколько простой фиксации, где нам важны И. Фихте и Н. Луман. С концептуальной точки зрения это даже интуитивно понятно: есть граница, есть переход границы, есть связанные с этим смыслы. Проблемы возникают тогда, когда мы говорим о смысле изнутри системы. То есть в случае закрытой системы, о смысловом различии и смыслообразовании для нее, а не для внешнего наблюдателя.

На совсем базовом ходе, чтобы не тратить время, речь пойдет только о социальных и психических системах, используя лумановское различие. Здесь мы их рассмотрим в той или иной степени как замкнутые системы. Разумеется, нельзя упускать второй важный момент — вопрос, как мы можем определить смысл по отношению к этим системам. Еще раз — уходя от психологизации, рассматривая «смысл» вне психологических категорий. Таким образом, у нас фактически фиксируются два состояния (см. ниже). Кстати, это важный момент, здесь разграничение проблемы соотношения знака и смысла в том, что у не у всякого знака будет смысл.

Итак, первый простой вариант: система, сводимая к какому-то конечному числу вариантов / состояний, конечному для нее самой (что выводит на передний план эпистемологическую проблему). Здесь мы почти сразу можем начать с темпоральности, а потом мы снова к ней вернемся. Начнем со времени. Если речь идет о социальных и психических системах, — я опять же напомним, в рамках логики, идущей от специальной теории относительности, — то время мы рассмотрим как синхронизацию. Следовательно, у нас больше нет абсолютного времени, у нас есть, например, время системы.

Итак, на первом ходе (вариант 1), если система является для самой себя исчислимой при каждом конкретном действии, то ей не нужна память. Она находится исключительно в состоянии актуальности, а раз она находится в состоянии актуальности, то у нее нет памяти и у нее нет времени. В этом смысле она для себя постоянно прозрачна. Раз она неизменно прозрачна, то у нас не возникает удвоение, у нас не возникает различие и, соответственно, в этом состоянии актуальности у нас нет смысла. Это ключевой момент.

го и того же значения; если же эти различия не зависят от контекста, то они являются альтернативными значениями слова-омонима» (Shaumyan, 2006, p. 72). Тем самым при полисемии значение оказывается функцией от контекста, при омонимии — контекст есть функция от того или иного значения знака. Слабое место определения С. К. Шаумяна в том, что в случае омонимии оно допускает актуализацию не зависящего от контекста значения. Между тем ср.: *В банке клерков, как пауков [в банке]* — оба омонимичных значения отчетливо различаются и не могут заменять друг друга, а второй омоним может быть опущен, но легко восстанавливается именно благодаря контексту, отсылая к идиоме «пауки в банке».

А когда у нас возникает смысл? В ситуации, когда система оказывается непрозрачной для самой себя. Акцентирую: в ситуации, когда ничто не прозрачно, для *внешнего* наблюдателя нет вопроса, здесь же вопрос о смысле изнутри (о смысле системы и / или чего-то в системе для самой системы). Эта непрозрачность для самой себя, неисчислимость — отсюда что у нас возникает? Как возможно действовать? Возможность действия в ситуации неисчислимости — это память.

Чем является память как инструмент действия? Память — это отождествление того, что не является тождественным. Это ключевой момент: то, что запомнено, по определению не является тем, что было здесь и сейчас. Но между условным «А» и условным «Б» осуществляется операция приравнивания, они признаны тождественными. Соответственно, система в этой ситуации действует так же, как она действовала в предыдущий раз, исходя из какой-то логики, из того, что эта ситуация является такой же, как предыдущие.

Тут возникают два очень важных момента. Первый момент: здесь происходит одним актом отождествление и растождествление. Это ключевое. Операция отождествления и растождествления — это одна операция.

Второй момент: здесь возникает время, что важно, потому что как только у нас появилась память — обратите внимание, здесь у нас очень такой прустовский ход, — время возникает из памяти. Как только у нас возникла память, у нас возникло отождествление и растождествление как единый акт, у нас возникло два состояния как минимум — актуальное и неактуальное. Помимо актуальности появилось *что-то другое*. То, как производится это что-то другое, как осуществляется отождествление, отождествление с чем именно, — собственно и является операцией производства временем.

Смысл здесь тем самым выстраивается как парадокс. Ключевой момент: до тех пор пока у нас есть простая данность, смысл не возникает. Смысл — это операция парадокса. Парадоксального отождествления нетождественного.

М. В. Ильин: Или воспоминание.

А. А. Тесля: Да, совершенно верно. Воспоминание, опять же, является чем? Парадоксальным моментом. Например, явление того же самого я: я вспоминаю о прошлом, я являлся *таким*. Здесь парадоксальный факт. Тут мы напрямую уходим к П. Рикёру: я сам как *другой* со всеми окрестностями (Рикёр, 2008). Понятно, что любая операция воспоминания является операцией дифференса (различения), что важно.

Теперь у нас операции смыслов. Операция смыслов являются трехходовкой. У нас есть память, у нас есть производство времени изнутри системы и есть смысл, который сам изначально является одной операцией отождествления-растождествления. Что мы здесь решаем? Мы здесь решаем практически по-фихтевски. Мы решаем изнутри системы, а не через взаимодействия. Изнутри системы мы постоянно получаем порождение новых смыслов. В этом плане растождествление — ситуация движения. Как только мы получили время, мы получили не просто какой-то смысл, мы получили машину смыслопорождения. Это ключевой момент.

Теперь следующий момент, здесь уже будет сильное усложнение. Это то, что меня интересует. Мы получили время, но, как я уже сказал, мы получили время, которое производится системой. Время здесь производимое. Следовательно, у нас получается, что есть режимы производства времени. Это достаточно очевидный ход. Разные системы, в том числе разные социальные системы, производят время по-разному. Но, ключевой момент, они не просто производят время по-разному. Они производят разное время. Следовательно, раз они производят разное время, то тем самым мы получаем в этой логике разные режимы смыслопорождения.

И поскольку время здесь обуславливает, то тем самым режимы смыслопорождения оказываются не разными режимами производства смысла, а, если позволительно выстроить такую языковую конструкцию, разными режимами производства смысла «смысла» (что на следующем ходе ставит проблему соотносимости «смыслов») и возможность объединять их в единое понятие именно через процесс, через то, каким образом производится нечто. Что есть смысл? У нас здесь на ближайшем ходе можно сравнить с фукольдianским ходом, с разными эпистемическими порядками, с разными эпистемами. В этом плане получается, что «смысл-1», «смысл-2», «смысл-3» — они не являются просто разными смыслами. Если брать по фукольдianский пример, то здесь у нас меняются не разные понимания истины в истории, у нас меняется сама истинность, она оказывается исторична. Следовательно, вот здесь, на уровне только что обрисованной схемы, определяющей смысл через память, время и отождествление / растождествление, мы можем увидеть, что историчным тем самым оказывается смысл.

Еще раз обращаю внимание, что речь идет о наблюдении изнутри системы. Ситуация с внешним ходом — она очевидна. Ситуация в рамках, что происходит в самой системе и почему система сама по себе способна создавать новые смыслы, — вот здесь через изначальное делёзовское понимание смысла как парадокса, что смысл возникает именно там, где перед нами нечто парадоксальное. И смысл сохраняет в себе эту парадоксальность. Он не является снятием парадокса в рамках аристотелевской логики, он не является снятия даже в рамках гегелевской. Смысл сам по себе есть парадокс — ход, лежащий в основании как ранних «Наукоучений» Фихте, так и его пути к поздним, берлинским и кёнигсбергским «Наукоучениям».

М. В. Ильин: *Парадоксальничество*, процесс. Поскольку система — это не система точечная, поскольку это социальная система, то у нее много времен и много парадоксов. Вот это воспроизводство парадоксов множественно.

А. А. Тесля: Это ключевой момент, совершенно верно. Но что делает ее единой системы реальной? Если мы вернемся к Н. Луману (Луман, 2004, гл. 2).

М. В. Ильин: Отождествление возможно.

А. А. Тесля: Да, и тем самым мы возвращаемся к Эйнштейну, мы возвращаемся к тому, что делает систему реальной, — это возможность

синхронизации. Более того, мы можем обратным ходом спросить, а является ли это единой системой? Если она способна осуществлять внутреннюю синхронизацию времени, значит, она является реальной системой. Если нет, то перед нами несколько систем взаимодействующих.

М. В. Ильин: Еще буквально одна фраза. С точки зрения феноменологического подхода у нас только один феномен здесь, феномен с *-ing*. У нас происходит оязыковление, осмысление, у нас происходит *linguaging, thinking, extending* и так далее. Вот что происходит. Вот в этом смысле нет языка, есть только некие условные моменты в процессе *linguaging*, которые могут стать своего рода «точкой отсчета», моментом как интенционального, так и энтенционального формирования. Но таких точек-языков бесконечное число.

А. А. Тесля: Но, переходя в практическую плоскость, ключевой момент, что тем самым мы получаем возможность артикуляции конкретного вопроса в связи с вопросом об устройстве времени, вопроса о конкретном устройстве смыслопорождения. Мы можем конкретно спрашивать о режиме смыслопорождения. Причем не просто спрашивать о режимах смыслопорождения в вакууме, а через соотнесенность с режимами производства времени.

Г. Л. Тульчинский: У нас есть кого спросить?

М. В. Ильин: Это мы, точнее — те, кто берет на себя смелость сказать — это мы.

Г. Л. Тульчинский: Главным условием является наличие некой противоречивой системы, претендующей на полноту. Любая система, претендующая на полноту, оказывается противоречивой. Это может быть личность, это может быть социум. Для того чтобы и дальше каким-то образом реагировать, в силу своей неполноты и противоречивости вырабатывается память. Начинает строиться какая-то наррация. Личная история — личная память. Либо память какого-то социума.

Как только возникает некоторая память, возникают время и механизмы смыслопорождения, в том числе с помощью наррации. Для того чтобы каким-то образом консолидироваться, нужно выстроить личность, нужно преодолеть шизофрению. Или социуму для того, чтобы каким-то образом консолидироваться, нужно выстроить целостную память. Тогда мне нужно заниматься скрепами, выстраивать программу, выстраивать единую смысловую картину мира, для того чтобы этот социум консолидировался. Если же мы имеем дело с развивающейся системой, она должна сохранить возможности различных смысловых картин мира. В той логике, которая прозвучала, личности с социумом не заинтересованы в преадаптации и прокреации, они заинтересованы в консолидации, в памяти. По крайней мере пока так прозвучало.

А. А. Тесля: На первом ходе у нас всего лишь есть непрозрачность системы, ее неисчислимость. Обратите внимание, что неисчислимость не является противоречием. Это главный момент. Неисчислимость сама по себе не противоречие, неисчислимость сама по себе не парадокс. Непрозрачность в данном случае — это у меня практически полный синоним неисчислимости. Другими словами, непрозрачность — это всего лишь то, что в актуальном времени... Простой пример, здесь у

нас фактически получается, что система — неважно каким образом, неважно за счет чего, это глубоко безразлично, — не может просчитать действия в конкретном моменте времени, в конкретной ситуации.

М. В. Ильин: Можно мне сказать мое словечко? Мое словечко называется *целое*, или *целостность*. Мы смотрим на этот разлетающийся феномен: этот разлетающийся феномен — это целое, но это целое не завершено, и поэтому оно не целое уже, и не целое еще. Следующим шагом оно перестает быть целым — и в этом смысле никакого парадокса нет, а есть ровно то, что ожидается. Наша моментальная целостность нецелая. Но будет еще целее со следующим нашим шагом. Наше нынешнее можно исчислить, но это будет уже *завтрашняя*, *вчерашняя*, как вычислите. Это уже будет иное состояние. Исчислимость все время убегает. Целостность все время убегает. Вот парадокс.

Г. Л. Тульчинский: Интенциональность изначальна. В том числе и в неживой природе (об этом писал в свое время Б. Спиноза, в наши дни — Д. Деннет). Любая возникшая система — Солнечная система, галактика какая-нибудь еще, хоть камень, — любая система стремится к сохранению целостности, но свою целостность, и это уже зародыш интенциональности, она может сохранить только в результате какого-то обмена с внешней средой. Потому что изначально при всей своей целостности она неполна. Для этого нужен обмен веществ, обмен структур, всяческий обмен со средой. Живой организм — еще более явно. Наделенный сознанием — еще более явно.

А. А. Тесля: Я про то, что это само по себе не представляет проблемы. Если мы включаем обмен с внешним миром, тогда в чем засада-то?

Г. Л. Тульчинский: Бесконечное не актуально, а потенциально осуществимо. Это не я, это А. Гейтинг.

С. Т. Золян: Я хочу к примитивам вернуться. У нас появляется смысл, когда есть дифференциация. Могу ли я понять так, что время можно отождествить с какими-то операциями?

А. А. Тесля: Естественно, время — это всегда операция.

С. Т. Золян: Это легко переводится в семиотику, у нас появляется знаковое отношение. Если мы нечто разграничиваем, то это нечто отсылает к себе, как к своей памяти, и это становится знаком. Представьте, что я звук «А» произнес, и он стал загогулиной на доске, стал обозначением звука «А».

А. А. Тесля: Да, разумеется, но у нас это возникает, если брать пример У. Эко, во втором типе знаковых систем. То есть ни о каком смысле мы не говорим, когда у нас есть простое различие А и Б. Например, лампочка горит — лампочка не горит. Здесь у нас смысла не возникает. Смысл у нас возникает как минимум во второй знаковой системе, там, где у нас появилась область бессмысленных значений. Как только появилась область бессмысленных значений — всё, тут смысл, тут возможность парадокса. В этом плане получается, что, разумеется, почти во всех знаковых системах, с которыми мы имеем дело, есть смысл. Но чисто теоретически мы можем представить себе знаковую систему первого уровня, где у нас нет смысла вот в том плане, о котором я говорил.

С. Т. Золян: Я бы сказал так, что у нас всё есть, но просто мы можем различать, а можем не различать. Мы можем не различать, горит лампочка или нет, а можем различать, горит ли она вполнакала и т. д.

А. А. Тесля: Нет, мы тогда это делаем за счет своей знаковости, но для нее самой по себе этого различения не будет. Если у нас ноль-один, внутри мы неразличимы.

Г. Л. Тульчинский: Он же говорит, что изнутри системы.

С. Т. Золян: Если изнутри, то тогда система будет воспроизводить эти «А».

А. А. Тесля: В том-то и дело. Тут вопрос, когда изнутри системы возникает смысл.

Г. Л. Тульчинский: Возникает с памятью вместе.

С. Т. Золян: Да, внутри системы не возникает, но если эта система создает для себя какую-то ситуацию самоописания, тогда это возможно.

А. А. Тесля: Если речь идет изнутри системы, то основные вопросы хорошо как раз в немецкой классике проработаны — это Гегель, Фихте. Вот эта линия — это история про дедукцию категорий. Основная задача заключается в том, что извне, как Фихте говорит, не работает. Нужно объяснить внутренние процессы через различение, поскольку, если мы принимаем принцип единства реального, единого основания, то тогда само различение и смыслы должны возникать не через сопоставление с чем-то внеположенным, а из единства (того, что у Фихте будет обозначаться как изначальное «Я» или «Абсолютное Я»: см., в частности: (Гайденко, 1979)).

Г. Л. Тульчинский: А потом на эту апофатику приходит К. Маркс и переворачивает все с головы на ноги. А на самом деле он из апофатики делает предельную катафатику.

А. А. Тесля: И Фихте буквально в 1806—1807 годах прямо проговаривает, чем он занимается, какова его методологическая философская программа — нигилизм. Его же Ф. Якоби сначала нигилистом обзывает, вводя это слово, а Фихте говорит, что это методологический принцип. Основная проблема, как у тебя базовые различения возникают.

М. В. Ильин: И Терренс Дикон — нигилист, он тоже начинает всё с отсутствия. Для того чтобы получить смысл, нужно иметь бессмыслицу! Вот то, о чем Андрей Александрович говорил. Для того чтобы получить смысл, нужна бессмысленность. Конечно, я и не говорю, что только это одно. Нужно много чего, еще и целая процедура их соединения и переходов. Например, ты намеренно теряешь смысл для того, чтобы его произвести. Вариантов много.

10. В попытке заключить: прагмасемантика как субъект семиозиса и семиозис субъекта

С. Т. Золян: Попытаемся совершить рекурсивную петлю и напомнить, что было нашей задачей: это попытка уяснить, какие взаимointerпретирующие механизмы обеспечивают интерфейс между текстом

и контекстом (языком и миром, языком и культурой, языком и социумом). Мы убедились, что это многоуровневая и связанная отношениями инверсии и рекурсии система систем-интерфейсов, названная нами прагмасемантикой. Она выступает и как платформа-интерфейс соотношения / преобразования внутрисистемных смысловых единиц и экстралингвистических объектов на множестве возможных миров, о чем было сказано в начале дискуссии. Но, обсуждая различные аспекты, мы вышли на новую проблематику: это платформа наделена аутопойэтическим потенциалом порождать новые операциональные системы-интерфейсы, а также текстуализованные структуры операций и интерпретаций (инструкции, память, рефрейминг). Порождение значения выступает как результат взаимодействия платформы-как-системы с платформой-как-контекстом, учитывая возможность того, что одна порождает и детерминирует операциональный потенциал другой, действуя как рекурсивная петля или лента Мёбиуса.

Г. Л. Тульчинский: За что я люблю наши круглые столы, так это за то, что они в результате сами выстраиваются в систему развития и смыслопорождения. Конкретизирую пункты, которые можно считать результатами нашей дискуссии, из которых особо существенным я считаю связь между субъектностью и семиозисом смыслообразования:

(1) Прагмасемантика есть синтез семантики и прагматики — их разделение непродуктивно, так как любой смысл определяется контекстом использования.

(2) Механизм смыслообразования обусловлен семиозисом (семиотизацией), в котором ключевую роль играет текстуализация и оязыковление.

(3) В этом плане означаемое порождается означающими, структуры которых, сформированные взаимодействиями и практиками, воспроизводят эти процессы.

(4) Смысл = воплощенные и воспроизводимые программы взаимодействий и практик.

(5) Смыслообразующие (кон)тексты всегда неполны, разомкнуты.

(6) Поэтому в смыслообразовании (воспроизведении) ключевую роль играет апофатический фактор (пробелы, паузы, пустоты), обеспечивающий динамику смыслообразования — выход в ничто, нонсенс, семантический вакуум (В. Налимов), во вненаходимость (М. Бахтин), в неприсутствие (М. Хайдеггер, В. Бибихин).

(7) Интенциональность есть стремление к сохранению системы своей целостности (Д. Деннет).

(8) В сложных системах (биологических и далее) возникает возможность саморепликации за счет рекурсивной самоинтерпретации (рефлексивного саморазличения) — трансцендентальный субъект (Э. Гуссерль), странная петля самости (Д. Хофштадтер), субъектность.

(9) Субъектность позитивно физически не дана (пуста, апофатична по самой своей сути), но дает возможность сохранения собственного опыта (память) и наращивания его разнообразия за счет уподоблений, метафоризаций, обеспечивающих связность опыта (памяти), его устойчивое своеобразие («идентичность») и саморазличение.

(10) Тем самым субъектность выступает как универсальный интерфейс, реализующий смену контекстов, их взаимодействие, порождение возможных новых, обеспечивая прокреативность и преадаптивность системы, ее устойчивость и развитие.

(11) Таким образом, для возникновения и действия субъектности важны не только, а то и не столько мышление или также телесный опыт, а стоящий за ними механизм семиозиса.

Благодарности

Материалы круглого стола были подготовлены за счет проекта РНФ 22-18-00591 «Прагмасемантика как интерфейс и операциональная система смыслообразования», осуществляемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Алкер Х.Р.-мл. Политическая методология: Вчера и сегодня // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Вып. 4: Поверх методологических границ / М. В. Ильин (гл. ред.). М., 2014. С. 345 – 359.

Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М., 2018.

Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с франц. О. В. Ковеневой ; под науч. ред. Н. Е. Копосова. М., 2013.

Вернадский В.И. Очерки геохимии. М., 1934.

Вернадский В.И. Труды по геохимии. М., 1994.

Гайденок П.П. Философия Фихте и современность. М., 1979.

Градоустройство: от социальной диагностики к конструктивному диалогу заинтересованных сторон : в 2 кн. / отв. ред. Т. М. Дридзе. М., 1998.

Григорьев В.П. Паронимия // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия / отв. ред. А. Д. Григорьева. М. : Наука, 1977. С. 186 – 239.

Гумбольдт В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. М., 2019.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 264 – 389.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. Ереван, 1991.

Золян С. Т. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике // Критика и семиотика. 2021. №1. С. 57 – 77. doi: 10.25205/2307-1737-2021-1-57-77.

Золян С. Т. Асимметричный дуализм языкового знака как политический инструмент: метаморфозы французского фантаста на Украине // Иностранные языки в высшей школе. 2022а. №2 (61). С. 15 – 22. doi: 10.37724/rsu.2022.61.2.002.

Золян С. Т. Смыслотворчество и его лингвистические механизмы: семантическая аттракция // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022б. №1. С. 82 – 91. doi: 10.31912/pvrl-2022.1.9.

Золян С. Т. Семиотический перпетуум мобиле в действии: ОМОН, омонимы и антонимы // Слово.ру: балтийский акцент. 2023а. Т. 14, №1. С. 86 – 106. doi: 10.5922/2225-5346-2023-1-6.

Золян С.Т. О семантике языкового знака в свете теории асимметричного дуализма: возможные расширения // Вопросы языкознания. 2023б. №1. С. 151–168. doi: 10.31857/0373-658X.2023.1.151-168.

Золян С.Т. Семантическая аттракция и окказиональное смыслообразование // Иностранные языки в высшей школе. 2023в. №3 (66). С. 18–24. doi: 10.37724/RSU.2023.66.3.002.

Золян С.Т. Что есть дискурс? Возвращаясь к «потаенному» Соссюру // Иностранные языки в высшей школе. 2023г. №4 (67). С. 6–11. doi: 10.37724/RSU.2023.67.4.001.

Карцевский С.И. Об асимметричном дуализме языкового знака // Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. М., 2004. Т. 2. С. 239–245.

Лефевр В.А. Рефлексия. М., 2003.

Лосев А.Ф. Философия имени / Самое само: Сочинения. М., 1999.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М., 2004.

Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. М., 1987.

Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 2007.

Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. Б.М. Скуратова ; под ред. И.С. Вдовиной. М., 2008.

Розов Н.С. Происхождение языка: коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2021. №11. С. 162–193.

Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск, 2022.

Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с франц. А.А. Холодовича. М., 1977.

Тульчинский Г.Л. Аристотель = Льюис Кэррол – (Лейбниц + Гильберт + Лукасевич), или Отрицательные термины и экзистенциальность силлогистики // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке. СПб., 1996. С. 115–118.

Тульчинский Г.Л. Логика Льюиса Кэрролла и гипотеза Лукасевича // Логика, язык и формальные модели. СПб., 2012. С. 152–159.

Тульчинский Г.Л. Стратификационные семантические модели текста: «глубокая семиотика» и «стереометрическая семантика» // Между миром и языком: смысл и текст в коммуникативном пространстве / под ред. С.Т. Золяна и Г.Л. Тульчинского. Калининград, 2022. С. 100–132.

Тульчинский Г.Л. Лента Мёбиуса прагмасемантики смысла: от культуры через субъектность в ничто – и обратно. // Слово. ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 8–30. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-1.

Человек как открытая целостность / отв. ред. Л.П. Киященко. Новосибирск, 2022.

Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996.

Deacon T.W. Incomplete nature: How mind emerged from matter. N. Y., 2011.

Deacon T.W. How Molecules Became Signs // Biosemiotics. 2021. Vol. 14. P. 537–559. doi: 10.1007/s12304-021-09453-9.

Galtung J. Essays in methodology. Copenhagen, 1977. Vol. 1 : Methodology and ideology.

Hofstadter D.R. I Am a Strange Loop. N. Y., 2007.

Hjelmslev L. Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse (= Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen. Vol. 25). Copenhagen, 1993.

Humboldt W. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts [1836] // *Gesammelte Schriften*. Berlin, 1968. Bd. 7. S. 1 – 344.

Lefebvre V. A. Research on Bipolarity and Reflexivity. N. Y., 2006.

Lotman M. Verse as a semiotic system // *Sign Systems Studies*. 2012. Vol. 40, №1/2. P. 18 – 51. doi: 10.12697/SSS.2012.1-2.02.

Monod J. Chance and Necessity: An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology. Fontana, 1971.

Saussure de F. Writings in general linguistics. Oxford, 2006.

Shaumyan S. Signs, Mind, and Reality: A theory of language as the folk model of the world. Amsterdam, 2006.

Uexküll J. Umwelt und Innenwelt der Tiere. Berlin, 1909.

Об авторах

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4422-5792

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований, ИНИОН РАН, Россия.

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Андрей Александрович Тесля, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель Центра исследований русской мысли, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: mestr81@gmail.com, AnATeslya@kantiana.ru

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург; исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования: Золян С. Т., Ильин М. В., Тесля А. А., Тульчинский Г. Л. Где и как возникают смыслы (материалы круглого стола) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 8 – 43. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-1.

WHERE AND HOW MEANINGS EMERGE (roundtable proceedings)

S. T. Zolyan¹, M. V. Ilyin^{1, 2}, A. A. Teslya¹, G. L. Tulchinskiy^{1, 3}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

² Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,

51/21 Nakhimovsky Pr., Moscow, 117997, Russia

³ Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia,

16 Soyuz Pechatnikov St., Saint Petersburg, 190008, Russia

Submitted on 20.02.2023

Accepted on 11.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-1

The discussion aims to identify the interpretive mechanisms that provide an interface between text and context (between language and the world, language and culture, language and society). It is a multi-level system of interfaces connected by inversion and recursion relations and operations. We identify this system as a pragmasemantics. It also acts as an interface platform for correlation/transformation of intra-system semantic units and extralinguistic objects within a set of possible worlds. At the same time, this platform is endowed with the autopoietic potential to generate new operating interfaces systems, as well as textualized structures of operations and interpretations (instructions, memory, reframing). The generation of meaning is the result of the interaction of the system platform with the platform-as-context, due to the possibility that one generates and determines the operational potential of the other, acting a recursive loop or Möbius strip. The connection between subjectivity and meaningful semiosis is crucially important due to the key role of textualization and language. The signified are reproduced by signifiers and thus generate those processes that are structured by interactions and other practices. In complex systems (biological and beyond), the possibility of self-replication arises through recursive self-interpretation. Thus, subjectivity acts as a kind of universal interface that determines the change of contexts, their interaction, the generation of possible new ones, ensuring the pro-creativity and pre-adaptability of the system (its stability and development).

Keywords: *semiotics, pragmasemantics, semiosis, contextualization, meaning-making, subjectivity, linguistics*

References

Alker, H.R., jr., 2014. Political Methodology: Old and New. In: M.V. Ilyin, ed. *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 4, pp. 345 – 359 (in Russ.).

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M., 2018. *Preadaptatsiya k nepredelennosti: nepredskazuemye marshruty evolyutsii* [Pre-Adaptation to Uncertainty: Unpredictable Evolutionary Routes]. Moscow, 212 p. (in Russ.).

Boltanski, L. and Thévenot, L., 2013. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [De la justification: Les economies de la grandeur]. Translated by O.V. Koveneva. Moscow, 576 p. (in Russ.).

Deacon, T.W., 2011. *Incomplete nature: How mind emerged from matter*. New York.

Deacon, T.W., 2021. How Molecules Became Signs. *Biosemiotics*, 14, pp. 537 – 559, <https://doi.org/10.1007/s12304-021-09453-9>.

Dridze, T.M., 1984. *Tekstovaya deyatel'nost' v strukture sotsial'noi kommunikatsii. Problemy semiosotsiopsikhologii* [Text activity in the structure of social communication. Problems of semiosocial psychology]. Moscow (in Russ.).

Dridze, T.M., ed., 1998. *Gradoustroistvo: ot sotsial'noi diagnostiki k konstruktivnomu dialogu zainteresovannykh storon. V 2 knigakh* [Urban planning: from social diagnostics to constructive dialogue of stakeholders. In 2 parts]. Moscow (in Russ.).

Gaidenko, P.P., 1979. *Filosofiya Fichte i sovremennost'* [Fichte's Philosophy and Modernity]. Moscow, 288 p. (in Russ.).

Galtung, J., 1977. *Essays in methodology. Vol. 1: Methodology and ideology*. Copenhagen: Christian Ejlertsen, 387 p.

Grigoriev, V.P., 1977. Paronymy. In: A.D. Grigor'eva, ed. *Yazykovye protsessy sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury. Poeziya* [Language processes of modern Russian literature. Poetry]. Moscow, pp. 186–239 (in Russ.).

Hjelmslev, L., 1960. Prolegomena to the Theory of Language. In: V.A. Zvegintsev, ed. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics], 1. Moscow, pp. 264–389 (in Russ.).

Hjelmslev, L., 1993. Omkring Sprogteoriens Grundlæggelse. In: *Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen*. Vol. XXV. Copenhagen.

Hofstadter, D.R., 2007. *I Am a Strange Loop*. New York: Basic Books, 412 p.

Humboldt, W. von, 1968. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. 1836. In: *Gesammelte Schriften*. Bd. VII. Berlin, pp. 1–344.

Humboldt, W. von, 2019. *O razlichii organizmov chelovecheskogo yazyka i o vliyanií etogo razlichíya na umstvennoe razvítie chelovecheskogo roda* [Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts]. Moscow (in Russ.).

Jakobson, R., 1996. *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow, 248 p. (in Russ.).

Kartsevskii, S.I., 2004. On the asymmetric dualism of a linguistic sign. In: S.I. Kartsevskii, ed. *Iz lingvisticheskogo nasledíya* [From the linguistic heritage]. Vol. 2. Moscow, pp. 239–245 (in Russ.).

Kiyashchenko, L.P., ed., 2022. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as open integrity]. Novosibirsk, 420 p. (in Russ.).

Lefebvre, V.A., 2003. *Refleksiya* [Reflection]. Moscow, 496 p. (in Russ.).

Lefebvre, V.A., 2006. *Research on Bipolarity and Reflexivity*. New York: The Edwin Mellen Press.

Losev, A.F., 1999. *Filosofiya imeni / Samoe samo: Sochineniya* [Philosophy of the name / The most self: Essays]. Moscow, 1024 p. (in Russ.).

Lotman, M., 2012. Verse as a semiotic system. *Sign Systems Studies*, 40 (1/2), pp. 18–51, <https://doi.org/10.12697/SSS.2012.1-2.02>.

Lotman, Yu.M., 1992. The semiotics of culture and the concept of text. In: Yu.M. Lotman, ed. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallinn, pp. 129–132 (in Russ.).

Luhmann, N., 2004. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Translated by A. Antonovskii. Moscow, 232 p. (in Russ.).

Mandelstam, O.E., 1987. *Slovo i kul'tura: Stat'i* [Word and Culture: Articles]. Moscow (in Russ.).

Monod, J., 1971. *Chance and Necessity: An Essay on the Natural Philosophy of Modern Biology*. Fontana.

Nalimov, V.V., 2007. *Spontannost' soznaniya: Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti* [Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meanings and Semantic Architectonics of Personality]. Moscow, 198 p. (in Russ.).

Ricœur, P., 2008. *Ya – sam kak drugoi* [Soi-meme comme un autre]. Translated by B.M. Skuratov. Moscow, 416 p. (in Russ.).

Rozov, N.S., 2021. The Origin of language: the co-evolution of communicative concerns and sign structures. In: *Metod: moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works from Social Science Disciplines], 11, pp. 162–193 (in Russ.).

Rozov, N.S., 2022. *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti* [The origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns generated speech and cognitive abilities]. Novosibirsk (in Russ.).

Saussure, F. de, 1997. *Trudy po yazykoznaniyu* [Cours de linguistique Générale]. Translated by A.A. Kholodovich. Moscow (in Russ.).

Saussure, F. de, 2006. *Writings in general linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

Shaumyan, S., 2006. *Signs, Mind, and Reality: A theory of language as the folk model of the world*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Tulchinskii, G.L., 1996. Aristotle = Lewis Carroll – (Leibniz + Gilbert + Lukasevich) or Negative terms and the existentiality of syllogistics. In: *Sovremennaya logika: problemy teorii, istorii i primeneniya v nauke* [Modern logic: problems of theory, history and application in science]. St. Petersburg, pp. 115–118 (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2012. Lewis Carroll's logic and Lukasiewicz's conjecture. In: *Logika L'yuisa Kerrolla i gipoteza Lukasevicha* [Logic, language and formal models]. St. Petersburg, pp. 152–159 (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2022. Stratification semantic models of text: “deep semiotics” and “stereometric semantics”. In: S.T. Zolyan and G.L. Tulchinskii, eds. *Mezhdru mirom i yazykom: smysl i tekst v kommunikativnom prostranstve* [Between the world and language: text and meaning in a communicative context]. Kaliningrad, pp. 100–132 (in Russ.).

Tulchinskii, G.L., 2023. The Mobius strip of the pragmasemantics of sense: from culture through subjectivity to nothingness and back. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4), pp. 8–30, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-1> (in Russ.).

Uexküll, J. von., 1909. *Umwelt und innenwelt der Tiere*. Berlin, 260 p.

Vernadsky, V.I., 1934. *Ocherki geokhimii* [Essays on geochemistry]. Moscow (in Russ.).

Vernadsky, V.I., 1994. *Trudy po geokhimii* [Works on geochemistry]. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S.T., 1991. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of a poetic text]. Erevan (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2021. Semiopoesis: Formation of Meaning in Molecular Genetics and Biosemiotics. *Critique and Semiotics*, 1, pp. 57–77, <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-1-57-77> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2022a. Asymmetrical Dualism of a Linguistic Sign as a Political Tool: the Metamorphoses of a French Fantasy Author in Ukraine. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2 (61), pp. 15–22, <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.61.2.002> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2022b. Meaning Creation and Its Linguistic Mechanisms: Semantic Attraction. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 1, pp. 82–91, <https://doi.org/10.31912/pvrli-2022.1.9> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023a. The semiotic perpetuum mobile in action: OMON, homonyms and antonyms. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (1), pp. 86–106, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-6> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023b. Semantics of linguistic sign in the light of the asymmetrical dualism theory: Possible extensions. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 1, pp. 151–168, <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2023.1.151-168> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023c. Semantic attraction and production of occasional meaning. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education], 2 (65), pp. 18–24, <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.66.3.002> (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2023d. What is discourse? Returning to the “hidden” Saussure. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole* [Foreign Languages in Tertiary Education]. 4 (67), pp. 6–11, <https://doi.org/10.37724/RSU.2023.67.4.001> (in Russ.).

The authors

Prof. Suren T. Zolyan, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

Prof. Mikhail V. Ilyin, Immanuel Kant Baltic Federal University; Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Dr Teslya A. A., PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director of the Center for the Study of Russian Thought of the Institute of Education and Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: mestr81@gmail.com, AnATeslya@kantiana.ru

Prof. Grigoriy L. Tulchinskiy, Immanuel Kant Baltic Federal University; Higher School of Economics National Research University, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Zolyan, S.T., Ilyin, M.V., Teslya, A.A., Tulchinskiy, G.L., 2024, Where and how meanings emerge (Proceedings of the round table), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 8–43. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-1.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

БИБИХИН — ЗНАТОК СТИХА И БИБИХИН-СТИХОТВОРЕЦ

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6

Поступила в редакцию 09.02.2023 г.

Принята к публикации 10.09.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-2

Издание «Отдельные записи 1965 – 1989 годов» открыло читателям стихи В.В. Биbihина на случай как инструмент понимания закономерностей культуры. В записях Биbihин обсуждал становление канонов национальной поэзии и неожиданные его факторы, в стихах имитировал поэтику русских поэтов, окруженных ореолом мифа, заменяя при этом моралистическое содержание на экзистенциальное. В этих домашних стихах обсуждается этическое-метафизическое вопрошение, как возможно присутствие в бытии, которое не будет гордыней или нарушением чужих прав.

Ключом к поэтике этих стихов становятся размышления Биbihина о соотношении стиха и прозы в период становления национальных литератур: он настаивает на беспредпосылочности распределения форм стихотворного и поэтического высказывания, политическом конструировании как источнике национального языка и на роли телесных привычек, таких как ходьба, бег, плавание, открытие которых при выполнении культурно-миссионерской национальной программы порождает как устойчивые формы стиха, так и новые жанрово-тематические комплексы. Записи показывают, как стихотворчество позволило ему вскрыть изнанку мифа о поэте, показав роль концептуализаций в становлении творческой индивидуальности и ассоциирующегося с ней ритма.

Общее рассмотрение стихового знаточества и стихотворчества Биbihина позволяет ответить на ряд связанных вопросов: как в позднесоветской независимой философии понималось начальное действие культурного творчества, не предпрешенное, но имеющее в виду универсальную форму социальной организации; как герменевтические усилия были направлены на метакритику социальных ритуалов; как сочинение стихов позволяло объяснить закономерности потребления текстов в разные периоды, а значит, специфику переломных эпох в культуре как эпох проблематизации такого потребления.

Ключевые слова: Биbihин, стиховедение, философия культуры, интеллектуальная история СССР, эпоха застоя, миф о поэте, репутация поэта, переходная эпоха, смена культурных эпох

1. Введение: как Биbihин занялся стихом и стихами

Дневниковые записи В. В. Биbihина, изданные его вдовой О.Е. Лебедевой (Биbihин, 2022), соединяют в себе основной диапазон речевых стратегий дневника: это и инструмент самоанализа, и творческая лаборатория, и архив черновых записей, и хроника чтения, и мемуарные истории. Такие стратегии разделить не просто: Биbihин сочетает раз-

вернутое размышление с краткими характеристиками, что больше напоминает не о дневниковой, но эпистолярной речи, где собеседники с полуслова понимают, почему данное явление охарактеризовано именно так. К примеру, Биbihин может подробно пересказывать какую-то книгу, а потом сделать кратчайшее замечание о ее авторе, или наоборот, рассуждать о каком-то из коллег, а затем несколькими словами обозначить высказанные последним идеи. Такая краткость замечаний позволяет противопоставить дневники Биbihина философской эссеистике, в которой как раз опыт должен найти множество развернутых способов выражения.

Но если эпистолярные правила требуют, чтобы лаборатория или самоанализ были подчинены более общей структуре дискуссии, обсуждения происходящего, то Биbihин может принять в игру и другие речевые стратегии. Ему явно помог опыт работы над переводом писем Петрарки, в которых нет следования дискуссии и выявления в частной переписке ее границ, — напротив, эти письма учреждали дискуссию. Для этого требовалось подробно говорить о себе как *учредителе дискуссии* и при этом указывать на прочитанное и продуманное кратко и емко, дожидаясь реплик собеседников.

Так и у Биbihина — самоанализ может быть выражен одной строкой рядом с большим мемуаром или, наоборот, одной строкой он говорит о прочитанном, предварив это длительным и пытливым самоанализом. Замечания о стихах и сами стихи в записях наследуют этой сжатости. Биbihин развивает свою концепцию поэзии, рассматривая не столько содержание стихов или литературные аллюзии, довольно очевидные для него как эрудита, сколько неожиданные приемы, неожиданные техники стиха. Так, смена точной рифмы на неточную для него может говорить о степени свободы поэтической речи и об ограничениях литературного воображения в сравнении с философски и этически продуманной организацией жизни.

В этом смысле мы рассуждаем о Биbihине как о знатоке стиха. Мы не употребляем слово *стиховед*, подразумевающее филологическую специализацию, хотя, конечно, как переводчик с разных языков, включая санскрит, он хорошо знал историю стиха в индоевропейских языках. Но понятие *знаток стиха* — удачно, оно позволяет говорить о некоторых специальных, воодушевляющих собеседников знаниях, которые могут быть адаптированы всякий раз по-новому для частных переводческих задач в случае специального обсуждения этих задач.

В отличие от тех избранных дневниковых записей, которые Биbihин опубликовал при жизни под названием «Узнай себя» (Биbihин, 1998a), в этих — тоже избранных, но не предназначенных автором для публикации — записях есть большое число стихотворных опытов, иногда весьма пространных, но также и контекстуализирующие замечания о стиховой форме, обычно очень краткие. И стихи как часть творческой лаборатории, и замечания о природе и возможностях стиха появлялись как побочный результат переводческой деятельности: Биbihин переводил много, с разных языков, от санскрита до испанского, экспери-

ментировал с передачей подлинника требуемым размером и звучным ритмом; что не находило места в переводе, превращалось в самостоятельные стихотворные вариации.

Задача этой статьи состоит в реконструкции представлений Библихина о стихе, иногда находящих выражение в переводческой практике, а иногда позволяющих делать замечания о природе поэзии, часто скрытые в форме необычных речевых оборотов в этих экспериментальных стихах. Библихин нередко свертывает свои позиции о каком-то предмете в виде поэтико-риторических формул, противостоящих слишком прозаическому и плоскому афоризму. Подобная реконструкция уже проводилась по отношению к идиомам Библихина (Романенко, 2015) и его политическим рабочим терминам (Павлов, 2019), но не применительно к поэзии и философии поэзии, где обычно исследователи ограничиваются общими формулировками. Тогда как исследование поэтико-риторических формул, образных узлов рассуждений Библихина, позволит лучше реконструировать его философские позиции в отношении языка и других предметов, десятилетиями занимавших его мысль.

Название нашей статьи отсылает к работам Гаспарова о Брюсове (Гаспаров, 2005а) и Андрее Белом (Гаспаров, 2005б) с одним только изменением, просто потому что Библихин не публиковал отдельных специальных стиховедческих исследований. В своих статьях Гаспаров проанализировал сознательное выстраивание двумя ведущими поэтами русского модерна инноваций, когда стиховедческие презумпции прямо определяли характер эксперимента, а удаchi или неудачи эксперимента вели к новым систематическим стиховедческим исследованиям, расширявшим поле внедряемых в практику инноваций.

При этом Гаспаров показал, что кроме этой общей диалектики существует все время определяющее вмешательство самого характера трудолюбивого поэта — грубого Брюсова и нервического Андрея Белого, что обуславливает уже не столько порядок создания приемов, сколько порядок их представления в тех произведениях, которые авторы сочли образцовыми и заслуживающими публикации. Социологическая перспектива у Гаспарова минимальна, ее заменяет характерология вполне в духе переводимых им Плутарха или Светония. Случай Библихина отличается от рассмотренных Гаспаровым по двум параметрам: он не предназначал свои опыты для публикации, но также не располагал презумпциями, скорее прямо настаивал на том, что в настоящей поэзии презумпции неотделимы от инноваций. Это имело большие последствия для своеобразной науки о поэзии, которую развивал Библихин уже в трудах 1990-х годов.

К знаточеству стиха относится итоговый труд о языке поэзии, в котором Библихин прямо настаивает на том, что поэтические приемы не столько делают речь содержательнее, сколько придают стихам тот смысл, который не выводится из других смыслов (Библихин, 2009). Содержание может оставаться тем же — более того, институты интерпретации содержания способны удерживать прежний вид даже при резкой

перемене способа поэтического сообщения. Но благодаря необычным поэтическим приемам смысл не просто обогащается и расширяется. Над вектором речевого смысла, даже обеспеченного самыми невероятными приемами и образами, надстраивается новый смысл, не риторический и близкий философскому, богословскому и пророческому.

В этой большой книге на множестве примеров от «Махабхараты» до «Дикого Шиповника» О. Седаковой Биbihин показывает, как собственные аспекты поэтической речи (необычные приемы), такие как фиктивное обращение, обобщение разнородных модальностей высказывания или риторическая механика наблюдения над опытом слушателя или читателя, превращают поэзию в носительницу сразу двух смыслов, а не только множества значений. Это 1) лирический смысл нового взгляда на вещи, нового вектора восприятия порядков событий, включая события внутренней жизни, и 2) пророческий смысл нового отношения к событиям, невероятной перестройки их порядков, которая никак не подразумевалась прежним движением и взаимосвязью нам известных и нами пересказанных событий.

2. Биbihин: от переводоведения к теории поэзии

Биbihин немало писал о переводе. Основная мысль его как переводоведа состоит в том, что задачей перевода является не выбор удачных стратегий, а минимизация неудач. Он рассуждал так: обычно передачу размера, ритма или фонетики считают удачей, равно как за удачу принимают сохранение значений и нюансов значений слов оригинала. Но эта история удач на практике оказывается историей неудач: ведь ошибкой будет и чрезмерная выразительность, и чрезмерная косность (и перелет, и недолет).

Например, неточная передача фразы оригинала есть недостаток перевода, но и переигрывание со значениями оригинала, попытка сразу заставить их работать, тоже есть недостаток перевода — это ложная и упрощенная выразительность, которая может уводить от цели не меньше, чем вялый и не дотянувшийся до оригинала перевод. Обычно считают удачей воспроизводство богатых рифм или каких-то еще особенностей формальной организации оригинала. Но как неумение подобрать нужные звуковые решения по слабости переводчика, так и удачный подбор слишком громких или даже слишком похожих решений может уводить от оригинала или убивать его.

Так произойдет просто потому что мы будем принимать эти удачные и выразительные решения за факт той литературы, которую мы конструируем («своей» или «чужой», но сконструированной в нашем воображении), и в результате не поймем, что именно говорит автор оригинала. Биbihин пишет:

Связь с автором происходит не через то сомнительное открытие, что в его жизни были такие же человеческие события как у нас. Давние обстоятельства никого по-настоящему не задевают, а если кто к ним присмотрится, они покажутся до странности и отчуждения сходны с нашими. Связь

между автором произведения и автором воспроизведения проходит раньше: через терпеливую оберегающую готовность и умение допустить чтобы такие вещи как жизнь, обстоятельства вообще *были*, допустить и позволить чтобы вообще был человек и был мир, допустить сначала простор, на котором могут происходить вещи, создать и сберечь его. Какой бы неуловимой и бессодержательной ни казалась эта готовность допустить быть миру, умение хранить то, что дано и что есть, как раз это неуловимое, раньше всякого содержания проходящее единомыслие переводчика и автора создает переводимость (Бибихин, 1979).

Такое единомыслие следует понимать не как совпадение каких-то характерных решений, но, напротив, как умение отойти от привычного предикцирования понятий ради совпадения навыков речи переводчика со смыслом переводимого высказывания. Например, мы можем поневоле понять в приведенной цитате и «готовность» как некоторое состояние, и «жизнь» или «обстоятельства» как некоторое состояние, и тем самым счесть, что просто случайное совпадение состояний воспринимающего и воспринимаемого и производит смысл.

Но на самом деле Бибихин говорит о другом: мы должны иначе предиктировать в случае слова «жизнь», чем в случае слова «готовность». Если «готовность» мы понимаем как ситуацию шанса, то тогда жизнь мы уже не должны мыслить как шанс, но скорее как ситуацию смысла, который должен заполнить и реальность. Бибихин рассуждает, что жизнь не следует противопоставлять смыслу, но, напротив, жизнь и оказывается смыслом там, где мы поняли «терпеливую оберегающую готовность» не как смысл, а как некоторый набор значений, указывающих на ситуацию начального отношения к языку и реальности.

Излагать переводоведение Бибихина лучше всего в рамке самого общего вопроса, стоящего за всеми частными вопросами, поднятыми этим философом. Он может быть сформулирован так: возможно ли перевести какой-либо текст, задающий правила предикации для неограниченного множества других текстов, соблюдая все типы предикации в этом тексте? Такой вопрос прямо связан с тем самым двойным смыслом поэзии, о котором мы сказали в конце предыдущего раздела. Под *соблюдением* мы имеем в виду не какое-либо воспроизводство этих типов, которое с помощью условностей интеллектуальной культуры указывает на эти начальные предикации в оригинале, но такое расположение предикаций в переводном тексте, чтобы любой читающий этот текст в переводе встретил ровно те же предикации, тех же типов и в том же порядке, какие встречает читатель оригинала.

Типом предикации мы называем тип создания той ситуации, в которой какие-то высказывания понимаются как высказывания о самостоятельно существующем, а какие-то — как высказывания об условиях понимания существования, наделяющие привилегией существования только некоторые вещи, о которых возможно высказывание. Предельно упрощая исторически, можно сказать, что мифологическое повествование предиктирует все так, что эти вещи оказываются субстантивны — даже действия, например рассвет, рождение или кипение, могут пони-

маться как субстанции, то есть боги. Тогда как философское повествование, наоборот, показывает, что большинство называемых вещей — не субстанции, а определенные условия субстантивации, например указания на обстоятельства, на источники обстоятельств, на исключительную позицию вещи или на что-то еще.

Оригинальная комбинация условий субстантивации и составляет специфику подхода какого-либо философа, например учения Аристотеля о категориях или учения Витгенштейна об обыденном языке. Задачей Бибикина было как раз показать, что в поэзии условия субстантивации тоже могут быть обнаружены до конца, как и в философии. Но только эти условия в поэзии, в отличие от философии, имеют в виду не порядок производства истинных высказываний, а порядок расположения разных форм высказывания, религиозного, пророческого или интроспективного (направленного на самопознание) в качестве истинного.

То, что в мифологическом тексте при переводе изменяются предикации, очевидно из самого понятия о художественной литературе и художественном переводе. Любой переводчик художественной литературы знает, сколь зыбка граница между олицетворением и стертой метафорой, между определением и описанием, между рассмотрением самостоятельного действия вещи и установлением этой вещи как служебной части более сложной системы. Те мифологические тексты, которые кажутся легче всего переводимыми, например гимны, состоящие из одних имен, оказываются и искажаемыми при переводе, потому что изменяется предикация и эти имена начинают пониматься как характеристики, а не как часть воззвания к божеству.

Достаточно вспомнить, сколь долго в школе изучают базовые понятия, связанные с колеблющимся статусом предикаций в поэзии, например «олицетворение», «эпитет», «художественная речь», чтобы читающие поэзию, в том числе подражающую иноязычным образцам, не недоумевали, почему гроза в одном случае обстоятельство и часть картины, в другом — действующее лицо и почти мифологическая фигура.

Творческая мастерская Бибикина должна была *ускорить* этот процесс освоения базовых для критики поэзии понятий, при этом уделив больше внимания философским системам, оспаривающим привычные представления о предикации, для создания в том числе и более качественной науки о поэзии. Тогда и отрицания в философии, негации, во множестве содержащиеся в философских работах Бибикина (что *не есть* что) будут пониматься не в смысле бытового незнания, но в смысле спецификации философского предмета.

Школьное воспитание читателей ведет к тому, что при переводе происходят многочисленные сдвиги предикаций. Иначе достаточно было бы изучать образцы, где реализуются мифологические фигуры или, скажем, украшающие эпитеты, объявив, что они сохраняются при переводе и подражании — и потому составляют уже не проблему эстетического восприятия, а предмет уверенного знания об устройстве поэзии. Но имея дело с художественной речью в школе еще до освоения базовых понятий о поэтических предикациях, мы не можем еще получить такого уверенного знания.

Такие сдвиги предикативного опыта мы все узнаем, например, когда подыскиваем соответствие для цвета и выясняем, что синий, голубой и лазурный — это не простые обозначения нашего опыта опознания цветов в их отличии от других, но часть сценографии, в которой эти цвета символизируют определенный опыт отношения с реальностью — например, принятия геральдических смыслов, смыслов власти. Об этом Бибихин писал в тексте о Хайдеггере и Витгенштейне — крупнейших философах, которые выясняли границы цвета в качестве и границы языка, и границы опыта (Бибихин, 2003).

Бибихин тем самым отрицательно решил вопрос, можно ли перевести Аристотеля, Лейбница или Хайдеггера так, чтобы невозможно было сказать по поводу какой-либо фразы, что в оригинале иное соотношение между подлежащим, сказуемым и второстепенными членами предложения, чем в переводе, — при этом не подчиняя перевод условностям чтения, требующим видеть за переводом оригинал и потому принимающим простое калькирование предикации за осмысленный перевод. В философии тоже появляется второй вектор смысла, как и в поэзии, только не пророческий в отличие от лирического, а опровергающий школьный подход к философии и поэтому описываемый только негативно.

Привыкшие к школьной философии говорят, что не находят смысла в таких-то текстах, имея в виду что-то вроде «Я не могу из этого текста выучить и заучить некоторый полезный раздел, как это я делаю со школьным учебником». Осмысленность для них сводится к тому, что перевод работает внутри созданного оригиналом целого, поддерживаемого школьными интерпретациями, строками школьного учебника, подгоняющими синтаксис перевода под готовый вопрос, например «Как Аристотель понимал отношение материи и формы», так что у них фраза, в которой Аристотель переизобретает это отношение, просто оказывается скалькирована и потому искажена. Там, где была энергия, изобретательство, необычное обращение со словами, там в переводе оказывается вполне обычное обращение с ними, точнее, обращение, отражающее ситуацию взгляда на эту предикацию, а не саму предикацию.

Такая ситуация обычного и рутинного обращения с вещами философии привычна для разделяющих единый взгляд, заданный учебником. Но кто не принадлежит к этому сообществу взгляда, может увидеть в осмысленности учебника только недосказанность и предполагаемое искажение предикативного спектра мысли философа, не соответствующее оригиналу.

Бибихин поставил вопрос, как можно мыслить смысл в отвлечении от осмысленности, в поэзии — как пророческий, а в философии — как методологический и включающий в себя негативность, отрицание, в форме диалектики или в форме созерцания или какого-либо еще приникания к вещам. Негативность следует понимать в близком Гегелю смысле, в том числе как альтернативу упрощенного школьного понимания гегелевского историзма.

Мы определяем, исходя из построений Бибихина, в рабочем порядке отличие философского текста от нефилософского так. Философский

текст — это текст, соответствующий правилам хотя бы одной частной науки, но при этом устроенный так, что выступает методом как минимум еще для одной частной науки. Наука может определяться с помощью любого общепринятого определения — и как приращение знания, и как систематизация знания с целью его приращения, и как способ обсуждения знания с целью установления достоверного знания. Все эти и другие возможные определения не будут противоречить друг другу, но дополняют друг друга ввиду наличия общего функционального смысла как области пересечения этих определений, вне зависимости от того, что остается стоять за этим пересечением.

Соответственно, мы рассматриваем контекстуализующие методологические замечания Библихина как философский текст, а его своеобразное пророческое стихотворчество — как практическое создание науки о стихе, того самого частного знания о демонстративных возможностях стиха. Дневники Библихина как бы создают *обратную перспективу* возвращения от уже воплотившихся предикаций к начальному предикативному спектру будущего смысла. Библихин имитирует готовые вещи искусства (причем готовые вещи, как мы увидим, могут быть и незавершенными, и с открытым финалом — в культуре они готовые), чтобы вернуться к тем неготовым вещам, в которых видна *предикативная специфика философской и поэтической речи*. Это и должно позволить провести *продуктивные границы* между философией и поэзией.

3. Импровизации Библихина — что делает смысл

Анализ любого эпизода нововышедшей книги Библихина показывает, что стиховедческие замечания скрыты в ремарках. Например, вот начало пьесы-экспромта:

Балет в кабинете; царица, семеро придворных в темных облегающих платьях. Входит осторожно, но смело, обращается к отцу, гибкому, престарелому финикиянину:

Отец! Делами государства
Ты занят; но хотела б я с тобою
Поговорить; и стало быть, делами
Не менее серьезными занять (Библихин, 2022, с. 791).

Понятно, что первая строка, с отступлением от шекспировского ямба, передает эту осторожность (строка короче последующих), но и смелость (отход от канона). А три шекспировские строки с переносами и оговорками «стало быть», вместе с ударным словом «серьезный» воспроизводят образ финикийца как гибкого (переносы) и престарелого (рассудочность и готовность все взвешивать до конца, все эти «не менее»). Тем самым героиня оказывается во власти отца, в его пространстве смысловых решений уже в момент своей речи, чтобы потом подорвать эту власть своим танцем, особым метром и рифмой в следующей стихотворной реплике.

Таким образом, мы можем говорить не о семантических соответствиях, но об общем движении смысла, внутри которого человек поневоле оказывается: если нужно поговорить, значит, ты уже оказываешься в плену другого и в плену этой нужды. Итак, Бибихин показывает важный момент своей философии, что любой разговор не только что-то открывает, но ограничивает, берет в плен, и пророческий или философский смысл только и может тогда разомкнуть ряд (группу) прежних ограничительных конструкций. Это новое благородство размыкания прежних конструкций мысли и жизни становится темой книги Бибихина «Новый Ренессанс» (Бибихин, 1998б), ангелом-хранителем которой и является поэт-философ Петрарка.

Другой пример — это записи 1983 года:

Ярость славянского самопреследования — это ярость религиозной войны.

Спадут земные тяжкие оковы
И мрачным заревом костры отполюхают
И мы поднимемся, новы,
На берегах невиданного края.
Кто (Бибихин, 2022, с. 592).

Этот стих отсылает сразу и к «Борису Годунову» Пушкина, на который есть намек в предыдущей записи, и к обращенному к Мицкевичу пушкинскому стихотворению «Он между нами жил...» В таком случае становится понятно содержание прозаической ремарки: конфликт славян, который во времена Смуты мог восприниматься как самопреследование, как война одной части элиты с другой, оборачивается во времена Пушкина яростью религиозной войны, готовностью стоять за свои убеждения, не просто за свой аристократизм, как в «Борисе Годунове», но за некоторую религиозную преданность собственной судьбе, в которую уже встроена утопия славянского соединения всех в общую семью.

Тем самым выясняется, что и имитация черновика Пушкина — это имитация как раз незавершенных произведений, где как раз были попытки выразить глубинные убеждения, которые уже не могут быть только политическими; а общий смысл и оказывается тем пророческим смыслом, который специфицирует учение Пушкина о благородстве. Анафора «И», как и другие ей подобные (вроде «И опыт, сын ошибок трудных, / И гений...»), напоминает, что и катастрофы, и возрождения — часть более значимой миссии поэзии. Соответственно и стих с неточной, непущинской рифмой показывает, что при Пушкине такой миссии состояться еще не могло, и благородство Ренессанса и Пушкина — это задача на будущее. Тем самым тонкость знаточества стиха здесь служит и тонкому пониманию, как тип предиктирования обходится с задачами, оставленными на будущее.

Третий пример — еще более ранний, запись начала 1976 года:

Один истинный свет, один истинный мир, — сердечный, божий. И этот мир и свет обращаются ко всему человеку и требуют всего человека, и в человеке не остается уже перегородок, и во взгляду на самого себя снаружи он, как голубь в раю.

Но этих внешних глаз у него нет, он слеп, как Гомер.

Как пышно истины цветенье!
Как стройно-слажен гром веков!
Как вовремя приходит тленье!
Как нежно клонит в царство снов
листвы осеннее круженье.
Как неизбывно искушенье
Уснуть под мерный звон оков.

И сладостно дремать в тумане,
На снах тревожных ворожить,
забыться в их родном обмане,
листвы стопой не ворошить.

Но страшным будет пробуждение.
В неугасающем огне.
Очнется роковой мечтатель
И языки огня расскажут
....
О неискренности нашей,
О неразгаданной вине (Бибихин, 2022, с. 298).

Набросок стихотворения со вполне цельным сюжетом поражает соединением одических восклицаний Тютчева с лексиконом Блока (и отчасти, Ин. Анненского). Понятно, что и Тютчев, и Блок были прочитаны как поэты, которые, исходя из гипотезы двоemiрия, всячески ее оспаривали на уровне теорем: ты уже принадлежишь бездне или катастрофе, второму миру, непосредственному вмешательству Бога в судьбы, а значит, недостатком твоего опыта бытия оказывается только нехватка внешних глаз, а именно, указания на то, как устроен мир причин.

Леность прямо следует из такого райского состояния, вроде аристократически-усадебной обломовщины, — на что указывает нарративность первой строфы сразу после группы восклицаний. Такая нарративность воспроизводит шаблоны русской лирики, захваченность эмоцией при виде чего-то равномерного и признание непреодолимости эмоции, даже когда ты знаешь ее последствия. Но эти шаблоны и служат намеком на первый смысл, который должен смениться указанием на второй смысл, к которому невольно вело ускоренное разворачивание исторического опыта в русском модерне. Значение всякий раз указывает на смысл, просто у Бибихина всегда два значения и два смысла, и позволяющие специфицировать поэтические и философские предикации.

Дальше провал в ад выступает как феноменология забвения, как раз как забвение каких-то причин позволяет пережить и мучение, хотя все нарративы действуют. Соответственно, и сам стих импровизации Бибихина проходит все этапы развития стиховой культуры в русском модерне — от рутинных четверостиший с точной рифмой, но звуковым и образным обогащением, до ассонанса «мечтатель — нашей», уже указывающего на предреволюционный и революционный стих.

Тем самым стихотворение не сообщает отдельные значения, но сообщает смысл, что катастрофа могла быть пережита русской поэзией, сохранившей целостность внутренней жизни, — и поэтому стихи пригодны для того, чтобы говорить о катастрофе, катастрофа не разрушила эту их способность. Рассуждение Бибихина в русле глубокого знания поэтической культуры служит пророческим вектором будущего и одновременно способом говорить о способности и возможности как философских категориях, связанных с определенными навыками предикации.

Приведу еще два примера. Запись 1972 года, хотя и разделенная несколькими днями между прозой и стихами, из которой цитирую только последний абзац прозы:

...Как человек в грязной одежде на свадьбе, так человек с нечистым разумом, стремящийся приблизиться к Богу. У него могут быть неправильные мысли о Боге, так же как гость может плохо подумать о не с радостью принявших его хозяевах, а это будет совершенно неверно.

1. Тот, грустный, молчаливый и трагичный,
Которого я очень часто вижу, —
Он вроде бы куда-то все стремится,
Судьбе предавшись, и темнея взором, —
Он — я; то я куда-то устремляюсь,
И молчаливо мчусь к своей судьбе,
И я загадочен так странно, и трагичен,
И сам к себе участием я тревожусь,
И, наблюдая сам себя, волнуюсь,
И все гадаю, кто ж он (я), далеко ль
Его несет неясная судьбина,
И почему все так он молчалив.

2. Сегодня это мне привиделось в минуту
Неясной полудремы, светлой, краткой, —
Когда я вновь увидел близкий облик,
И вновь его рассматривал с волнением,
Не понимая, почему так тронут.
И понял вдруг, что вижу сам себя (Бибихин, 2022, с. 80—81).

Как богослов и религиозный философ, Бибихин настаивает на том, что грязные одежды из евангельской притчи — признак не неуважения, но когнитивной катастрофы. Неуважение относится к области значения, а вот отсутствие взаимопонимания — к области смысла, что человек не будет правильно переживать гнев Божий как часть онтической структуры мира.

Но над этим прямым смыслом высказывания надо надстроить другой, пророчески-философский смысл. Поэтому то же самое, что сказано в прозе, разыграно Бибихиным в стихах: белый шекспировский стих говорит о двусмысленности печальной и трагической репутации второстепенного героя в пьесах Шекспира, который не является протаго-

нистом вины, но несет на себе свою вину. Бибихин выступает как знаток стиха, понимающий, как работает шекспировский стих в мире трагического спектра предикаций.

Перед нами как раз образец монолога, но как бы о второстепенном герое от лица третьестепенного, так что они сливаются в вину — и вина состоит в некоторой нечистоте помыслов. Не случайно сначала идут женские рифмы, которые как раз создают впечатление однообразия, а после появляется мужская рифма как способ обратить внимание, сформировать точку зрения. Но раз другой молчалив, то и ты молчалив и ничего сказать не сможешь, ты оказываешься внутри трагического сюжета. Так даже тип рифмы создает и избыточность сюжета, и размыкание нашего привычного бытия в сторону будущей трагедии.

«Молчаливо мчусь» и образно, и фонетически напоминает Лорку, которого Бибихин немало переводил. Но дальше, в первой строке второй части стихотворения, лишняя стопа — это намеренная ошибка, намеренная нечистота, как бы взятие говорящим вины на себя, так что потом и становится возможно новое повествование, со множеством эпитетов. Стиховедческая тонкость Бибихина здесь поразительна. Вместо обстоятельств образа действия перед нами разворачиваются эпитеты, то есть уверенная речь, которая позволяет, несмотря на волнение, верифицировать себя, поняв, что неправильные мысли уже ушли, уже послужили катастрофе. Предикативная работа уже проделана поэзией и уже дала какие-то результаты, которые осмыслит философия. Тем самым дополнительный смысл состоит в том, что у катастрофы есть не столько виновник, сколько режимы зла и служения катастрофе на уровне значений, тогда как пророк оспаривает такое служение, а философ со своим рационализмом — такие режимы.

В этих строках сквозит явная отсылка к белому стиху «Моцарта и Сальери», сну Моцарта и словам Сальери «Ты, Моцарт, недостойн сам себя». Имя катастрофы — Сальери, тогда как Моцарт видит себя в тот самый миг, когда мужское окончание в белом стихе как раз маркирует, что маска снята, что можно сказать «я» и поставить точку, и ее ставит Моцарт. Так возникает пророческий смысл как способность Моцарта, служителя гармонии, оспорить и постоянство масок, и банально понятое служение в искусстве как исполнение нечистых намерений столь же нечистыми мыслями и словами.

Наконец, последняя интересующая нас запись:

Сгоревший в XX веке свиток Пушкина

На обуглившемся листе можно еще с трудом разобрать слова:

Молчи, томись и жди. Вот высшая наука.

Пусть годы чередой бегут;

томись в огне и жди (Бибихин, 2022, с. 158).

Понятно, что речь в этом сжатом эпизоде идет о «Воспоминании» Пушкина, а в стихотворной импровизации дается отсылка к переводу

Пушкина из Саути про пенатов («Еще одной высокой, важной песни...»): «И нас они науке первой учат...». При этом вторая строка выглядит как конец строки, а третья — как начало; но отточий не поставлено.

Пушкин в этой импровизации как бы попал в тот самый мир без начал и концов, без отточий, где он уже изучил науку молчания, — отчего вдруг неожиданно пушкинский слог переключается с первой строкой *Silentium* Тютчева. В самом слове бегут нельзя не увидеть отсылку к *курсиву* (букв., *беглому* письму) Петрарки, и его же томлению по Лауре. То есть, говорит Биbihин, Пушкин и Тютчев — это наш Петрарка. А значит, оправданы и записи как интимное признание, которое наделено не только первым смыслом размышлений о смысле жизни, часто рутинной и неудачной, но и вторым, пророческим смыслом почтения к молчанию, в котором только и возможен переход от устной речи к письменной, а значит и от мифа — к гражданскому или философскому закону.

Так обратная перспектива движения от готовых произведений, импровизаций, к начальному первому смыслу, позволяет обрести второй смысл, конструктивный и для развития поэзии в прошлом, и для развития философии в будущем — того развития философии, которое Биbihин и подразумевал в своем проекте. При этом мы быстрее осваиваем значения различных категорий и быстрее переходим от уже освоенных рутинных значений к новым значениям, позволяющим дать полную категоризацию мира поэзии (стиховедческие и образные понятия) и мира философии (отрицания и заделы на будущие философские исследования).

4. Смыслы и значения после пережитой предикации: итоги знаточества стиха

Биbihин в его квадрате двух смыслов и двух значений не одинок, наоборот, он стоит среди великих мировых философов. Высказывание философа обычно имеет форму связных определений, когда из одного определения происходит следующее, при этом это следующее, в отличие от частных наук, не может быть представлено как экспликация или практическое приложение предыдущего (приложение для практических целей), но только как новая мысль, методологически значимая для частных наук.

Таким образом, высказывание любого философа упрощенно можно представить как «А таково, что Б имеет к нему определенное отношение. Такое отношение А и Б, которое может быть представлено как С, таково, что Д имеет к нему определенное отношение». В случае двуслойных поэтических-прозаических дневниковых импровизаций Биbihина нельзя не увидеть то же самое. Но Биbihин производит перевод поэтического или прозаического в режим наблюдательной записи, чтобы перевод боролся с инерцией привычного понимания.

Если спроецировать приведенную модель из двух фраз на дневники Биbihина, то можно получить такую его обратную перспективу возвращения от готовых вещей к поэтическим и философским предикациям. В первой фразе будет говориться о первом смысле, например, о том, что наш быт может быть осмыслен, или наше переживание исто-

рии может быть осмыслено, или из катастрофы может быть сделан вывод. Но во второй фразе или втором рассуждении будет говориться о втором смысле, что нужно сделать ряд умолчаний — например, не искать сразу виновного или не искать сразу повод к слишком подробным и потому неточным высказываниям, и тем самым понять, что и быт, и пережитое — это только часть того проекта будущего, который от нас не зависит.

Поэтическое выступает тогда как средство перевода, перехода от первого смысла ко второму, чтобы оба суждения не были восприняты как одинаково констатирующие или обладающие единой прагматикой. Ведь понятно, что отношения в двух приведенных условных фразах различны, но при этом могут быть выражены единым средством, например глаголом-связкой «быть». В простом прозаическом переводе или пересказе повторение такой связки в обеих фразах сразу заставит подозревать, что речь идет об одном и том же отношении. Тогда как использование неожиданного средства, например стиховых приемов, истолкованных прозаическими мировоззренческими замечаниями, сразу объясняет, что мы встречаем разные отношения к происходящему в поэзии и философской прозе: разные спектры предикаций в отношении к настоящему, поставленному в перспективу будущего. Но и философская проза тогда, после этого опыта Биbihина, уже никогда не повторяет готовое, а получает свой концептуальный слой, соответствующий пророческому слою в поэзии и выглядящий извне часто как негация, отрицание, рассказ о том, чем что не является.

В комментированных импровизациях Биbihина появляется смылоразличительный избыток, который позволит не принять замечания за констатации, когда инерция чтения текста как канонического как бы субстантивирует все высказывания, которые мы принимаем как должное и тем самым прочитываем всё неверно. Обычно при внимательном чтении поэзии или философии, где мы видим, на каких условиях отношение А и Б стало С, потому что принимаем те правила субстантивации, которые допускаются данным специальным употреблением, мы никогда не путаем способ отношения значений в первом и втором суждении. Тогда как при чтении перевода, пересказа и комментария, когда мы растеряны и не знаем, как принято что и в какой мере субстантивировать в оригинале, мы слишком буквально начинаем понимать те субстантивации, которые появляются в читаемом тексте.

Простое сличение оригинала и его перевода, пересказа или комментария только собьет с толку, — потому что мы попытаемся сразу дать какие-то формулы для субстантиваций в данном философском оригинале. Но эти формулы будут грубыми и упрощенными в сравнении и с навыками этого философского или поэтического языка, и с исполняющимися пророчествами поэта или обладающими смысловой полнотой суждениями философа. Биbihин противостоит этой инерции привычного всеми силами и всеми способами, указывая, как возможно конструирование из уже усвоенных значений неготовых смыслов отношения к настоящему и будущему.

Поэтому Биbihин создает особый текст в своей лаборатории, в котором поэтические приемы сразу повествуют о мировоззренческих вопросах, тогда как кратчайшие комментарии показывают, каков статус

постановки этого вопроса внутри мировой философии и общего проекта будущего. Благодаря этой лаборатории философия раскрывается вместе с движением мысли, а не вместе с инерцией внушенного учебниками предрассудка о содержании данной философии или данного философского труда, или школьного знания о том, что сделал Петрарка или Лорка.

Бибихин-стихотворец оказывается исследователем того, как можно перейти от первого смысла ко второму, а Бибихин — знаток стиха — того, как дело Петрарки или Моцарта было делом их будущего, а не их настоящего. Он всякий раз выясняет, как их дело относилось к той логике культуры, которая не сводится даже ко *второму необычному значению*, значения второго корректирующего и критического суждения, располагающегося при этом в плоскости уже продуманного, — но требует и *второго смысла* как переживания пророческого обличения или интеллектуальной метакритики существующих идей на будущее.

Благодарности

В основу статьи положен доклад на конференции «Поэтика текста» (Тверь, 27–28 января 2023 года). Благодарю С.Ю. Артемову, В.Я. Малкину и А.Г. Степанова за обсуждение работы и А.А. Арустамову, С.А. Мартыанову и О.А. Штайн за глубокие советы.

Список литературы

Бибихин В.В. К переводу классических текстов [1979] // Официальный сайт В.В. Бибихина. URL: http://www.bibikhin.ru/k_perevodu_klassicheskikh_tekstov (дата обращения: 15.01.2023).

Бибихин В.В. Витгенштейн и Хайдеггер. Один эпизод [2003] // Официальный сайт В.В. Бибихина. URL: http://www.bibikhin.ru/vitgentshtein_i_haydegger (дата обращения: 15.01.2023).

Бибихин В.В. Узнай себя. СПб., 1998а.

Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М., 1998б.

Бибихин В.В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб., 2009.

Бибихин В.В. Отдельные записи 1965–1989 годов. СПб., 2022.

Гаспаров М.Л. Брюсов-стиховед и Брюсов-стихотворец (1910–1920-е годы) // Избранные работы. О стихе. О стихах. О поэтах. М., 2005а. С. 102–122.

Гаспаров М.Л. Белый-стиховед и Белый-стихотворец // Избранные работы. О стихе. О стихах. О поэтах. М., 2005б. С. 123–135.

Павлов И. Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Бибихина // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18, №3. С. 195–223.

Романенко Ю. Живое зеркало и ученое незнание (*Vivum speculum et docta ignorantia*) // Стасис. 2015. Т. 3, №1. С. 268–287.

Об авторе

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

E-mail: markovius@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

Для цитирования:

Марков А. В. Библихин — знаток стиха и Библихин-стихотворец // Слово.ру: Балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 44—60. doi: 10.5922/ 2225-5346-2024-1-2.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

VIADIMIR BIBIKHIN: THE CONNOISSEUR OF POETRY AND THE POET

A. V. Markov

Russian State University for the Humanities
6 Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia

Submitted on 09.02.2023

Accepted on 10.09.2023

doi: 10.5922/ 2225-5346-2024-1-2

The publication of «Selected Records from 1965 to 1989» has exposed the reader to poetry of Vladimir Bibikhin's poetry as a key to understanding the patterns of culture. In these records, Bibikhin discussed the formation of the canons of national poetry and its peculiarities. In his poetry, Bibikhin emulated the poetic style and essence of Russian poetry, surrounded by the aura of myth and replacing moralistic content with existential themes. These poems delved into the ethical-metaphysical question of how presence in existence is possible without arrogance or violation of the rights of others. Bibikhin reflected on the relationship between poetry and prose during the formation of national literatures. He insists on the non-conditionality of the distribution of forms of poetry and poetic expression, political construction as a source of the national language, and the role of bodily movements, such as walking, running, and swimming. The exploration of these movements, discovered during the implementation of a cultural and missionary national programme, gives rise to both stable forms of verse and new genre-thematic complexes. The Records demonstrate how poetry allowed the poet to unveil the underside of the myth of the poet, revealing the role of conceptualizations in the development of creative individuality and the associated rhythm. A comprehensive examination of Bibikhin's expertise in verse and his poetry addresses several related questions: how late Soviet independent philosophy initially interpreted cultural creativity, not predetermined but aimed at the formation of universal social organization; how hermeneutic efforts were directed towards metacritique of social rituals; and how composing verses helped explain the regularities of text interpretation in different periods, thus elucidating the specificity of pivotal epochs in culture as eras of problematizing this interpretation.

Keywords: *Bibikhin, verse studies, philosophy of culture, intellectual history of the USSR, stagnation, myth of the poet, poet's reputation, transitional era, change of cultural epochs*

This article is based on a paper presented at the conference «Poetics of the Text» (Tver, January 27-28, 2023). I would like to express my gratitude to Svetlana Artemova, Viktoria Malkina, and Alexander Stepanov for their valuable contributions during the paper's discussion. Special thanks go to Anna Arustamova, Svetlana Martyanova, and Oksana Shtain for their insightful advice.

References

Bibikhin, V. V., 1979. *K perevodu klassicheskikh tekstov* (1979) [To the translation of classical text]. Available at: http://www.bibikhin.ru/k_perevodu_klassicheskikh_tekstov [Accessed 15 January 2023] (in Russ.).

- Bibikhin, V. V., 1998a. *Novyi Renessans* [New Renaissance]. Moscow (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 1998b. *Uznai sebja* [Know yourself]. St. Petersburg (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 2009. *Grammatika poezii. Novoe russkoe slovo* [The grammar of poetry. A new Russian word]. St. Petersburg (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 2022. *Otdel'nye zapisi 1965 – 1989 godov* [Selected Recordings 1965 – 1989]. St. Petersburg (in Russ.).
- Bibikhin, V. V., 2023. *Wittgenstein i Heidegger. Odin epizod (2003)* [Wittgenstein and Heidegger. One episode]. Available at: http://www.bibikhin.ru/vitgentsh tein_i_haydegger [Accessed 15 January 2023] (in Russ.).
- Gasparov, M. L., 2005a. Bryusov the Verse Scholar and Bryusov the Verse Performer (The 1910s and 1920s). In: *Izbrannye raboty. O stikhe. O stikhakh. O poetakh* [Selected Works. About verse. About verses. About poets]. Moscow, pp. 102 – 122 (in Russ.).
- Gasparov, M. L., 2005b. Bely the Verse Scholar and Bely the Verse Performer. In: *Izbrannye raboty. O stikhe. O stikhakh. O poetakh* [Selected Works. About the verse. About verses. About poets]. Moscow, pp. 123 – 135 (in Russ.).
- Pavlov, I., 2019. An Ontology of Power as an Ontology of History: An Appraisal of Vladimir Bibikhin's Political Philosophy. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 18 (3), pp. 195 – 223 (in Russ.).
- Romanenko, Yu., 2015. Living Mirror and Wise Ignorance (*Vivum speculum et docta ignorantia*). *Stasis*, 3 (1), pp. 268 – 287 (in Russ.).

The author

Prof. Alexander V. Markov, Department of Cinematography and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: markovius@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

To cite this article:

Markov, A. V., 2024, Vladimir Bibikhin: the connoisseur of poetry and the poet, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 44 – 60. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-2.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ СУМЕРКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет,
185910, Республика Карелия, Петрозаводск, просп. Ленина, 33

Поступила в редакцию 22.02.2023 г.

Принята к публикации 10.10.2023 г.

doi: 10.59222225-5346-2024-1-3

Представлен анализ прямых и переносных употреблений, образных трансформаций лексемы *сумерки* в русской поэзии на протяжении более полутора веков ее развития: материалом, выбранным для лингвопоэтического анализа, послужили контексты, содержащие лемму *сумерки* в поэтическом корпусе НКРЯ и относящиеся к 1756 – 1917 годам. Первая дата совпадает с первой фиксацией выбранной лексемы по данному корпусу, вторая условно завершает период Серебряного века русской лирики. Цель лингвопоэтического анализа – выявление тенденций образно-символического использования и индивидуально-авторского переосмысления слова *сумерки* поэтами разных литературных методов, направлений и школ (барокко, классицизма, сентиментализма, романтизма, реализма, модернизма). Анализ позволяет прийти к следующим выводам: 1) лексема *сумерки* используется в поэзии в прямо-номинативном словарном значении для создания лирического хронотопа и пейзажных зарисовок; в этом случае актуализирующийся в художественном тексте смысл оказывается не всегда аналогичен словарному лексическому значению ‘период суток после захода солнца или перед его восходом’ (например, в случае олицетворения и перифрастических переименований типа *ведьма сумерек* или *сумерек монах*); 2) образно-символические смыслы в поэзии приобретают особую активность в период Серебряного века, обогащая узусальную семантику разнообразными «расширениями» и трансформациями при переносном употреблении для характеристики переходных состояний мира, истории, сознания; 3) тропеические контексты оказываются преобладающими и демонстрируют широчайшие синтагматические и функционально-семантические возможности лексемы *сумерки* в русской поэзии.

Ключевые слова: значение, смысл, образ, символ, мотив, поэтическая семантика, лексический уровень лирического текста, окказиональная семантика и синтагматика

Писатель живет в двух временных измерениях одновременно – в том, которое творит он сам, и в том, которому подчиняется при взгляде на стрелки часов, когда видит рассвет и сумерки, смену времен года.

Я. Парандовский (Парандовский, 1990, с. 240)

Размышления о содержании художественного текста невозможны без опоры на такие основополагающие понятия семантики, как *значение* и *смысл*, а также их взаимосвязи и отношения к категории *образа*. Значение элемента языка (лексемы, предложения), используемого при по-

строении связного целого, связано с той реальностью или ситуацией осмысливаемого писателем окружающего и — одновременно — только «возможного» в его сознании, кодируемого, предполагаемого мира, которую слово, высказывание, текст эксплицируют. Смысл рождается в неповторимом, именно с авторской версией космоса и человека связанном контексте, «окружении», интерпретируемом по-своему каждым читателем, который конструирует в процессе декодирования текста свой мир: «Слова есть символы, приобретающие значение лишь в руках человека, — кирпичи для стройки. С их помощью мы не реставрируем — творим другой мир... Поэзия понятна не потому, что проста, а потому, что многозначна...» (Гарин, 1994, с. 461—462), так что невозможно свести поэзию к словарю данного языка. Смысл при этом выступает в неразрывном единстве с образом, ассоциативно связывающим его с известным языку значением (трансформированным, обогащенным добавочными «обертонами», «приращениями» (Ларин, 1974, с. 34, 100)), с одной стороны, и изображаемым «возможным» миром — с другой. Как замечает С.Т. Золян, «воспользовавшись логико-семантическим противопоставлением смысла и значения, можно считать, что значением текста является приписываемая тексту реальность, которую он якобы отражает (актуальный или возможный мир), а смыслом — определяемые структурой текста правила соотнесения языковых выражений текста с этой реальностью (поэтический мир). <...> Расхожее представление о том, что художественный текст, обладая смыслом, не имеет значения, следует уточнить: смысл предполагает свое разрешение в значениях» (Золян, 2014, с. 17—18).

Что касается категории образа в ее тесной связи со значением, то непревзойденной, кажется, по точности является до сих пор формулировка, данная А.А. Потебней (с опорой на идеи В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка и «работе духа» по созданию членораздельного звука): «...в поэтическом, следовательно вообще в художественном, произведении есть те самые стихии, что и в слове: *содержание* (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому из него понятию; *внутренняя форма*, образ, который указывает на это содержание, соответствующий представлению (которое тоже имеет значение только как символ, намек на известную совокупность чувственных восприятий, или на понятие), и, наконец, *внешняя форма*, в которой объективируется художественный образ» (Потебня, 2003а, с. 28—29). Образ служит связью-ассоциацией между значением и внешней формой слова. Вводя в формулу образа символы *X* и *A*, Потебня противопоставляет образ и значение с точки зрения поэтики адресата: «*X* (значение поэтического образа) заметно изменяется при каждом новом восприятии *A* (образа) одним и тем же лицом, а тем более — другим; между тем *A* (образ), единственное объективно данное в поэтическом произведении, при восприятии остается приблизительно неизменным. Поэтому, в противоположность отношению закона и факта, в поэзии образ *неподвижен*, значение *изменчиво*, ...а в ряду случаев *безгранично*» (Потебня, 2003б, с. 166). По Потебне, значение присуще слову в речи, рождается в контексте, а следовательно, является скорее смыслом, извлекаемым из текста, поддающимся индивидуально-авторской трансформации и интер-

претирваемым адресатом. Значения слов в художественном произведении текучи, подвижны, переливаются одно в другое в рамках породившего их контекста, возникающие новые, дополнительные «обертонны» смысла, «смысловые приращения» причудливо взаимодействуют, ассоциативно совмещаются в нашем восприятии, мы «скользим» от одного смысла к другому, удерживая одновременно в сознании узуальные (словарные) значения слов — именно в этом наиболее ярко проявляется эстетическое воздействие художественного высказывания на читательское сознание: «...восприятие живой, образной речи побуждает нас к творчеству... и поэтический образ досоздается — каждым; образная речь плодит образы; каждый человек становится немного художником, слыша живое слово» (Белый, 1994, с. 133).

Абстрактное как явление мира духовного требует обычно для своего определения, объяснения в поэзии трансляции (перевода, переноса) в мир видимый, материальный, конкретный. Промежуточное положение между конкретным и отвлеченным занимают природные процессы: с одной стороны, сема 'процессуальность' свидетельствует об абстрактности имени этого природного явления, с другой — то обстоятельство, что этот процесс можно увидеть (или услышать, осязать, обонять), позволяет наименование чувственно ощущаемого, создающего представление, восприятие в нашем сознании процесса использовать для конкретизации абстракций из мира духовных сущностей. Одним из таких конкретизаторов в поэзии служит лексема *сумерки*.

Активность использования образа сумерек в русской лирике (рис.) падает на последние десятилетия XVIII, XIX и XX веков, что, очевидно, неслучайно: поэты и их лирические *я* накануне нового столетия ощущают смутную тревогу, беспокойство в ожидании будущего.

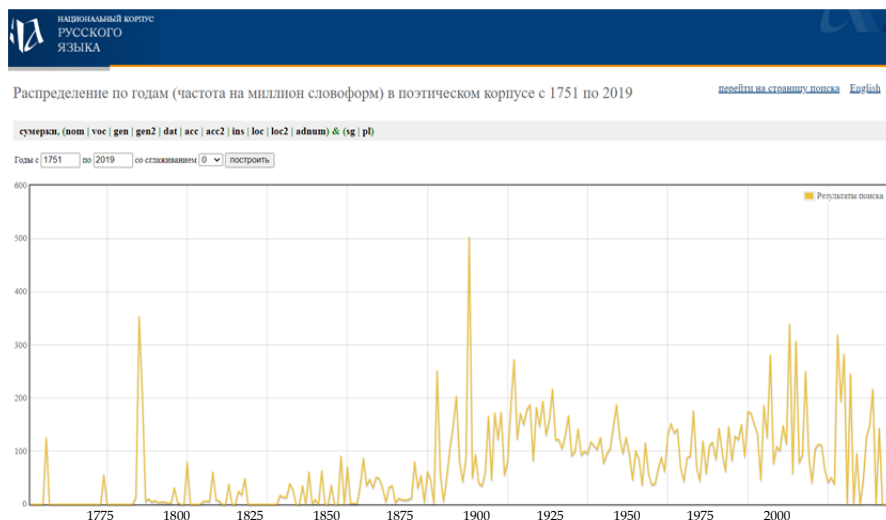

Рис. Лексема *сумерки* в русской поэзии
(по данным поэтического корпуса НКРЯ¹)

¹ Здесь и далее цитаты стихотворных текстов даются по Национальному корпусу русского языка (URL: <https://ruscorpora.ru/new/>) с указанием автора и года написания стихотворения в квадратных скобках.

История лексемы *сумерки* в русской поэзии свидетельствует о преимущественном использовании слова в переносно-метафорическом значении, позволяющем создать яркий образ для кодирования абстрактных сущностей, однако первые примеры использования сумеречных мотивов стихотворцами XVIII века демонстрируют прямо-номинативное употребление для создания лирического хронотопа: *Настали сумерки, и меркнут небеса...* [А. Сумароков, 1774]; *...лестницу любовь мне ставила в окно, / Которо грации с тобою отворяли / И в сумерках меня к утехам провождали* [Я. Княжнин, 1786].

Интересный пример «приращения» смысла дает продолжающее традиции Ломоносова и Радищева стихотворение «Материя» П. Словцова, одно из самых ярких в области так называемой «научной» поэзии: *Пока в странах неживотворенных / Недвижима чернелась пустота; / Пока в сих сумерках несотворенных / Не прояснялась вечна густота; / Пока в пространствах солнца не дышали / И громы в атмосферах не стонали, — / До толе — и пункт не существовал, / И тонкий атом в бездне не летал* [П. Словцов, 1796] — эта картина изначального состояния вселенной придает лексеме *сумерки* добавочный оттенок ‘состояние мира до появления движения в материи и неживой природы’.

Единственный для русской лиры XVIII века контекст метафорической трансляции значения слова *сумерки*, еще только робко входившего в круг поэтизмов², обнаружен у М. Муравьева, уподобившего переход от света к темноте этапу жизни и чаше судьбы, с ее невзгодами и разочарованиями: *Со утром сумерки, надежды с сожаленьем, / И, чашу роскоши стремительно пия, / Все выпил радости и вместе с вожделеньем!* [М. Муравьев, 1784–1797].

Сравним данные поэтических текстов с указаниями лексикографических источников. Так, «Словарь Академии Российской» (1789–1794) предлагает толкование только прямого значения анализируемого слова: «Время от зашествия солнечного до наступления совершенной ночи продолжающееся» [Словарь Академии Российской, 1793, стлб. 304]. В.И. Даль также объясняет эту узусальную семантику уже более пространно: «...заря, полусвет; | | ...ни свет, ни тьма | | Время, от первого рассвета до восхода солнца, и от заката до ночи, до угаснута последнего солнечного света» [Даль, 1955, с. 238].

Первая половина XIX столетия дает уже гораздо более разнообразные примеры введения сумеречных мотивов в образную ткань стихотворений и поэм:

² Нельзя исключить влияния французских авторов, переведенных А.П. Сумароковым и Н.М. Карамзиным, на распространение *сумерек* в качестве поэтизма в русской лирике: *...в сумерки стада с лугов сойдут долой* [А. Сумароков, 1756; перевод из Б. де Фонтенеля]; *И сумерки тебе милее ясных дней* [Н. Карамзин, 1800; в подражание «Меланхолии» Ж. Делиля]; в начале XIX века лексема неоднократно используется в переводах В.А. Жуковским немецких поэтов: *В сумерки ж, только что мошки, жучки позаснут и замолкнут...* [В. Жуковский, 1816; «Овсяный кисель», перевод из И.П. Гебеля]; *Но что ж так медлит он встать? / Все хочет солнце переждать. / Вставай, вставай, уже давно / Заснуло в сумерках оно* [В. Жуковский, 1818; «Летний вечер», перевод из И.П. Гебеля].

1) хронотопические контексты (прямое употребление — 10 репрезентаций в значении 'периоды в течение суток после захода солнца и наступлением ночи и перед восходом солнца'): *Странник с содроганьем крестится, / Мимо замка идя в сумерках...* [В. Жуковский, 1805—1810]; *Итак — всему конец? / И балам, и беседам, / И в сумерки обедам?* [В. Жуковский, 1813]; *Я в сумерки вчера, одушевленный страстью, / У ног ее любви все клятвы повторял...* [К. Батюшков, 1817—1818]; *И дева в сумерки выходит на крыльцо...* [А. Пушкин, 1829]; *Вы вспомните меня, мечтая одиноко / Под вечер, в сумерки, в таинственной тиши...* [Е. Ростопчина, 1838] и др.;

2) пейзажное использование в метонимическом по отношению к первичному значению 'тень' (1): *Вот серый дом, — и я гляжу в окно. / И женщина видна там молодая / Сквозь сумерки ненастного дня...* [К. Павлова, 1850] — ассоциация по смежности: 'время перед заходом / восходом солнца, когда на землю опускается полутьма' → 'полумрак, сумрак на каком-либо пространстве';

3) контексты с контаминацией прямого и переносного значений лексемы сумерки (1): *Сомненье вечно! Знания нет! / Все сумерки — когда же свет?.. / О нет! я верю, верю... Нет, / Я знаю. Для меня есть свет* [Н. Огарев, 1838, «Среди могил я в час ночной...»];

4) контексты с метафоризацией (5): *Есть сумерки души, когда предмет / Желаний мрачен: усыпление дум; / Меж радостью и горем полусвет...* [М. Лермонтов, 1831]; *На ум, на сердце мне излили / Вы благодатные струи — / И чудотворно превратили / В день ясный сумерки мои* [Е. Баратынский, 1842]; *...сумерки задумчиво висят / Во глубине небес* [Н. Щербина, 1845]; *Брожу задумчиво, и с сумраком полей / Сольются сумерки немой мечты моей* [П. Вяземский, 1848] и др.

5) контексты со сравнением: *Да, женская душа должна в тени светиться..., Как в сумерки луна сквозь оболочку туч, И, согревая жизнь, незримая, теплится* [Е. Ростопчина, 1840].

Со второй половины XIX века и позднее — в Серебряный век русской лирики и в его преддверии — существенно увеличивается частотность использования лексемы сумерки, растет количество репрезентаций ее переносных смыслов в разнообразных моделях построения минимального метафорического контекста, существенно обогащаются валентностные возможности. Так, появляется широкий спектр эпитетов, сопровождающих анализируемое слово.

Атрибуты сумерек можно разделить на несколько основных групп по семантике:

1) передающие разные типы ощущений:

— зрительные, чаще всего — цвето-световые восприятия лирического субъекта: *сумерки прозрачные* [Н. Щербина], *в прозрачных сумерках* [С. Надсон, В. Иванов], *сумеркам прозрачным* [Н. Клюев], *бледных сумерек* [А. Григорьев], *в бледных сумерках* [Д. Мережковский], *бледных сумерок* [П. Бутурлин], *сумерек бледных* [Эллис], *сумерки бледные, сумерки мутные* [К. Фофанов], *мутных сумерках* [К. Фофанов], *темные сумерки* [П. Бутурлин], *в сумерках туманных* [К. Фофанов], *в сумерках снежных*³ [А. Блок],

³ Эпитет *снежные* в данном случае передает синкретизм представления, слитность цветового и температурного ощущений.

сумерки снежные [А. Блок, В. Ходасевич], *сумерки... снежные, розово-синие* [З. Гиппиус], *молочных сумерках* [М. Волошин], *седые сумерки* [А. Блок], *сумерек серых* [А. Блок], *серые сумерки* [А. Тиняков], *сумерки синие* [С. Соловьев], *синих сумерках* [Э. Багрицкий], *сумерки сизые* [С. Городецкий], *лиловых сумерках* [П. Бутурлин], *лилово-зеленые сумерки* [А. Блок], *в зеленых сумерках* [М. Волошин; М. Кузмин], *тусклые сумерки* [А. Белый], *в смуглых сумерках* [А. Блок], *мглистые сумерки* [С. Есенин], *сумерки карие* [Н. Клюев];

— слуховые: *в тихих сумерках* [С. Надсон], *сумерки глухие* [И. Бунин], *немые сумерки* [В. Нарбут];

— тактильные: *мягких сумерках* [К. Случевский];

— температурные: *в сумерках теплых* [Н. Минский];

2) пространственные атрибуты, локализирующие область полутьмы: *северные сумерки* [К. Бальмонт], *петербургские сумерки* [А. Блок], *сумерки звездные* [В. Иванов, В. Брюсов], *дольных сумерек* [В. Иванов], *лесные сумерки* [Н. Клюев]; *сумерки морские* [В. Нарбут];

3) представления, связанные с идеей времени, его хода и смены этапов, скорости протекания, а также с возрастом лица как объекта изображения: *в зимние сумерки* [Н. Некрасов, И. Эренбург], *сумерки зимние* [В. Иванов], *зимних сумерек* [Н. Крандиевская], *в сумерках зимних* [М. Цветаева], *сумерки вешние* [А. Блок], *вешним сумеркам* [И. Северянин], *в осенних сумерках* [И. Бунин], *осенних сумерек* [В. Нарбут], *сумерках осенних* [К. Фофанов], *сумерки весенние* [З. Гиппиус], *в июльских сумерках* [Д. Мережковский], *февральские сумерки* [И. Эренбург], *младые сумерки* [А. Блок], *поздних сумерек* [А. Жемчужников], *в поздних сумерках* [М. Волошин], *ранние сумерки* [И. Эренбург], *в ранних сумерках* [Н. Гумилев], *сумерек росных* [С. Городецкий], *сумерки росные* [И. Северянин], *утренние сумерки* [А. Блок], *в вечерних сумерках* [С. Надсон], *ночные сумерки* [К. Фофанов, Д. Мережковский], *сумерки медлительные* [К. Бальмонт], *крылатых сумерках* [М. Волошин], *вечные сумерки* [М. Цветаева]; *бесконечных сумерек* [Е. Гуро], *сумерки длинные* [Е. Гуро], *глубоких сумерках* [К. Случевский, А. Блок], *зимних сумерек безбрежных* [Н. Крандиевская] — в последних трех контекстах идея времени тесно переплетается с идеей пространства;

4) олицетворяющие эпитеты, которые передают характер, эмоциональное состояние сумерек, уподобляемых одушевленному, чувствующему существу, и — одновременно — «выдающих» состояние лирического я: *в сумерках пугливых* [П. Якубович], *сумерек унылых* [Д. Мережковский], *в сумерках грустных* [Н. Минский], *бессонных сумерках* [В. Иванов], *в злые сумерки* [Саппа Черный];

5) подчеркивающие идею переходного (от тьмы к свету и от света к тьме), пограничного, смутного и не поддающегося рациональному познанию, объяснению состояния души или мира: *сумерках таинственных* [Д. Мережковский], *бредовые сумерки* [Е. Гуро], *сумерки неясные* [К. Бальмонт].

При этом группы 1 и 2 можно отнести к дескрипционным атрибутам, описывающим ситуацию; группы 4 и 5 — к интерпретативным, предлагающим версию макро- и микрокосма с точки зрения авторского

сознания, а в группе 3 представлены оба типа эпитетов — ср. члены однородных рядов: *сумерки эти осенние, длинные* [Г. Иванов], *сумерки длинные, зимние* [С. Есенин].

Эпитеты, выраженные причастиями или местоимениями интимизирующего плана, также создают метафорические синтагмы со словом *сумерки*: *сумерками недопетыми* [С. Третьяков], *лиловеющие сумерки* [И. Северянин], *перед меркнувшими сумерками* [М. Зенкевич], *в сумерках моих* [В. Иванов].

С середины XIX века нарастает модель метафоризации с участием глагольного предиката. Сумерки уподобляются живому субъекту в сочетаниях с глаголом движения, перемещения (*сумерки спуститься не успели* [А. Жемчужников], *сумерки быстро на землю спустились* [А. А. Блок], *сумерки сползали* [К. Фофанов], *сумерки плывут* [К. Случевский], *сумерки плывут, плывут, как волны...* [Д. Мережковский], *Нисходят сумерки за утомленным днем...* [К. Фофанов], *В лесные чащи сумерки идут* [И. Бунин], *плавают сумерки* [С. Соловьев], *побежали сумерки* [Саша Черный], *сумерки пришли* [Саша Черный], *сумерки ходят* [И. Анненский], *сумерки бродят* [В. Брюсов], *далеко Распространялись сумерки* [Я. Полонский], *подкрались сумерки* [А. Блок]), изменения положения в пространстве (*ложились сумерки* [С. Надсон, В. Катаев], *сумерки легли* [А. Блок], *сумерки повисли* [А. Апухтин]); действия, состояния, свойственные живым существам — лицам (*сумерки невятно трепетали* [А. Блок], *дышат сумерки* [К. Бальмонт], *Тихо спорят в сердце ласковом / Умирающем моем / Наступающие сумерки / С догорающим лучом* [О. Мандельштам], *сумерки без гула и отдачи / Взломают душу* [Б. Пастернак], *сумерки вяжут, / Как бабка, косматый чулок* [Н. Клюев]) и животным (*реют сумерки* [И. Бунин], *слетают сумерки* [А. Тиняков], *Лижут сумерки золото солнца* [С. Есенин]).

Другая группа метафоризирующих предикатов приписывает сумеркам свойства, характерные для иных неодушевленных объектов или состояний окружающего мира: *сумерки... растаять не успели* [К. Случевский], *погасают сумерки* [А. Майков], *сумерки шире спадали* [К. Фофанов], *Завесой сумерки упали* [В. Брюсов], *Сумерки падают звоном усталым* [Д. Бурлюк], *Витрину сумерки покроют* [Б. Пастернак], *Сумерки застыт оконце* [Н. Клюев], *Смежают сумерки глаза* [Н. Клюев], *Льются сумерки прозрачные, Кроют дали* [Н. Клюев], *длятся сумерки* [Н. Клюев], *сумерки томили* [Д. Бурлюк].

Встречаются глагольные конструкции с предикатами, создающие расширенный контекст для развертывания метафоры и передающие информацию о действиях, совершаемых над сумерками как логическим и грамматическим объектом, который изображается в качестве обладающего свойствами текучести, излучения, остроты, вещественности, проницаемости и локализованности внутри некой сферы: *Вот опять большая зала / Пред моим воспоминаньем, / Облитая, как бывало, / Бледных сумерек мерцаньем* [А. Григорьев], *Ветер сумерки сизые плещет* [С. Городецкий], *Немые сумерки влача, / Шла Ночь в свой тихий-тихий склеп* [В. Нарбут], *Зеленые влажные стебли / Из церкви выносят, / И стеблями сумерки*

косят... [В. Нарбут], ...сумерками кроет дочь [А. Белый], Канарейка об сумерки клюв свой стачивала... [Б. Пастернак], Проникни в сумерки мои... [С. Городецкий].

Именные предикаты-метафоризаторы представлены гораздо чаще прилагательными, чем существительными: *Всё гуще – сумерки...* [Д. Мережковский], *Как длинны сумерки!* [К. Случевский], *сумерки синей* [А. Блок], *станут сумерки синее* [Н. Клюев], *сумерки тихи* [С. Городецкий], *долги сумерки и серы* [В. Нарбут], *были сумерки мистическими* [В. Катаев], *Как сумерки застенчивы, дитя!* [Эллис – Л. Кобылинский], *божничные сумерки строже* [Н. Клюев], *сумерки тревожны и чутки* [В. Катаев].

Единственной репрезентацией представлена лексема *сумерки* в позиции метафоризирующего подлежащее сказуемого: *Жизнь наша – сумерки: и ночь, и день...* [Д. Цертелев].

Генитивные метафорические сочетания – наиболее распространенный тип трансляции переносного смысла лексемы *сумерки*. Они позволяют создать глубокие философские обобщения, образно-символические парадигмы, вводящие ассоциации между природным миром, человеческим бытием и сознанием:

- олицетворение природного состояния: *душу сумерек* [С. Городецкий], *сумерек вопрос* [Д. Бурлюк], *сумерек рассказ* [А. Тиняков], *улыбка сумерок* [М. Цветаева], *Ранних сумерек рука* [А. Тиняков];

- цвето-световые представления: *опаловость ласковых сумерек* [М. Цветин], *в сумерек сизом закале* [Б. Пастернак], *отблеск сумерек* [В. Нарбут], *теплых сумерек краснеющий шафран* [И. Бунин], *сумерек золу* [Б. Пастернак], *И сумерек густеющую тень* [А. Пальм], *сумерки осенних, пасмурных теней* [К. Льдов], *сумерек тени* [Эллис];

- ассоциация между сумерками в природе и покоем в мире и душе: *сумерек покой* [К. Случевский], *покой Зимних сумерек* [Н. Крандиевская], *нега сумерек* [В. Гофман], *сумерек мягкие волны* [А. Тиняков], *сумерек холодной пеленою* [П. Якубович];

- сумеречные свойства (мотив тени, отсутствия света) приписываются пространству, космосу в целом или отдельным его элементам: *сумерках земли* [К. Случевский], *сумерек земли* [В. Кривич], *сумерки мира* [Н. Гумилев], *среди сумерек скорбного мира* [Н. Минский], *сумерках собора* [А. Блок], *в сумерках капеллы* [В. Иванов], *сумерки угла* [Саша Черный], *по сумеркам моих угрюмых келий* [В. Иванов], *в сумерках улочек* [В. Маяковский], *сумерки глаза* [П. Потемкин], *в смуглых сумерках чела* [А. Блок], *деревьев сумерки* [В. Комаровский], *сумерки тканей* [О. Мандельштам];

- подчеркивается переходный характер эпохи, неясность прошлого, настоящего или будущего: *сумерки веков* [Н. Минский], *сумерки времен* [А. Блок], *в сумерках жизни* [Н. Клюев], *в сумерках весны* [А. Блок], *сумерки зимы* [А. Блок], *сумерки мутей* [А. Белый], *В сумерках дня* [С. Городецкий];

- актуализируется идея мучительного состояния сомнения, тревоги, сумеречности сознания: *через сумерки сомнений* [Н. Минский], *сумерки души* [Я. Полонский], *сумерках моей тоскующей души* [Д. Мережковский], *сумерки любви* [К. Льдов], *среди сумерек земных мучений* [Н. Минский], *в сумерках забвений* [В. Иванов], *сумерки безвестья* [Н. Клюев], *сумерек скребок* [Д. Бурлюк];

— вводится перифрастическая номинация божества и человека: *Бог сумерек, Гермес* [В. Иванов], *сын дольних сумерек* [В. Иванов];

— олицетворяющие перифрастические переименования самого природного процесса: *ведьма сумерек* [С. Городецкий], *сумерек монах* [Д. Бурлюк].

Сравнения с участием лексемы *сумерки* как субъекта (1) или объекта (2) компарации остаются редкими и в произведениях конца XIX — начала XX века: (1) *Сумерки... словно оруженосцы роз, / На которых — их копыта и шарфы... / Или сумерки — их менестрель* [Б. Пастернак]; *годы-сумерки* [И. Северянин]; (2) *И всё, что, как в сумерках, смутно, туманно / Сокрыто в минувших веках* [Л. Пальмин]; *Из далей былого лазурных, / Как сумерки, облак дохнул...* [В. Иванов]; *Верь, не будет мучительно, ждет успенье благое нас. / Оно нежное, тихое, как сумерки смутное* [М. Цетлин]; *Обрывки каких-то видений, / Туманных, как пар над водой, / И грустных, как сумерек тени* [О. Чюмина].

С нарастающей к XX веку активностью в русской поэзии используются «сумеречные» заглавия: ПРОГУЛКА В СУМЕРКИ, ИЛИ ВЕЧЕРНЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ ЗОРАМУ [С. Бобров, 1785]; СУМЕРКИ [А. Бунина, 1808], [Е. Баратынский, 1842, цикл], [П. Вяземский, 1848], [Л. Мей, 1858], [П. Якубович, 1881 — пер. Ш. Бодлера, М. Лохвицкая, 1894, А. Федоров, 1898], [К. Льдов, 1902, цикл стихов], [В. Гофман, 1902], [И. Бунин, 1903], [К. Фофанов, 1903], [Н. Крандиевская, 1904], [А. Тиняков, 1905], [Д. Бурлюк, 1907], [Д. Бурлюк, 1908], [И. Эренбург, 1913], [Саша Черный, 1913—1916]; С КНИГОЮ «СУМЕРКИ» С.Н. КАРАМЗИНОЙ [Баратынский, 1842]; СУМЕРКИ БОГОВ [М.Л. Михайлов, 1855—1862, пер. «Götterdämmerung» Г. Гейне]; ДО СУМЕРЕК [Н. Некрасов, 1859]; В СУМЕРКИ [Н. Минский, 1878], [Д. Мережковский, 1884], [И. Бунин, 1900], [К. Бальмонт, 1900]; В СУМЕРКАХ [В. Ходасевич, 1904], [М. Цветаева, 1906—1912]; СУМЕРКИ НА УКРАИНЕ [П. Бутурлин, 1880—1893]; ОСЕННИЕ СУМЕРКИ [В. Ходасевич, 1904]; ДУША СУМЕРЕК [В. Иванов, 1904, цикл]; СУМЕРКИ В ТЮРЬМЕ [А. Тиняков, 1906]; КИММЕРИЙСКИЕ СУМЕРКИ [М. Волошин, 1907]; ЗИМНИЕ СУМЕРКИ [В. Иванов, 1910—1911]; УТРЕННИЕ СУМЕРКИ [М. Зенкевич, 1909—1911]; СЕВЕРНЫЕ СУМЕРКИ [Саша Черный, 1910].

Магия слова *сумерки*, его богатейший ассоциативный ореол были осознаны и реализованы русскими поэтами не вдруг и не сразу: «темнота» и «бездна» смысла, загадочность символа раскрылась наиболее глубоко в эпоху Серебряного века, однако период романтизма, который, по меткому выражению Яна Парандовского, «упразднил старое законодательство» (Парандовский, 1990, с. 153) жанровых, риторических и языковых ограничений, стал важным предшествующим этапом образно-семантического расширения. Оковы хронотопического и пейзажного использования пали довольно быстро, тесная связь лексемы *сумерки* с мотивами тайны бытия, сна, мрака и смерти обусловила основные направления метафорических трансформаций, обретение словом статуса потенциально неисчерпаемого в своей многозначности символа, не синхронного соответствующей эпохе литературно-языкового развития, а опережающего ее или намеренно отстающего, отталкивающегося от нее.

Список литературы

- Белый А. Магия слов // Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 131–142.
- Гарин И. И. Пророки и поэты. М., 1994. Т. 5.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / вступ. ст. А. М. Бабкина. М., 1955. Т. 4 : Р–V.
- Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. М., 2014.
- Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
- Парандовский Я. Алхимия слова. Петрарка. Король жизни / пер. с польск. ; сост. и вступ. ст. С. Бэлзы. М., 1990.
- Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. СПб. ; М., 2003а. С. 24–59.
- Потебня А. А. Из записок по теории словесности // Потебня А. А. Теоретическая поэтика / сост., вступ. ст. и коммент. А. Б. Муратова. СПб. ; М., 2003б. С. 145–342.
- Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. 4 : От М до Р.

Об авторе

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

E-mail: nvpatr@list.ru

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

Для цитирования:

Патроева Н. В. Семантический потенциал лексемы *сумерки* в русской поэзии // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 61–71. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-3.

представлено для возможной публикации в открытом доступе в соответствии с условиями лицензии CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

SEMANTIC POTENTIAL OF THE LEXEME *TWILIGHT* IN RUSSIAN POETRY

N. V. Patroeva

Petrozavodsk State University, 185910,
33 Lenina Ave., Petrozavodsk, Republic of Karelia

Submitted on 22.02.2023

Accepted on 10.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-3

The article provides an in-depth analysis of both direct and figurative usages, as well as the figurative transformations of the term 'twilight' in Russian poetry spanning over a century and a half of its evolution. The linguistic and poetic examination focuses on contexts featuring the lemma 'twilight' within the poetic corpus of the Russian National Corpus, specifically those related to the period from 1756 to 1917. The chosen timeframe aligns with the initial recording of the selected lexeme, as per corpus data, with the second date serving as a

conditional endpoint corresponding to the conclusion of the Silver Age of Russian lyrics. The aim of the linguistic and poetic analysis is to discern patterns in the figurative and symbolic utilization, as well as the individual reinterpretation of the term 'twilight' by poets across various literary methods, trends, and schools, including baroque, classicism, sentimentalism, romanticism, realism, and modernism. The conducted analysis leads to the following conclusions: 1) The term 'twilight' is employed in poetry in its direct-nominative dictionary sense, contributing to the creation of a lyrical chronotope and landscape sketches. In this context, the meaning actualized in the literary text may deviate from the dictionary lexical definition, such as in cases of personification and periphrastic renamings like 'twilight witch' or 'twilight monk.' 2) Figurative and symbolic meanings in poetry become notably prominent during the Silver Age. This period witnesses an enrichment of the conventional semantics, with various "extensions" and transformations occurring when the term is used figuratively to characterize transitional states in the realms of the world, history, and consciousness. 3) Tropic contexts prevail, showcasing the broadest syntagmatic and functional-semantic possibilities of the lexeme 'twilight' in Russian poetry. These contexts demonstrate the extensive range of figurative applications and symbolic nuances associated with the term.

Keywords: meaning, significance, image, symbol, motif, poetic semantics, lexical level of a lyrical text, occasional semantics and syntagmatics

References

- Bely, A., 1994. The magic of words. In: A. Bely, ed. *Simvolizm kak miroponimanie* [Symbolism as a worldview]. Moscow, pp. 131–142 (in Russ.).
- Dal, V.I., 1955. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 4. Moscow (in Russ.).
- Garin, I.I., 1994. *Proroki i poety* [Prophets and poets]. Vol. 5. Moscow (in Russ.).
- Larin, B.A., 1974. *Estetika slova i yazyk pisatelya* [Aesthetics of the word and the language of the writer]. Leningrad (in Russ.).
- Parandowski, J., 1990. *Alkhimiya slova. Petrarka. Korol' zhizni* [Alchemia słowa. Petrarka. Król życia]. Translated by S. Belza. Moscow (in Russ.).
- Potebnya, A.A., 2003a. Thought and language. In: A.A. Potebnya, ed. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. St. Petersburg; Moscow, pp. 24–59 (in Russ.).
- Potebnya, A.A., 2003b. Notes on Russian grammar. In: A.A. Potebnya, ed. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical poetics]. St. Petersburg; Moscow. pp. 145–342 (in Russ.).
- Slovar' Akademii Rossiiskoi* [Dictionary of the Russian Academy], 1793. Vol. 4. St. Petersburg, (in Russ.).
- Zolyan, S.T., 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [Semantics and structure of poetic text]. Moscow (in Russ.).

The author

Prof. Natalia V. Patroeva, Head of Department of Russian Language, Petrozavodsk State University, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-3836-6393

E-mail: nvpatr@list.ru

To cite this article:

Patroeva, N.V., 2024, Semantic potential of the lexeme *twilight* in Russian poetry, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 61–71. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-3.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**«ЛЮДИ В ЧЕРНОМ»: СЕМАНТИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ
СЕКТАНТ И БАПТИСТ
В АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1958—1964 ГОДОВ**

Т. В. Савина

Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
630102, Россия, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6
Поступила в редакцию 17.01.2023 г.
Принята к публикации 03.04.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-4

В постреволюционный период идеологическое освоение населением новой политической лексики вынудило советскую власть взять на себя роль интерпретатора и включиться в процесс семантизации новых понятий с помощью средств массовой информации и художественной литературы. В то же время потребовался пересмотр устоявшихся концептов с тем, чтобы вписать их в новую картину мира «советского человека». Перемены в семантической структуре религиозной лексики как идеологически маркированной отражали изменение основных ценностей советского общества. В статье на основе компонентного и контекстологического анализа исследуется процесс целевой семантизации ключевых понятий антирелигиозной кампании Н. С. Хрущёва 1958–1964 годов — «сектант» и «баптист». В ходе кампании детской аудитории навязывался с помощью средств массовой информации и агитационной литературы набор семантических признаков слова в рамках идеологической конъюнктуры. Анализ языкового материала газеты «Пионерская правда», детских журналов «Пионер» и «Костер», а также ряда произведений детской литературы показывает, что специфика целевой аудитории (дети школьного возраста) обусловила создание семантических примитивов за счет радикального сужения семантики слов «сектант» и «баптист». Задействованные языковые средства, такие как новые лексические пары «сектанты-баптисты», «фанатики и изуверы» и «диверсанты и злодеи», а также языковые маркеры цвета, звука, внешности, возраста и локации, позволили создать негативный образ верующего протестантской конфессии и в конечном итоге превратить понятия «сектант» и «баптист» в политический ярлык.

Ключевые слова: целевая семантизация, сектанты, баптисты, антирелигиозная кампания Н. С. Хрущёва, идеологический примитив

Коренные политические и социальные изменения в российском постреволюционном обществе стали причиной невероятного искусственно созданного ускорения естественного процесса расширения словарного состава языка. Идеологическое освоение населением новой политической лексики потребовало от советской власти взять на себя роль интерпретатора и включиться в процесс семантизации новых понятий с помощью средств массовой информации и агитационно-художественной литературы. Внедрение в языковое сознание таких ключе-

вых концептов, как «коммунизм», «эксплуатация», «диктатура», предполагало примитивное толкование, чтобы встроить новое понятие в бинарную картину «нового мира» и места в нем «нового человека». Однако процесс семантизации затрагивал не только идеологическое освоение новых концептов, но и пересмотр старых, уже существовавших в языке и до поры не связанных со сферой политической лексики. Смена власти не в силах директивно отменить язык, однако новой власти оказалось вполне по силам переосмыслить устоявшиеся концепты и вписать их в идеологическое пространство «советского человека». Помимо прочего под давлением политической лексики оказалась сфера религиозного (см.: Купина, 1995).

Немногочисленные исследования, посвященные функционированию религиозной лексики в русском языке советского периода, в основном сосредоточены на изучении генеральной динамики изменения семантики религиозного слова как идеологически маркированного (Васильев, 2012; Крылова, 2018; Булыгина, Трипольская, 2020). Отраженные в языке изменения ценностей советского общества, зафиксированные в толковых словарях, позволяют проследить процесс кодифицированной семантизации, когда толкование значения слова является общепринятой нормой, при этом идеологизированное толкование вытесняет первоначальное значение. В отличие от кодифицированной семантизации, целевая семантизация использовала более разнообразные средства. С помощью средств массовой информации и агитационной литературы аудитории навязывался набор семантических признаков слова в рамках идеологической конъюнктуры. Существует ряд исследований, прослеживающих изменение в советский период коннотаций отдельных слов религиозной лексики: *Бог*, *безбожник*, *беззаветный*, *грех* (*греховный*) *Пасха*, *Крещение* (Новикова, 2018; Сурикова, 2014). Например, исследователи отмечают знаменательное новое распределение значений в семантической структуре слова *создатель*, которое стало связываться с именем Ленина, а значение *Бог как творец мира* толковалось как устаревшее (Купина, 1995, с. 30). Лингвистический анализ процесса семантизации религиозной лексики в советский период однозначно свидетельствует о том, что одним из механизмов толкования значений стало сужение семантики до идеологического примитива для более легкого и надежного его усвоения носителем языка (Там же, с. 14 – 15).

Тем не менее существенным пробелом является изучение вопроса целевой семантизации религиозной лексики на площадке советской прессы, которому посвящено сравнительно мало исследований (см., напр.: Москвина, 2021), при этом языковыми аспектами коммуникации власти и общества по вопросам религии первыми заинтересовались не лингвисты, а историки (Горбатов, 2014; Шмелев, 2015; Галиева, 2018). Это неудивительно, поскольку такое исследование требует широкого исторического контекста. Кроме того, обращает на себя внимание то, что материалом для лингвистического анализа, как правило, служит весь пласт религиозной лексики в целом, без учета специфики разделения верующих на конфессии.

Антирелигиозные кампании на протяжении всего советского периода российской истории актуализировали религиозный словарь на страницах СМИ, занимаясь его толкованием и переосмыслением в рамках идеологического заказа. В этом отношении антирелигиозная кампания, развернутая при Н.С. Хрущёве в конце 1950-х — первой половине 1960-х годов имела ряд специфических особенностей. Она носила выраженный «антисектантский» характер, когда верующие представлялись «фанатиками» и «изуверами», а одной из целевых аудиторий выступали дети школьного возраста. Это привело к тому, что в «антисектантской» кампании активно участвовала детская общественно-политическая печать, а также художественная литература для детей.

Целью настоящего исследования является анализ языковых средств, задействованных в хрущёвской антирелигиозной кампании для создания негативного образа верующего. Используемый в исследовании метод контекстологического анализа позволяет изучить процесс целевой семантизации таких ключевых понятий кампании, как «баптист» и «сектант», и исследовать механизмы идеологизации понятий «баптизм» и «сектантство», учитывая особенности восприятия незнакомого концепта детской аудиторией. Компонентный анализ позволяет проследить расширение семантической структуры слова «баптист» за счет атрибутивного сопровождения в виде маркеров цвета, звука, внешности, возраста и локации. Источниками для исследования послужили материалы газеты «Пионерская правда», журналов «Костер» и «Пионер» 1950—1960-х годов, а также произведения детской художественной литературы с антирелигиозными сюжетами.

Не каждый сектант — баптист, но каждый баптист — сектант

В русской лексике изначально нейтральные термины «секта», «сектант» и «баптист» приобрели негативную коннотацию в поздний период Российской империи. Отпадение от православия в сектантство наказывалось как уголовное преступление, в то время как Российская православная церковь вела активную борьбу с «сектами». После прихода большевиков к власти термин «сектант» приобрел кратковременную положительную коннотацию: сектанты рассматривались как союзники большевиков в борьбе с православной церковью, а также как «стихийные коммунисты», призванные доказать народническую мечту о «коммунистическом» характере русского народа (Эткинд, 1996)¹. Однако уже в первой половине 1920-х годов термин «сектант» утратил эту кон-

¹ Даже в 1930-х годах еще были слышны отзвуки такого восприятия баптистов. Например, в повести Н.В. Богданова «Вызов» есть такой диалог между бывшими друзьями, один из которых стал баптистом: «— У нас давно коммунизм. Пришли мы к нему не кровопролитием и насилием, а только с верой христовой, выполняя его заветы. — И там всех кормят? — Всех. — Ну, а если весь свет в баптисты перейдет? — Наступит, братец, царствие небесное на земле... — Вы ражайся проще — коммунизм, значит <...> Чудно, а я думал — вы просто чудачки» (Богданов, 1931, с. 69).

нотацию. Напротив, большевики стали воспринимать евангельских верующих, таких как баптисты, евангельские христиане, меннониты, адвентисты, пятидесятники и др., в качестве главных противников на поле идеологического противостояния. Деятельность сект стала рассматриваться властью как контрреволюционная, что было закреплено соответствующим толкованием как средствами кодифицированной семантизации (словарями), так и средствами массовой информации.

Так, например, «Малая советская энциклопедия» давала такое определение: «Сектантство в России... *противодействует социалистическому строительству, являясь прибежищем бывших помещиков, капиталистов, кулаков, царских чиновников до жандармов включительно.* <...> Некоторые секты являются определенно *контрреволюционными* организациями» (Урсынович, 1931, с. 740). В семантической структуре слова религиозный компонент был потеснен политическим: *бывшие* и *контрреволюционные*. В издании «Старая и новая деревня», предназначенном для детей старшего школьного возраста, автор объяснял: ««Сектанты не признают церкви и обрядов, но они верят в евангелие и учат, что все люди братья, что нужно любить наших врагов и т.д. Таким учением сектанты играют на руку всем *эксплоататорам*. Разве капиталист — брат рабочему? Гнет капиталистов и помещиков может быть свергнут только революционной борьбой» (Богданов, 1930, с. 167). Критика догматов веры имела ярко выраженный классовый характер, когда религиозная лексика приобретала не свойственную ей коннотацию. Квазилогическое построение «капиталист — не брат рабочему» легло в основу критики символа веры протестантов о том, что «все люди — братья», а само слово «брат» получило негативную окраску: слова «брат», «братец», братья во Христе» стали брать в кавычки, выражая имплицитную иронию по отношению к основному постулату веры протестантов — о ненасилии. Реабилитация евангеликов в годы Великой Отечественной войны привела к созданию лояльного к властям Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов в 1944 году. Здесь уместно вспомнить, насколько неожиданным стало «извлеченное из глубин истории духовной сферы» обращение Сталина к народу о начале Великой Отечественной войны: «*Братья и сестры...* к вам обращаюсь я» (Воронов, Любезнова, 2016, с. 63; здесь и далее в цитатах курсив мой).

К 1950-м годам даже кратковременные положительные коннотации полностью исчезли из семантики обоих понятий («сектант» и «баптист»). К этому времени стало набирать силу идеологическое противостояние в Холодной войне. Криминализация любых контактов — личных, институциональных, идейных, теологических — с заграницей привела к тому, что в семантической структуре слова «баптист» произошло перераспределение значений: на первый план вышло значение *чуждый* как идущий извне, из-за границы, из Америки. Кодифицированная семантизация, закрепленная в Толковом словаре русского языка Ожегова в версии 1960 года, интерпретировала понятие баптизм достаточно нейтрально: «Баптизм, -а, м. Разновидность протестантизма, возникшая в нач. 17 в. и распространенная главным образом в Америке и

Европе» (Ожегов, 1960, с. 59). А вот в выпущенном в 1961 году диафильме «Сектантство и его сущность» уже четко звучит оценочность: «Одна из наиболее распространенных сект — секта баптистов. Особенно много баптистов в Соединенных Штатах Америки, где во главе секты стоят крупные капиталисты» (студия «Диафильм», 1961). То же подчеркивала книга «Жизнь на коленях», популярно объяснявшая детям, кто такие баптисты: «В наше время США являются мировым центром баптизма. В Вашингтоне находится Всемирный союз баптистов» (Маят, Узков, 1964, с. 14).

Семантика «чуждый потому что капиталистический» выводила понятие «баптист» на уровень участника идеологического противостояния между коммунистическим и империалистическим мирами, оттесняя религиозный компонент на периферию значения, при этом в атрибутивных характеристиках прозвучали слова *диверсанты* и *злодеи*. Широкое обращение к детской аудитории в средствах массовой информации и произведениях литературы было продиктовано стремлением власти «оградить» подрастающее поколение от «чуждого влияния» и с помощью атеистической литературы «воспитывать в наших ребятах моральные качества настоящего коммуниста» (Будная, 1966, с. 40).

Красное и черное

С учетом возрастных характеристик и определенной незрелости целевой аудитории задействованные языковые средства значительно отличались от предыдущих антирелигиозных кампаний: хрущёвская «антисектантская» пропаганда апеллировала к чувству *запретного* и *страшного*. В дополнение к уже апробированным техникам семантического преобразования значения слова в антонимическом контексте был создан ряд лексических соединений, направленных на закрепление эмоционального воздействия идеологического посыла.

Привычное для советской пропаганды использование прилагательного *красный* в его идеологическом значении «относящийся к революционной деятельности» для детской аудитории изначально ассоциировалось с *красным* пионерским галстуком. Противостояние между пионерской организацией (школой) и религиозным сознанием со времен самых первых антирелигиозных кампаний часто выливалось в борьбу вокруг красного галстука. Активно эксплуатируя сюжет 1930-х годов, пионерская пресса постоянно предлагала страшные истории о том, как родители-баптисты уничтожали красные галстуки детей-пионеров. «Пионерская правда» в 1963 году напечатала «Обращение сбора победителей всесоюзного соревнования пионерских отрядов», в котором был такой пункт: «Внимание к каждому — вот наш закон. Если опустела парта — отряд бьет тревогу. Если твоего друга тянут в сети попы и сектанты — отряд борется, пока не победит» (Обращение..., 1963). Лексическое соединение «тянуть в сети» получило ограниченную сочетаемость с одним возможным актором — сектантом.

«Пионерская правда» рассказала в 1964 году историю мальчика Толи Хмары из алтайского поселка Кулунда о том, как «отец-баптист надругался над пионерским галстуком»: «Отец нагнул, взял топор. Что

будет? Каждый удар топора по распластавшейся красной материи как пощечина. Отец смял лоскутки, бросил в пламя печи» (Осиное гнездо, 1964). Еще одна история девочки Нины: «...сектанты организовали подпольную воскресную школу, куда насильно отвели Нину. “Святые служители” решили отгородить детей сектантов от школьной и пионерской жизни, *заставляли* детей снять галстуки» (Галстука я не сниму, 1967). Журнал «Костер» рассказал о нескольких детях из семей баптистов: «Мать *изорвала* галстук на глазах у девочки и целый месяц не пускала ее в школу» (Добровольцы, 1963), в семье другой девочки баптисты «сожгли ее красный галстук» (Если человек..., 1969). Историю мальчика Толи Хмары из Кулунды журналист «Пионерской правды» закончил пафосно: баптиста судили, потому что «красный галстук, пионерская организация с ее *веселыми сборами, дальними походами, стремлением узнать* обо всем в мире мешали этому пауку раскидывать сети, и он шел на гнусный обман, преступления». Инерция пропаганды была настолько велика, что даже после 1965 года, когда «антисектантская» кампания была фактически свернута, детская пресса продолжала публиковать истории о сожженных, отобранных, выброшенных пионерских галстуках детей.

Внешние проявления принадлежности человека к баптистской, или вообще сектантской, общине закреплялись с помощью изобразительных средств с преимущественным использованием прилагательных *странный, дремучий, темный / черный, мрачный*. Например, вот как журналист «Костра» описывает встречу с баптистом: «...на нас взглянул от крыльца *странный, нездешний* человек. *Нечесанные* патлы до плеч, *кудельная борода, ветхая* одежонка» (Степа говорит..., 1961, с. 44). «Но даже улицы *мрачнели*, когда, словно *тараканы из щелей*, выползали из домов *хмурые люди в темном*» (С кем ты..., 1964). Женщины все носят черные платки, мужчины — в темном, с неопрятными бородами, у девочек волосы «приплюснуты по-баптистски» (За солнце..., 1961). Даже с учетом несовершенства тогдашней полиграфии иллюстрации к текстам поражают всеми оттенками черного. На обложке книги «Жизнь на коленях», вышедшей в 1964 году в издательстве «Детская литература», помещена крупная фотография искаженного мукой оскаленного лица и фигура человека в темной одежде, сложившего руки в молитве и склонившего голову. Начальный кадр диафильма «Сектантство и его сущность» — пронзительно белые угловатые буквы на угольно-черном фоне.

Детская литература действовала в том же русле, что и пропаганда. Сюжеты произведений В. Козлова «На старой мельнице» (1961), Г. Михасенко «В союзе с Аристотелем» (1965), В. Железникова «Да поможет человек» (1961) строились на том, что дети баптистов переставали ходить в школу и их друзья тревожились. Противостояние родителей-сектантов и детей изображалось прямолинейно: родители (чаще мать) насильно втягивали детей в общину, а друзья помогали вернуться в коллектив. Весьма характерно, что сюжеты часто заканчивались необратимым разрывом с родителями и даже уходом детей из семей.

Образы баптистов окружались самым зловещим языковым контекстом, в котором выстраивались антонимические пары «пионеры — баптисты» и «дети — родители». Интересно, что в основе противопоставления был заключен достаточно примитивный посыл, неотразимо действовавший на детскую аудиторию: удерживая детей в стороне от пионерской организации, баптисты лишали детей *развлечений*. «Родители Роберта, сектанты-баптисты, считали, что их дети должны слепо следовать этому “учению”. Никаких кино, цирков и театров. За чтение газеты — пощечина. Спорт — смертный грех. Павлик, уличенный в том, что играл в футбол, целую неделю сидел без обеда» (Добровольцы, 1963). Девочка сбежала из дома, чтобы не жить с родителями-баптистами: «...есть отец, мать, старшие сестры и братья. Они баптисты. Они меня не пускали в кино. Книг не разрешали читать. В молельный дом водили... Я не хочу быть баптисткой. Не хочу. Знаете, какие они? Как мертвые» (За солнце..., 1961).

Как простодушно проговорился один из журналистов «Пионерской правды» в истории пионерки Ани, порвавшей с матерью-баптисткой, некоторая часть детской аудитории воспринимала рассказы о баптистах как «страшную сказку»: «— Аня, расскажи про дом, где живет старая Бубголец» (то есть молитвенный дом баптистов) — «мальш прижимается к парте, шурится: *жутко, сейчас страшный рассказ будет*» (Там же).

Избушка на курьих ножках

Понятие «баптист-сектант» — пожалуй, единственное в русском языке слово, имеющее устойчивые связи с определенным цветом, звуком и возрастом. Для поддержания семантики *запретного* детская пресса и литература широко использовала пространственные указатели с атрибутивным сопровождением прилагательных *окраинный, глухой, на отшибе, таинственный*. Молитвенные дома баптистов и сектантов по описаниям всегда располагались где-то в самом глухом углу села или города, с всегда закрытыми ставнями. «*Глухой лес* прячет от любопытных глаз *глухую поляну*. Гулким эхом отдается заунывное пение» (Безвредные..., 1966). Действие повести М. Герчика «Ветер рвет паутину» (1962) происходит на глухом полесском хуторе, баптисты из повести В. Козлова «На старой мельнице» собираются на моления в старом доме на отшибе. Если добавить сюда квазиметонимические употребления существительных *пауки, крысы, тараканы*, то вкупе с топонимическими указателями складывается картина *тайного убежища*, а сами молитвенные собрания воспринимаются как *тайное собрание*. Именно в таких локациях детей тянут то в *сети*, то в *паутину*, то в *болото*.

Кроме того, частотны употребления прилагательных, описывающих интонации и звуки — *заунывный, елейный, визеливый, пронзительный*. Вот как мальчик увидел молитвенное собрание: «Что-то несусветное творилось в доме, *притулившись к самому лесу*. *Рвущие душу крики, вопли, стоны* неслись оттуда. Сектанты молились...» (Ночь миновала..., 1960). Митька из повести «На старой мельнице» проследил за матерью, когда та шла на молитвенное собрание:

С мельницы вдруг послышалось тихое пение, непонятное, жуткое. <...> Пение прекратилось. Теперь доносились пронзительные завывания. <...> Какие-то черные угловатые тени метались по голым бревенчатым стенам, по потолку. В углах чадили тонкие длинные свечи. <...> Он вытянул руки вверх и, задрав бороденку, глядел в потолок. Вокруг него, заламывая над головой руки, ползали на коленях люди в черном. Они разевали рты, взвизгивали. Среди них была мать. Она елозила коленями по своему черному кружевному платку, вся тряслась, и тяжелая, растрепанная коса ее волочилась по полу. Красивое лицо матери уродливо исказилось, в вытаращенных глазах — безумие (Козлов, 1961, с. 23).

В дальнейшем повествовании мать достаточно спокойно и разумно объясняет сыну, почему она так молилась, но описанная кошмарная сцена с использованием экспрессивных прилагательных *пронзительный, уродливый, безумный* накладывает отпечаток на весь образ героини как фанатически верующей. Кроме того, судя по описанию, мальчик стал свидетелем глоссолалии, характерной для пятидесятников, а не баптистов, что может объяснить, почему они уединялись для молитвы, однако советская пропаганда, в отличие от сектантов, плохо понимала разницу между течениями.

Значительную роль играло упоминание возраста, поскольку отвечало «государственному политико-идеологическому концепту о скором отмирании религии в социалистическом обществе вместе с уходом из жизни “темных” и “непросвещенных” старших поколений» (Савин, 2018, с. 499). В основном, судя по публикациям, детей в секты тянули бабки, а деды возглавляли общины. В рассказе В. Железникова «Да поможет человек!..» главный герой сначала считает иеговистку Магду старухой, но сняв платок, она оказывается совсем молодой женщиной. Мальчика Ионела, героя рассказа В. Шевелова «Золотые клены», пугает бабка: «Как сам *Кащей*, задвигала руками и всем туловищем баба Степанида, страшная и черная» (Шевелов, 1964, с. 21). Хозяйка дома, где проходят баптистские собрания, — «старая Бубгольц» — вполне претендует на образ ведьмы. В статье «Святые крысы» журналист рассказывает о «святых письмах», рассылаемых евангеликами и написанных «почерком старого человека» («Святые крысы», 1962). «Это так называемый “церковный и сектантский актив”, большинство которого составляют малограмотные престарелые люди» (Светопреставление..., 1966). Логически баптисты-сектанты и должны были быть стариками, поскольку они были из *бывших*, а бывшие, как известно, были до революции. Вот как, например, старая бабка повествовала внучке о божьей: «Вкрадчивым, певучим голосом рассказывала она Вере, что происходит “на том свете”, который мы якобы не видим. На небе, мол, живет сам господь бог. За печкой — домовый. В лесу — леший, а в пруду водятся водяные и русалки» (Черное дело..., 1959).

В целом пространственные, звуковые, цветовые и возрастные указатели создавали вполне фольклорный сюжет о Бабе-Яге и лешем в глухом лесу на болоте с пауками. Однако намеренное внедрение деструктивной семантики в структуру значения слова и окружение его негативным контекстом добавляло к понятию «баптист» еще одно значение — *злодей*.

«Фанатики» и «изуверы»

Если в 1930-е годы баптистами были в основном кулаки, то в 1960-х для детской аудитории, выросшей на рассказах о подвигах недавно закончившейся войны, описание баптиста как военного преступника было гораздо понятнее и актуальнее, чем развенчание религиозных догм. Неудивительно, что баптистами-сектантами и даже главами общин сплошь и рядом в произведениях детской литературы оказывались бывшие преступники, полицаи, беглые убийцы. Открытие мальчика Митьки из повести В. Козлова «На старой мельнице», что «брат» — глава общины дядя Егор — тайно пьет водку, произвело на него гораздо меньшее впечатление, чем то, что «брат» оказался бывшим отсидевшим срок полицаем Пестрецовым. Глава пятидесятников в повести М. Герчика «Ветер рвет паутину» оказался скрывающимся убийцей. Изменение номинации с «*главы* общины» на «*главарь* общины» значительно усиливало негативную коннотацию понятия «община» как сборища темных личностей. Однако при этом интересно, что детская пресса никак не акцентировала тот факт, что у многих баптистов и меннонитов были немецкие фамилии.

Мотив *смерти*, связанный с понятиями «баптист» и «сектант», имел, пожалуй, наиболее спекулятивный характер. Заголовки публикаций в детской прессе 1920-х годов — например, «*Мертвый хватает живого*», «Как *калечат* ребят» (Сектанты..., 1928) — переключались на страницы изданий рубежа 1950–1960-х годов, которые были полны подобных «страшилок». То баптисты не позволяли лечить девочку, и она умерла («Святые крысы», 1962), то один мальчик, конечно из семьи сектантов, неосторожно играя с ружьем, ранил другого мальчика, и тот умер (В Новоселках..., 1962), а то девочку заставили креститься в ледяной воде, из-за чего она умерла (Черное дело..., 1959). Старая бабка кричит внучке-пионерке: «В ад тебя, в ад!», «богохульница», «отступница», «адово дитя» (Если человек..., 1969). В рассказе «Золотые клены» отец чуть не убил сына, чтобы спасти его и ввести «в царствие небесное» (Шевелов, 1964). Большой резонанс вызвала статья в «Пионерской правде» о том, как девочку якобы хотели принести «в жертву богу», замурав в каменной стене (Быль..., 1959).

Кинематограф по охвату аудитории значительно превосходил и прессу, и литературу. Конечно, фильм «Армагеддон», снятый на киностудии «Молдова-фильм» в 1960 году, детским назвать нельзя, но неслучайно жертвой секты оказывается ребенок — девочка, которая обнаружила, что секта иеговистов оказалась прикрытием шпионской сети, после чего погибла от рук «сектантов». «Тучи над Борском» — фильм, который считается главным событием хрущёвской антирелигиозной кампании, — изображает неких сектантов (неясно, каких именно) изуверами, решившими распять главную героиню во искушение ее грехов (Аринин, 2017).

С одной стороны, вескими основаниями для такой спекуляции служило само протестантское вероучение с посылом о том, что все люди только странники на земле, и наш дом — небеса. С другой — акценти-

руя внимание аудитории нежного возраста на «потусторонних» разговорах, пропаганда нагнетала мрачную атмосферу вокруг всего, что было связано с баптизмом и сектантством. Выдуманные истории о «жертвоприношениях» пытались убедить аудиторию в том, что религия не только грозит неокрепшему сознанию детей, но и несет прямую угрозу физической смерти. Эксцессы, связанные с религиозными обрядами иеговистов и пятидесятников, распространялись на все протестантские течения. Хотя религиозные практики баптистов не включали в себя коллективные впадения в молебельный экстаз и глоссолалию, пропаганда использовала все средства, чтобы нивелировать принципиальные различия между разными течениями евангеликов, а зловещая тень «изуверства» падала именно на баптистов, поскольку они были «наиболее крупной сектой в нашей стране» (Маят, Узков, 1964, с. 7). В результате у детской аудитории формировалось крайне негативное отношение не столько к религии, сколько к определенной группе людей, маркированной как «изуверы». По свидетельству журналиста О. Будной, когда она спросила пятиклассниц, что они знают о сектантах, девочки ответили: «Это гады, их надо уничтожить. Это вредители» (Будная, 1966, с. 39). Социальная стигматизация верующих протестантских конфессий встраивалась в лингвистический контекст в традиционном бинарном противостоянии «свой — чужой», однако при этом была значительно усилена семантика «чужого» как «чуждого». Мать героя повести Г. Михасенко «В союзе с Аристотелем» гневается: «И не выводятся, вредители проклятые... Уж сколько Советская власть живет, уже спутники по небу летают, а эти *поганцы* все еще по земле шляются. Закидывают их, что ли, вроде *шпионов*...» (Михасенко, 1965, с. 31). Обращает на себя внимание постоянное использование прилагательных, формирующих оценочное восприятие баптистов: *лживые, извортливые, злобные* — это прилагательные, уже освоенные во времена Большого террора. Звонкое эхо тридцатых годов, звучащее в словечке *вредители* в сопровождении оценочной атрибутивной лексики, помещало сектантов и баптистов в нишу «врагов народа», всеми средствами подчеркивая их *чужеродность, инакость* и, самое главное, — их *антисоветский* характер.

Религиозные диссиденты

Нагнетание в советском обществе истерии вокруг верующих протестантских течений достигло критической точки в 1964 году и пошло на спад после отстранения Н.С. Хрущёва от власти. Хрущёвская антирелигиозная кампания оказалась контрпродуктивной, поскольку создавала излишнее напряжение между советскими властями и верующими (Савин, 2016). Начали звучать трезвые мысли о том, что «священники, сектанты, верующие — люди, достойные уважения по своим нравственным стремлениям, но сами потерявшие в жизни много ценного именно из-за своей приверженности богу» (Будная, 1966, с. 40). Советская, в том числе детская, печать перестала изображать всех сектантов как «моральных уродов» и «изуверов», хотя эхо хрущёвской кампании звучало в публикациях «Пионерской правды» вплоть до 1968 года.

Так, в 1965 году в «Пионерской правде» был опубликован очерк «Изуверы», в котором были использованы все наработанные за семилетнюю кампанию языковые формулы: *далекий поселок, злобные сектанты, страшные лица с выпученными глазами, скрюченные пальцы, невинные дети* (последних в секту привел их отец, они назначены в жертву богу, их морят голодом и стегают веревками). Обилие экспрессивной лексики и переизбыток жутких подробностей типа «диких криков» и «огненного ангела» напоминают очерки начала 1960-х годов, когда антирелигиозная кампания была в самом разгаре. Однако интересно, что именно в этой публикации четко прозвучали политические обвинения: «Злостью дышали их молитвы. Они выпрашивали у бога *погибели Советской власти, вымаливая у него нового царя*» (Изуверы, 1965).

В то же время обозреватель «Детской литературы» в статье 1971 года уже более сдержан в языковых средствах — никаких изуверских сюжетов, никакой экспрессивной лексики. Баптисты описываются как люди, «сочетающие религиозность с образованностью», но тем не менее акцент делается на чужеродном характере баптизма. Однако более всего автора тревожит антисоветский характер «баптистской педагогики»:

В таких семьях избегают читать ребенку сугубо «политические» книги, например о революции, о гражданской войне. С ними не спорят, их просто *игнорируют*, не замечают. <...> Отец мечтал сделать из сына знаменитого проповедника баптистов, великого «оракула правды и любви». Но в то же время он, человек образованный, понимал, что сыну надо дать и хорошее гражданское образование. Поэтому, когда Сережа пошел в школу, он не мешал его занятиям, наоборот, всячески помогал ему, особенно в овладении английским языком, которым сам свободно владел. А между прочим внушал: на уроках отвечай только по существу, *что положено, не выявляя своих взглядов*, ибо ты живешь и учишься среди антихристов, которые могут тебя погубить, и чтобы бороться с ними, надо знать их науки (Старцев, 1971, с. 53).

Здесь интересно употребление ряда словосочетаний, таких как «отвечай, что положено», «не выявляй своих взглядов», что в целом рисует советы детям по социальной мимикрии в политической трактовке. Более того — то, что верующие-баптисты «игнорировали» ценности советского воспитания, имплицитно указывало на диссидентский характер этого религиозного движения. Хотя градус обличения и отторжения «сектантских» религиозных течений заметно снизился, уровень неприятия верующих-баптистов остался прежним со значительной сменой акцентов. Если в начале антирелигиозной кампании основным посылом были обвинения баптистов в мракобесии и отсталости, то к концу 1960-х годов ведущим значением в семантической структуре слова стало *антисоветский / диссидентский*.

Выводы

Таким образом, в глобальном противостоянии советского государства и религии детская политическая пресса и детская литература сыграли значительную роль в превращении понятий «сектант» и «бап-

тист» в политический ярлык за счет целенаправленной семантизации значений в негативном контексте. Анализ языкового материала показывает, что политизация словаря религиозной сферы привела к радикальному упрощению семантики, а все номинации получили крайне отрицательную коннотацию. Спецификой антирелигиозной кампании Н. С. Хрущёва было широкое обращение к детской аудитории, а задействованные языковые средства апеллировали не столько к рациональному, сколько к эмоционально-чувственному восприятию. Использование устоявшихся с 1930-х годов номинаций *вредитель* и *диверсант* в отношении сектантов и баптистов привело к стигматизации определенной группы верующих, а за понятиями «сектант» и «баптист» в русском языке надолго закрепилось значение деструктивного. Опасные эксперименты с идеологизацией семантики приводят к тому, что слова, «зараженные советскими смыслами», продолжают упрямо транслировать приобретенные значения.

Список литературы

Аринин Е. И. Вторжение религии в советский кинематограф: между «волшебным» и «вечностью» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2017. №3. С. 311–320.

Будная О. Это тревожит // Детская литература. 1966. №12. С. 39–40.

Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А. Процессы идеологизации и деидеологизации в русском религиозном словаре // Сибирский филологический журнал. 2020. №3. С. 204–215. doi: 10.17223/18137083/72/16.

Васильев А. Д. Динамика некоторых слов религиозной сферы // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. №4. С. 28–33.

Воронов Ю. С., Любезнова Н. В. Лингвориторический анализ выступления И. В. Сталина 3 июля 1941 года // Мир русского слова. 2019. №3. С. 62–70. doi: doi.org/10.24411/1811-1629-2019-13062.

Галиева Ф. Г. Революционные крестины как феномен советской культуры 1920-х гг. (по материалам прессы Башкирии) // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т. 10, №1. С. 26–41. doi: 10.12731/2077-1770-2018-1-26-41.

Горбатов А. В. Пропаганда и СМИ в период хрущевской антирелигиозной кампании (1954–1964 гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 2, №3 (59). С. 157–160.

Крылова И. А. Проблема иллюстрирования лексики сферы религии в толковых словарях // Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал. 2018. №4. URL: <https://st-hum.ru/content/krylova-ia-problema-illyustrovaniya-leksiki-sfery-religii-v-tolkovyh-slovaryah> (дата обращения: 25.12.2022).

Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь, 1995.

Москвина Ю. А. Художественно-выразительные средства религиозного дискурса в антирелигиозной и протестантской периодике советского периода // Мир науки, культуры, образования. 2021. №2 (87). С. 574–577. doi: 10.24412/1991-5497-2021-287-574-577.

Новикова Ю. В. Роль церковно-религиозной лексики в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, №4 (25). С. 84–87.

Савин А.И. Борьба за молодежь: советское государство и религиозные диссиденты в брежневскую эпоху // *Личность, общество и власть в истории России*. Новосибирск, 2018. С. 483–518.

Савин А.И. «Многие даже не допускают мысли, что сектант может быть честным человеком». «Брежневский» поворот в антирелигиозной политике и российский протестантизм (1964–1966 гг.) // *Вестник Тверского государственного университета*. Сер.: История. 2016. №4. С. 59–75.

Сурикова О.Д. Слова безбожник и беззаветный в диахронии русского дискурса // *Политическая лингвистика*. 2014. №1. С. 249–263.

Шмелев С.А. Красное «комсомольское рождество» и проблема формирования нового быта в начале 1920-х годов // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2015. Т. 17, №3. С. 92–99.

Эткинд А.М. Русские секты и советский коммунизм: проект Владимира Бонч-Бруевича // *Минувшее: Исторический альманах*. М. ; СПб. 1996. Т. 19. С. 275–319.

Список источников

- Безвредные? Нет!* // *Пионерская правда*. 1966. №13. С. 2–3.
Богданов А.А. Старая и новая деревня. М., 1930.
Богданов Н.В. Вызов. М., 1931.
Быль о «святой Марийке» // *Пионерская правда*. 1959. №17. С. 3.
В Новоселках погиб пионер // *Пионерская правда*. 1962. №69. С. 3.
Галстука я не сниму... // *Пионерская правда*. 1967. №44. С. 3.
Герчик М.Н. Ветер рвет паутину. Минск, 1962.
Добровольцы // *Костер*. 1963. №10. С. 5.
Если человек смелый... // *Пионерская правда*. 1969. №8. С. 2.
Железников В.К. Да поможет человек!.. // *Железников В.К.* Хорошим людям — доброе утро. М., 1961. С. 3–14.
За солнце, радость, счастье // *Пионерская правда*. 1961. №99. С. 3.
Изюверы // *Пионерская правда*. 1965. №15. С. 3.
Козлов В.Ф. На старой мельнице. М., 1961.
Маят Е.В., Узков И.Н. Жизнь на коленях. М., 1964.
Михасенко Г.П. В союзе с Аристотелем. М., 1965.
Ночь миновала... // *Пионерская правда*. 1960. №80. С. 3.
Обращение сбора победителей всесоюзного соревнования пионерских отрядов // *Пионерская правда*. 1963. №75. С. 1.
Ожегов С.Н. Словарь русского языка. М., 1960.
Осиное гнездо // *Пионерская правда*. 1964. №17. С. 3.
Светопреставление отменяется // *Пионерская правда*. 1966. №51. С. 3.
«Святые крысы» // *Пионерская правда*. 1962. №6. С. 1.
Сектантство и его сущность: диафильм / Л.А. Сердобольская, А.Н. Кочетов. М., 1961.
Сектанты зашевелились // *Пионерская правда*. 1928. №61. С. 3.
С кем ты, Валя? // *Пионерская правда*. 1964. №65. С. 3.
Старцев Р. Как модернизируют бога // *Детская литература*. 1971. №12. С. 51–53.
Степа говорит «Ни» // *Костер*. 1961. №9. С. 44–46.
Урсынович С. Сектантство // *Малая советская энциклопедия*. М., 1931. Т. 7. С. 738–740.
Черное дело «святых людей» // *Пионерская правда*. 1959. №46. С. 3.
Шевелов В.М. Золотые клены. М., 1964.

Об авторе

Татьяна Вячеславовна Савина, кандидат филологических наук, Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующий кафедрой иностранных языков, Новосибирск, Россия.

E-mail: tsavina2005@mail.ru

Для цитирования:

Савина Т. В. «Люди в черном»: семантизация понятий *сектант* и *баптист* в антирелигиозной кампании 1958–1964 годов // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 72–88. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-4.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SEMANTIZATION OF THE CONCEPTS 'SECTANT' AND 'BAPTIST' IN THE ANTI-RELIGIOUS CAMPAIGN OF 1958–1964

T. V. Savina

Siberian Institute of Management, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

6 Nizhegorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russia

Submitted on 17.01.2023

Accepted on 03.04.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-4

In the post-revolutionary era, the population's adoption of a new political vocabulary demanded the Soviet authorities to play the role of the interpretant. They engaged in the process of assigning meanings to new concepts through mass media and fiction. Simultaneously, established concepts had to undergo reshaping to align with the new worldview of the 'Soviet citizen'. The transformation of the semantic structure of religious vocabulary, ideologically marked, reflected the shift in the fundamental values of Soviet society. This article, employing component and contextual analyses, explores the target semantization process of key concepts during Khrushchev's 1958–1964 anti-religious campaign, specifically focusing on 'sektant' and 'baptist'. Through mass media and propaganda literature, a set of semantic features for these terms was imposed on the children's audience in ideological contexts. The analysis of linguistic material from numerous sources such as the newspaper Pionerskaya Pravda, Pioneer and Koster children's magazines, and selected works of children's literature reveals that the target audience – school children – led to the emergence of semantic primitives. This involved significantly narrowing the semantics of the words 'sektant' and 'baptist.' Linguistic tools such as new lexical pairs ('sectarian-Baptist,' 'fanatics and bigots,' 'subversives and villains') and linguistic markers related to colour, sound, appearance, age, and location were employed. These tools helped develop a negative image of a Protestant believer and ultimately transformed the concepts of 'sektant' and 'baptist' into political labels.

Keywords: target semantization, sectarians, Baptists, Khrushchev's anti-religious campaign, ideological primitive

References

- Arinin, E.I., 2017. The Invasion of Religion in to Soviet Cinema: Between “the Magical” and “the Eternal”. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 3, pp. 311 – 320 (in Russ.).
- Budnaya, O., 1966. This is disturbing. *Detskaya literatura* [Children’s Literature], 12, pp. 40 – 41 (in Russ.).
- Bulygina, E. Yu. and Tripolskaya, T. A., 2020. Processes of ideologization and de-ideologization in Russian religious dictionary. *Siberian Journal of Philology*, 3, pp. 204 – 215, <https://doi.org/10.17223/18137083/72/16> (in Russ.).
- Etkind, A.M., 1996. Russian sects and Soviet communism: Project of Vladimir Bonch-Bruевич. In: *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh* [Past: Historical almanac]. Vol. 19. Moscow; St. Petersburg, pp. 275 – 319 (in Russ.).
- Galieva, F.G., 2018. The revolutionary christening as the phenomenon of the soviet culture of the 1920s (review of the press in Bashkiria). *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Russian Journal of Humanities], 10 (1), pp. 26 – 41, <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-1-26-41> (in Russ.).
- Gorbatov, A. V., 2014. Propaganda and the mass media during Khrushchev's anti-religious campaign (1954 – 1964). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2 (3), pp. 157 – 160 (in Russ.).
- Krylova, I. A., 2018. The issue of religious terms illustrated in explanatory dictionaries. *Studia Humanitatis*, 4. Available at: <https://st-hum.ru/content/krylova-ia-problema-illyustrirovaniya-leksiki-sfery-religii-v-tolkovyh-slovaryah> [Accessed 25 December 2022] (in Russ.).
- Kupina, N. A., 1995. *Totalitarnyi yazyk: slovar' i rechevye reaktsii* [Totalitarian language: vocabulary and speech reactions]. Ekaterinburg; Perm, 144 p. (in Russ.).
- Moskvina, Yu. A., 2021. Expressive Means of Religious Discourse in Anti-Religious and Protestant Periodicals of The Soviet Period. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2 (87), pp. 574 – 577, <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-287-574-577> (in Russ.).
- Novikova, Yu. V., 2018. The Role of Church-Religious Vocabulary in M. Bulgakov’s Novel “The Master and Margarita”. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 7 (4), pp. 84 – 87 (in Russ.).
- Savin, A.I., 2016. “Many Doesn’t Even Consider the Possibility, That the Cultist Could Be an Honest Man”. Brezhnev’s Turn in Anti-Religious Policy and Russian Protestantism (1964 – 1966). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Herald of Tver State University. Series: History], 4, pp. 59 – 75 (in Russ.).
- Savin, A.I., 2018. Struggle for Youth: Soviet State and Religious Dissidents in the Brezhnev Era. In: *Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii* [Personality, Society and Power in Russian History]. Novosibirsk, pp. 483 – 518 (in Russ.).
- Shmelev, S. A., 2015. The Red “Komsomol Christmas” and the problem of creating a new life-style in the early 1920s. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 17 (3), pp. 92 – 99 (in Russ.).
- Surikova, O.D., 2014. The words *безбожник* and *беззаветный* in the diachrony of the Russian discourse. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 1, pp. 249 – 263 (in Russ.).
- Vasilyev, A.D., 2012. Dynamics of some words of religious sphere. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [The bulletin of KSPU named after V. P. Astafyev], 4, pp. 28 – 33 (in Russ.).
- Voronov, Yu. S. and Lyubeznova, N. V., 2019. Linguistic Analysis of Stalin’s Speech on July 3, 1941. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], 3, pp. 62 – 70, <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-13062> (in Russ.).

List of sources

- "Holy Rats", 1962. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 6, p. 1 (in Russ.).
- Address to the gathering of winners of the All-Union Pioneer Unit Competition, 1963. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 75, p. 1 (in Russ.).
- Bigots, 1965. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 15, p. 3 (in Russ.).
- Black business of "holy people", 1959. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 46, p. 3 (in Russ.).
- Bogdanov, A. A., 1930. *Staraya i novaya derevnya* [The Old and New Village]. Moscow, 192 p. (in Russ.).
- Bogdanov, A. A., 1931. *Vyzov* [Challenge]. Moscow (in Russ.).
- Doomsday is cancelled, 1966. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 51, p. 3 (in Russ.).
- For the sun, joy, happiness, 1961. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 99, p. 3 (in Russ.).
- Gerchik, M. N., 1962. *Veter roet pautinu* [The wind tears the web]. Minsk, 112 p. (in Russ.).
- Harmless? No! 1966. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 13, pp. 2–3 (in Russ.).
- I will not take off the tie... 1967. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 44, p. 3 (in Russ.).
- If a person is brave... 1969. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 8, p. 2 (in Russ.).
- Kozlov, V. F., 1961. *Na staroi mel' nitse* [At the old mill]. Moscow, 160 p. (in Russ.).
- Mayat, E. V. and Uzkov, I. N., 1964. *Zhizn' na kolenyakh* [Life on one's knees]. Moscow, 74 p. (in Russ.).
- Mikhasenko, G. P., 1965. *V soyuze s Aristotelem* [In alliance with Aristotle]. Moscow, 224 p. (in Russ.).
- Ozhegov, S. N., 1960. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow (in Russ.).
- Pioneer died in Novoselki, 1962. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 69, p. 3 (in Russ.).
- Sectarians are shaking things up, 1928. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 61, p. 3 (in Russ.).
- Serdobol'skaya, L. A. and Kochetov, A. N., 1961. *Sektantstvo i ego sushchnost': diafil'm* [Sectarianism and its essence: filmstrip]. Moscow (in Russ.).
- Shevelov, V. M., 1964. *Golden Maples*. Moscow (in Russ.).
- Startsev, R., 1971. How God is modernized. *Detskaya literatura* [Children's Literature], 12, pp. 51–53 (in Russ.).
- Stepa says "Ni", 1961. *Koster* [Campfire], 9, pp. 44–46 (in Russ.).
- The night is over... 1960. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 80, p. 3 (in Russ.).
- The tale of "Saint Mariyka", 1959. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 17, p. 3 (in Russ.).
- Ursynovich, S., 1931. Sectarianism. In: *Malaya sovetskaya entsiklopediya* [Small Soviet Encyclopaedia]. Vol. 7. Moscow, pp. 738–740 (in Russ.).
- Volunteers, 1963. *Koster* [Campfire], 10, p. 5 (in Russ.).
- Wasp's Nest, 1964. *Pionerskaya pravda* [Pioneers' Truth], 17, p. 3 (in Russ.).
- Who are you with, Valya? 1964. *Pionerskaya Pravda* [Pioneers' Truth], 65, p. 3 (in Russ.).
- Zheleznikov, V. K., 1961. Let the man help!.. In: V. K. Zheleznikov, ed. *Khoroshim lyudyam – dobroe utro* [To good people – good morning]. Moscow, pp. 3–14 (in Russ.).

The author

Dr Tatiana V. Savina, Siberian Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Head of Foreign Languages Department, Novosibirsk, Russia.

E-mail: tsavina2005@mail.ru

To cite this article:

Savina, T. V., 2024, 'People in Black': Semantization of the concepts 'sectant' and 'baptist' in the anti-religious campaign of 1958–1964, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 72–88. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-4.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ПОЛИНОМИНАТИВНОСТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

М. В. Боброва

Институт лингвистических исследований РАН
Россия, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
Поступила в редакцию 27.03.2023 г.
Принята к публикации 11.10.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5

Предпринята попытка обобщить лингвокультурологические причины возникновения множественных названий одного объекта (явления полиноминативности) на примере топонимов. Рассмотрены следующие факторы, обуславливающие возникновение полионимов: 1) лингвосоциокультурные, ведущие к формированию подсистем названий официальных и неофициальных, общеупотребительных и ограниченной сферы употребления, нейтральных и коннотативно окрашенных; 2) лингвогеокультурные, способствующие маркированию объектов в соответствии с культурно значимыми оппозициями «близкий — дальний», «левый — правый» и т. п., а далее транслирующие бинарные характеристики «свой — чужой», «хороший — плохой» и др.; 3) лингвоэтнокультурные, определяющие особенности взаимодействия и взаимовлияния ономастических систем разных этносов, сосуществующих (присутствующих) на одной территории; 4) лингвопрагматические, обеспечивающие мультипликацию ономастических единиц и подсистем в каких-либо утилитарных целях, в том числе с позиций культуры; 5) лингвокогнитивные, обеспечивающие появление «двойных» наименований, которые отражают индивидуальные или коллективные особенности мировоззренческой модели. Очевидно при этом активное взаимодействие различных факторов в конкретных исторических, социальных, культурных условиях. Перспективно изучение принципов интеракции таких факторов. Особенно значимы в этом аспекте достижения в ономастической этнолингвистике, важны проекты в области компьютерной лингвистики. Перед исследователями обсуждаемой в статье тематики стоит множество нерешенных вопросов.

Ключевые слова: топонимия, полиноминативность, полионим, лингвокультурология

Введение

Настоящая статья посвящена такому ономаσιологическому явлению, как несовпадение количества называемых денотатов и их номинаций. Асимметричность диады «денотат — именование¹» — есте-

© Боброва М. В., 2024

¹ Подразумеваем именование (номинацию) в широком, ономаσιологическом понимании как результат «процесса выделения и осмысления обозначаемого предмета или события», который «выступает одновременно и как продукт классификационно-познавательной деятельности человека в выбранной области знания или общественного опыта, и как продукт деятельности речевой, языковой» (Кубрякова, 2023, с. 6). При отступлении от «вербоцентрической лингвистической концепции» и в терминологии В. И. Теркулова — номинате-

ственное ее состояние, проистекающее из принципиально невозможной «исчерпанности» номинации, то есть трансляции в одной номинативной единице всех признаков предмета, вследствие чего номинаторы могут отразить лишь отдельные, наиболее актуальные в данной ситуации особенности денотата. Так задается очень обширная тема, в которой пересекаются все исследовательские направления — в аспекте проблем дескриптивной структурно-системной лингвистики, ономазиологии, семасиологии, мотивологии, этимологии, когнитивной лингвистики и т. д. В настоящем случае мы сосредоточимся на данном ономазиологическом явлении в области топонимии.

Известны, в частности, многочисленные факты тождественности именований множества денотатов — географических объектов. Ср., например, *Saint Petersburg* как английский вариант наименования г. Санкт-Петербурга (Россия) и как наименование города в округе Пинеллас штата Флорида (США). В России крайне частотны отдельные гидронимы, и это не только десятки потамонимов типа *Березовка*, *Еловка* и т. п. Так, в республике Коми известен *Щугор* — приток Печоры, впадающей в Печорскую губу в акватории Баренцева моря; в соседнем Пермском крае идентичное название принадлежит притоку Вишерки, впадающей далее в Колву, после чего образуется цепь обратной (с севера на юг) направленности: Колва — Вишера — Кама — Волга — Каспийское море. На карте России множество озер *Щучьих*, но на их фоне выделяется, например, гелоним *Щучье*, который принадлежит озеру на территории Санкт-Петербурга и является результатом калькирования финского названия. Подобные онимы могут иметь разное происхождение, мотивировку, быть прецедентными или оригинальными единицами — так или иначе это омонимичные номинации различных объектов².

Однако мы сосредоточимся на полионимии — многоименности (Подольская, 1988, с. 107), или явлении превышения числа номинаций над количеством денотатов. Такие единицы способны сосуществовать в разных стилевых пластах языка, в разных его формах бытования, в разные периоды истории, ср., например, некогда историческое, а в наши дни вновь актуализированное *Санкт-Петербург*, исторические названия (архаизмы) *Петроград*, *Ленинград*, более 20 современных актуальных ойконимов и топонимических перифраз *Петербург*, *Петрополь*, *Северная Венеция*, *Культурная столица* и др. (Ахметова, 2015, с. 26).

ма, то есть любая языковая разновидность (слово, словосочетание, предложение), которая объединяет речевые модификации, связанные отношениями семантического тождества и формальной взаимообусловленности (Теркулов, 2010, с. 257), в том числе имя собственное (оним) — «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации» (Подольская, 1988, с. 91).

² В терминологии А. В. Суперанской это «тезоименные» названия, то есть, в отличие от омонимов, примеры употребления одного имени в отношении разных объектов в пределах одного понятийного поля (Суперанская, 1973, с. 289).

С полионимией связаны различные теоретические вопросы, один из них — причины полиноминативности. В числе последних называют функционирование онимов в относительно замкнутых национальных и социальных группах (в «непересекающихся средах» (Никонов, 2011, с. 151)), политические и идеологические соображения, исторические причины, различия в языке-источнике и языке-реципиенте, новые волны колонизации носителями одного языка, деэтимологизацию, упрощение, ошибки и т.д. (Там же, с. 112–163; Попов, 1965, с. 86–89; Суперанская, 1973, с. 302–303). В последние годы в связи со сменой структурной научной парадигмы на антропоцентрическую в большей мере подчеркивают роль творческой деятельности человека, активных социальных и языковых процессов³.

Мы задались целью обобщить лингвокультурологические причины возникновения множественных названий одного географического объекта. Иначе говоря, мы стремимся разглядеть в фактах полиноминативности проявление механизмов вербализации наших представлений о мире, результатов опыта взаимодействия с действительностью в определенных культурных условиях. Иллюстрацией отдельных положений послужат исторические и современные, официальные и неофициальные топонимы, сельские и городские микротопонимы, причем как общеизвестные, так и функционирующие в пределах одного региона — Пермского края, его столицы — г. Перми, отдельных населенных пунктов. Иллюстрации частично обнародованы ранее, ряд топонимов опубликован нами впервые.

Мы попытались сосредоточиться на интралингвистических причинах, не смешивая их с экстралингвистическими факторами, служащими толчком для последующих языковых изменений. К внешним причинам мы относим прежде всего исторические процессы (в частности, миграционные), геополитические (в частности, связанные с национальной политикой государств или с реализуемыми сейчас в контексте глобализации попытками стирания политических и этнокультурных границ, культурной нивелировки, усреднения населения планеты вплоть до политики принижения и так называемой «отмены» (остракизма) в отношении отдельных рас, национальностей и др.). Это также процессы этнические (в частности, ассимиляция народов титульными нациями или взаимодействие народов на территориях совместного проживания), торгово-экономические (в частности, такие, которые приводят к заимствованию реалий и их названий в ходе экономического взаимодействия), социальные (связанные с переустройством общества, ведущие к изменениям в структуре социума, к появлению и исчезновению макро- и микрогрупп в обществе и т.д.), информационные

³ Ср.: «...свойственны: ...полиноминативность и как следствие явление асимметрии в отношениях “имя — денотат” в результате творческо-когнитивной деятельности современной русской языковой личности, а также лексико-грамматических процессов, происходящих в языке в эпоху межкультурного полилога, взаимоотношений лингвистических картин мира, множества социальных и политических изменений» (Абрамова, 2019, с. 88).

(в частности, особенности развития СМИ, специфика информационных потоков в сети Интернет) и т.д. Такие явления приводят к собственно языковым противоречиям (отсутствие у реалии наименования, неудобство или невозможность употребления элементов иноязычной системы, нежелательность элементов языка чуждого этноса, возникновение связанных с именованием нежелательных коннотаций, появление омонимичных номинаций и т.д.), которые устраняются собственно языковыми (интралингвистическими) средствами, в том числе путем мультипликации имен собственных.

Пытаясь же найти во всем комплексе и разнообразии внешних факторов некий категориальный, субстанциальный, обобщающий стержень, некий вектор, задающий направленность динамическим изменениям, мы приходим к идее, что интегральным оказывается явление поликультуральности, переходящей в мультикультуральность социума, — иначе говоря, сосуществование культур и субкультур, в рамках которых на общей для них или различной языковой базе создаются несходные языковые, в том числе ономастические, подсистемы. Наметим в настоящей статье, как это отражается в топонимиконе, когда мы говорим о причинах возникновения «двойных» названий.

1. Лингвосоциокультурные факторы

На наш взгляд, это наиболее существенные, по крайней мере на современном этапе, причины мультипликации топонимов в российском ономастиконе — причины, определяемые социально значимыми характеристиками людей в микрогруппах.

В любом государстве исторически формируются социальные и социокультурные слои, касты, сословия. В современном российском обществе значимыми оказываются такие «переменные», определяющие социальную стратиграфию, как возраст и образование людей, принадлежность к определенной субкультуре, профессиональной среде и др. Именно они приводят к тому, что в пределах одной этносоциокультурной общности сосуществуют, например, онимы официальные (общерусские и используемые в документах) и неофициальные (используемые при непосредственном общении в различных микрогруппах). Носителями первых (официальных) чаще оказываются образованные слои населения, реализующие преимущественно литературную форму бытования языка. При этом официальные названия могут быть малоупотребительны и даже вовсе неупотребительны в живой речи, неизвестны менее образованным слоям населения. Иногда различия в номенклатуре из области документооборота (официально-делового стиля языка) и живой речи (разговорно-бытового стиля) приобретают принципиальный характер.

Так, на карте Чайковского района Пермского края мы обнаруживаем наименование угодья *Буковские Десятины*, но местным жителям оно известно только как *Десятины*; в другом населенном пункте даже

старшему поколению ничего не известно об угодье *Гулыни*⁴, также отмеченном лишь на карте и называемом обычно *Колхозные поля*. В то же время мы не найдем на карте села Трун Чернушинского района название участка леса *Сибирь*, хотя оно очень активно используется в речи, так как местные жители ходят туда за грибами. В городе Перми памятник железнодорожникам, погибшим во время Великой Отечественной войны (локомотив, установленный у первой железнодорожной станции — Перми I), в речи (обычно молодежью, воспринимающей локомотив послевоенного периода скорее как инсталляцию в символической функции, нежели как памятник в функции мемориальной) именуется «памятником Анне Карениной». В период позиционирования Перми как «культурной столицы Европы» в краевом центре появилась площадь *Европы*. Однако так произвольно обозначили малопосещаемое место, в результате чего до сих пор многие пермяки не догадываются о ее существовании и называют по-прежнему (площадью) *У речного вокзала* или *У Перми I*. Спустя 12 лет площадь снова планируют переименовать, на этот раз в честь 300-летия краевого центра (площадь *Трех столетий*). Инсталляция из бревен *Пермские ворота*, состоящая из четырех фасадов в форме буквы П в отсутствие центральной части («крыши»), презрительно именуется пермяками *Табуретка*, даже *Стульчак*. Так обнаруживается столкновение официального и неофициального ономастиконов.

Нередко не совпадают топонимиконы, актуальные для людей разных поколений. Так, в селе Уральском Чайковского района Пермского края молодежь собирается *На Трубе*, это название места, которое, как оказывается, неизвестно людям среднего и старшего возраста. В деревне Акчим Красновишерского района, наоборот, представители старшего поколения рассказывали об излюбленном месте гуляний молодежи *Плишке* (это открытое пространство, поляна на скалистом, возвышающемся берегу), которое не было значимо для молодежи. Особая тема (она раскрыта, в частности, в работе Т. А. Кругляковой на материале городского топонимикона Санкт-Петербурга (2021)) — детские модификации названий, ср. урбанонимы: *Площадь Восстания* — *Площадь-С-Хвостами*, ул. *Трефолева* — ул. *Трюфелева*, *Кунсткамера* — *Скунс-камера*, *Фунт-камера*, *Кускамера*, *Ростральные колонны* — *Расстрельные*, *Расстрельные*, *Иностранальные колонны*, *Старая Ладога* — *Старая Радуга*, *Бабигонское шоссе* — *Бебибонское*, *Бибигонское шоссе*, *Марсово поле* — *Лунное поле*, *Крестовский остров* — *Крестильный остров*, *Мариинский театр* — *Мариночкин театр*, *Аничков мост* — *Анечкин мост*, *Бердов мост* — *Бредовый мост* и т. п.⁵ На материале регулярно воспроизводимых детьми трансформи-

⁴ Вероятно, это искаженное картографами *Булыни*, ср.: *булына* 'небольшая поляна посреди леса', *булынка* 'уменьш. к булына', *булыночка* 'уменьш.-ласк. к булына' (Полякова, 2007, с. 45), *булыночка* 'небольшой покос' (Словарь говоров..., 2001, с. 213), *булында* 'участок, покрытый травой, вырастающей на сырых местах' (Архангельский областной словарь, 1982, с. 172) и др.

⁵ Ср. также из наших наблюдений: *Нарвские ворота* — *Варварские ворота*, парк *Александрино* — *Александрино*.

рованных онимов (с опорой на комментарии их близких родственников, которых привлекла к исследованию Т.А. Круглякова) убедительно доказана специфичность детской речевой деятельности, процессов слухового восприятия, запоминания и хранения информации. Специфика обеспечивается тем, что в юном возрасте «восприятие названий носит активный характер» (Круглякова, 2021, с. 133): дети «встраивают» онимы в «рамки» своего пространственного видения, кругозора, читательского, речевого и языкового опыта, привязывая названия к элементам ландшафта, к содержанию художественных произведений, используя уже известные им семантические, фонетические, словообразовательные, грамматические модели и образцы.

Множественности фактов полиноминативности способствует также то, что для неофициальных названий, активных в социальных микрогруппах и обычно именуемых микропонимами, часто характерна неустойчивость, динамичность, сменяемость, поскольку ономастическая система чутко реагирует на различные веяния в обществе. Так, знатоки истории Перми знают, что над набережной р. Камы есть *Козий Загон*, где в XIX веке власти неудачно пытались устроить место гуляний для простых горожан, и это дореволюционное название маленького сквера им. Федора Решетникова; название почти не используется молодежью, но проявляет устойчивость на протяжении сотни лет в памяти и речи старших поколений. Кроме того, в современной Перми существует омонимичный микроурбаноним *Козий Загон*, который возник, вероятно, под влиянием первого, но используется в отношении Центрального парка развлечений им. М. Горького. На довольно значительном пространстве перед зданием Законодательного собрания (в обиходной речи чаще *Дом Советов*, редко — *Белый Дом*), называемым всеми без исключения *Эспланадой*, установлен памятник *Героям фронта и тыла*, представляющий собой три фигуры: одна из них женская, символизирующая тыл в образе матери, другая — воин с обнаженным мечом и третья — рабочий, который обернулся в сторону здания Заксобраний с характерным жестом — поднятой рукой, ладонью вперед, в знак того, что «всё в порядке, враг остановлен». Представляется, что композиция памятника не очень удачна, и в советское время пермяки иронично называли его *Трое ловят такси*, а в начале 2000-х (с выходом на экраны фильма «Властелин колец») появились новые наименования — памятник *Трем Толкинистам*, памятник *Галадриели, Леголасу и Боромиру*. Тогда же в Перми было обозначено свое *Средиземье* (с аллюзией на фантастический мир Дж. Р. Р. Толкиена) — под *Камским мостом*, соединяющим право- и левобережную части Перми, *Мория* (название города-государства гномов в недрах гор в романе Толкиена) — плохо освещенный, расписанный граффити подземный переход на набережную Камы.

В итоге действия разнообразных лингвосоциокультурных факторов появляются множественные подсистемы: наименования официальные / неофициальные, общеупотребительные / ограниченной сферы употребления, нейтральные / коннотативно окрашенные, иные.

2. Лингвогеокультурные факторы

Значимо также тяготение носителей топонимикона к традиционной или современной культуре, что в конечном итоге можно рассматривать как разновидность факторов лингвогеокультурных — в частности, в русле идей актуального для русских разделения города и деревни. Ср. нормированное «городское» *Пермь* и огласовку *Пере́мь*, выдающее в тех, кто ею пользуется, сельчан.

Гора *Полюд* среди местного населения известна также как *Полюдов Камень*, *камень Полюд*, и в таких вариантах актуализировано слово *камень* в диалектном значении 'камень, скала, гора'. Ср. данные диалектов: 'гора с обнажениями скалистых каменных пород', 'выход скалистых пород в горе, утес', 'горный хребет' (Словарь пермских памятников..., 2010 с. 147; Полякова, 2010, с. 243), 'гора, хребет, горный кряж' (Даль, 1997, с. 80), 'горный хребет' (Подвысоцкий, 1885, с. 62), 'скала, утес', 'гора; горная цепь, хребет', 'горы, лишенные растительности', др. (Словарь русских народных говоров, 1977, с. 23), 'береговая скала' (Словарь русских говоров Среднего Урала, 1971, с. 13). Специфичную семантику слова *камень* носители севернорусских говоров переняли у коренного финно-угорского населения. Ср. названия *Уральских гор*: «...ненцы именуют Урал Нгарка Пэ — «Большие Камни», ханты — Кев («Камень»), манси — Нёр («Камень»), коми — Из («Камень»)» (Матвеев, 2008, с. 6). Под их влиянием возникло русское обозначение *Камень* 'Уральские горы', которое использовалось до XVII—XVIII веков в официальных документах (ср.: *камень* 'скала, утес, гора', 'название Уральских гор' (Словарь русского языка..., 1980, с. 46), *Сибирский (Уральский) камень* 'Уральские горы', *уйти за камень* 'переехать в Сибирь' (Словарь языка мангазейских памятников..., 1971, с. 179—180), 'весь Урал, весь Яблонный хребет' (Даль, 1997, с. 80)), а в живой речи (например, в рассказах охотников, что документировалось в записях диалектологических экспедиций⁶) до второй половины XX века, ср. также: 'отдельная высокая вершина Уральских гор (обычно у берегов реки)', 'местность на северном склоне Уральского хребта, от Екатеринбурга к Верхотурию', др. (Словарь русских народных говоров, 1977, с. 23).

Примером того, как географический фактор начинает использоваться в качестве фактора культурного, служат также полионимы меморативного характера или «вторые» названия, манифестирующие удаленность поселения (ср. названия одной пермской деревни *Савичи* / *Савина* / *Порт-Артур*).

В каких-то случаях «двойная ономастическая система» обслуживает искусственно сложившуюся конгломерацию, например вследствие на-

⁶ Прежде всего это рукописные записи (тетради) и картотека полного Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области, создававшиеся в 1950—2003 годах. Материалы хранятся на кафедре теоретического и прикладного языкознания филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета.

сильственного или вынужденного переселения народов и их групп. Так, в Пермский край в десятых годах XX века в ходе столыпинских реформ было переселено большое количество крестьян из разных уголков Российской империи, в том числе украинцев, эстонцев, латышей, немцев, евреев, поляков и др. (известно, что после отмены крепостного права и специфической аграрной политики к началу XX века возникли серьезные проблемы с крестьянами, оказавшимися безземельными, а в Пермском крае пустовали обширные земли). И в итоге здесь можно было обнаружить названия типа *Каменец-Подольская* (такая деревня упоминается с 1916 по 1969 год в составе Екатерининской волости Оханского уезда Пермской губернии, затем в составе Сивинского района Пермской области; ср. *Каменец-Подольский* — город в Хмельницкой области, на рубеже XIX—XX веков — *Каменец-Подольск*), вероятно возникшие благодаря таким переселенцам; показательно, что к концу XX века указанное название сменилось полионимом, оформленным по мужскому роду, аналогично мотивировавшему ойкониму (в «Списке населенных пунктов Пермской области» 1993 года это деревня *Каменец-Подольский* Сивинского района). Иногда же «удвоение» за счет прецедентных названий отвечает состоянию ономастической системы после успешно осуществленной, незахватнической колонизации (исторического переселения народов).

Подобные единицы способствуют маркированию жителей в соответствии с культурно значимыми оппозициями «близкий — дальний», «передний — задний», «правый — левый» и т. п., а вторично — «местный — приезжий», «свой — чужой», «хороший — плохой» и др. Аналогично можно усмотреть в том, как жители г. Перми отличают приезжих от местных жителей по фонетическому облику названия города: местные произносят мягко все согласные (демонстрируя свойственную русскому языку регрессивную ассимиляцию в слове), приезжие — те, кто обычно не знает, где Пермь даже примерно располагается на карте, — произносят [р] твердо (так, как в данном конкретном случае диктуют нормы литературного языка).

3. Лингвоэтнокультурные факторы

В результате исторических, политических, экономических и прочих внешних процессов приобретает важность еще одна переменная — этнический фактор. Крайне важно, говорим ли мы о проявлении в множественных номинациях форм культуры одной этнической общности или же нескольких. В ономастике возможны различные модели реализации межэтнических контактов, которым отвечают специфичные проявления полиноминативности. Нам эти разновидности видятся следующим образом.

а) «Параллельное» существование нескольких систем при фактическом отсутствии либо сведении к минимуму межэтнических контактов. Оно больше свойственно ситуации исторической смены населения в ходе миграционных процессов; на синхронном срезе сходную картину дает, в частности, самоизоляция конфессиональных групп — старове-

ров, сектантов. Примером может служить ситуация с коми-язьвинцами — одним из коренных народов Пермского края. Территориальные, экономические и конфессиональные факторы: «удаленность и замкнутость территории проживания, расселение по нескольким компактным очагам, отсутствие развития товарно-денежных отношений, втянутость населения в православие оппозиционно настроенных направлений — официального и старообрядческого» (Чагин, 2012, с. 13), оторванность от близкородственных коми-пермяков — способствовали формированию и сохранности специфичной культуры, этнической идентичности этого народа, что позволяет некоторым ученым считать коми-язьвинский самостоятельным языком, а не диалектом коми-пермяцкого, а его носителей — отдельным народом. Русские пришли на территорию проживания коми-язьвинцев в XV—XVI веках, но вплоть до середины XX столетия владение последними русским языком было слабым. Ономастикон, демонстрирующий неплохую сохранность исконных коми-язьвинских номинаций, в результате политики включения всех территорий в государственные процессы лишь в последние десятилетия испытывает русификацию (подробнее об экспедициях в верховья р. Язьвы и о современном состоянии коми-язьвинского ономастикона см.: (Боброва, Зверева, 2020)).

б) Модель взаимодействия и взаимовлияния ономастических систем разных этносов, соседствующих на одной территории длительное время; их можно рассматривать как «языковые варианты одной системы» с некоторыми модификациями. Проявляется это, например, в том, что используются две (и более) разноразличные системы одновременно. При этом названия стабильных объектов (прежде всего гидронимы и оронимы) заимствуются в язык вторичного, неаборигенного этноса с более или менее значительными формальными изменениями: в русском языке, соответственно, происходит русификация — онимы приобретают русскую огласовку, иногда калькируются, обрастают собственно русскими синтаксическими элементами типа *Новый, Нижний, Второй, Большой* и т.п. Так, в Пермском крае татарский потамоним *Кунгур* когда-то был перенесен на город, а во избежание смешения названий гидроним приобрел в русской речи форму *Кунгурка*; потамоним *Чусва*, где *-ва* — коми-пермяцкий элемент со значением ‘вода’ (в этимологии, предложенной А. С. Кривошековой-Гантман, это ‘река, текущая по каньону’⁷) был преобразован в *Чусовая*; *Кам* (так и до сих пор называется река у удмуртов) трансформировался в *Кама* (о взаимодействии этих вариантов в удмуртском языке и фольклоре см.: (Кельмаков, 2019; Боброва, Гайдамашко, 2022)); появился гидроним *Космоска* — русская огласовка с суффиксацией коми-пермяцкого *Кӧсмыс* ‘сухой холм’; *Тагъяшер* обозначается на картах как речка *Хмелевка*; есть пример, когда коми-пермяцкое *вад* ‘озеро’ в результате народной этимологии преобразовалось в *Адово* озеро, и т.п.

⁷ Из *чус* ‘глубокий овраг, ущелье, русло реки с высокими берегами, каньон’ и *ва* ‘вода’ (Кривошекова-Гантман, 2006, с. 188, 38).

В каких-то случаях мы говорим об исторической полиноминации (одно название здесь архаичное, второе активное: типа *Кунгур* / *Кунгурка*, *Чусва* / *Чусовая*), в каких-то — о синхронической (*Кёсмыс* / *Космоска*, *Тагъяшер* / *Хмелевка* сосуществуют, используются разными народами).

Так протекают процессы активного взаимовлияния, взаимодействия со значительным взаимопроникновением, аналогичные физическому явлению диффузии.

Условно можно было бы выделить разновидность такой модели, характерную для колониальных зон, и обозначить ее как «диффузию с *частичным* взаимным проникновением ономастических систем разных этносов». Подразумевается такая ситуация, когда пришлое, некоренное население распределяется неравномерно и потому взаимодействие двух языковых систем и их ономастических подсистем происходит лишь в местах соприкосновения народов. Как известно, например, заселение Восточной Сибири русскими шло с запада на восток в основном по линии старого Иркутского тракта и Сибирской железной дороги. Т. В. Федотова в исследованиях забайкальской топонимии показала, что до сих пор в направлении на север и юг от этой главной линии количество русских названий уменьшается, зато растет число названий из языков аборигенного населения, усвоенных русским языком в исходной форме или в незначительно адаптированном виде (Федотова, 2012).

в) Еще одна модель удвоения ономастической системы возникает в результате вымещения одного этноса и / или его культуры другим. Обычно это происходит вследствие захватнических действий одного этноса или государства по отношению к другому этносу или государству, предполагающих подавление, а иногда и «растворение», полную ассимиляцию подчиненных народов. Так, например, М. В. Дацишина исследовала те топонимы, которые во время Великой Отечественной войны использовали на территории СССР немцы, и обнаружила, что названия часто заменялись на немецкие (подробнее о корнях этого явления см. ниже). При этом в разных зонах оккупации онемечивание топонимов имело различную динамику: чем дальше от западной границы СССР находились оккупированные области, тем реже использовались немецкие названия при переименовании (Дацишина, 2020). Ср. также многочисленные исторические примеры на европейской карте, в частности на германских территориях, которые некогда были заселены славянами (Клемперер, 1998, с. 106 – 107).

4. Лингвопрагматические факторы

В силу взаимодействия самых разных исторических и социальных процессов следует говорить о значимости такого явления, как полидискурсивность коммуникативного поля. Вследствие тех факторов, которые обозначены выше, со временем накапливаются примеры «удвоения» топонимической номенклатуры, актуальной для различных социальных и этнических групп, регионов, и эти многочисленные факты обладают полифункциональностью, поскольку они выступают не

только в качестве локативного ориентира; в каких-то случаях они приобретают способность выражать оценку хозяйственной или культурной ценности объекта. Ср., например, трансформации названия одного из удаленных районов Перми, расположенного в правобережной части города, — *Гайва* (исторический и административный центр находится на левом берегу р. Камы): коми-пермяцкий по происхождению, этот урбаноним послужил основой для ироничных неофициальных названий *Гавайи*, *Штат О'Гайва*. Оценочный характер носит народное название участка очень качественной дороги по ул. Восточный Обход — *Пять Минут в Америке*. Отдельные народные названия выступают в мемориальной функции (обычно в речи старшего поколения), со временем закрепляются традицией (в речи новых поколений). Так, даже по прошествии 30 постсоветских лет для некоторых магазинов сохраняются номинации, на первый взгляд отражающие особенности оформления объектов или отвечающие нумеративной модели и т.п. (*Двадцать седьмой*, *Стеклашка*, *Детский мир* и др.), но в действительности транслирующие ностальгическую привязанность к ушедшей советской эпохе, неприятие происходящих в обществе изменений. Далее это приводит к возможности применения двойных наименований в зависимости от языковой ситуации с разными коммуникативными целями и с разной культурно-смысловой оценкой. В частности, возможности параллельных названий используются для создания или корректировки имиджа локуса, ср. модные сейчас обозначения Пермского края — *Парма* (из коми-пермяцкого *парма* 'густой еловый лес на возвышенности') или искусственное *Камва* (из *Кама* и коми-пермяцкого *ва* 'вода, река'), эксплуатируемые при проведении разного рода мероприятий, в рекламной функции.

В динамическом аспекте крайне значимым (особенно в последние десятилетия, в связи с усилением роли информации и расширением возможностей ее распространения) оказывается влияние идеологических установок в обществе (ср. об этом, в частности, в: (Качалкова, Рут, 2019)). Подвижки в политическом дискурсе становятся причиной появления устойчивых новообразований и даже языковых сдвигов, в том числе возникновения коннотативно окрашенных именований, иногда «рокировок» исторических и актуальных номинаций и т.д.

Очень ярко это проявилось в первые годы существования Советской России, когда актуальной была установка «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». Для русской топонимии всегда было естественно встраивать именуемый географический объект в более глобальный локус. Но в результате социальных потрясений сменилась парадигма мышления, и собственно географическое пространство стали вписывать в пространство экономическое, культурное, политическое. Так, в Перми еще до революции были улица *Набережная*, *Нижняя*, *Средняя*, *Верхняя* — основные, параллельные Каме. Перпендикулярные реке улицы были названы по уездам: *Чердынская*, *Верхотурская*, *Соликамская*, *Красноуфимская*, *Кунгурская*, *Осинская* и т.д. Была также улица *Биармская*, поскольку по одной из версий слово *Пермь* возникло из *Биармия* (гипотеза Ф.И. фон Стрален-

берга, который в 1730 году связал названия *Биармия* и *Пермь Великая* — *Чердынь*). После 1917 года большинство улиц получило второе название — как и по всей России, в честь революционных деятелей и событий. Например, прозаичное название улицы *Средней* заменили на «идеологически выверенное» именование *Ленина*, улица *Сибирская* (часть *Сибирского* тракта, по которому гнали людей на каторгу) стала улицей *Карла Маркса*, *Дальняя* (когда-то последняя в городе) — улицей имени революционного деятеля *Хохрякова* и т. д. В постсоветский период началась «декоммунизация», в ходе которой улицам возвращали старые, еще дореволюционные названия: *Коммунистическая* снова стала *Петропавловской*, *Орджоникидзе* — *Монастырской*, *Большевицкая* — *Екатерининской* и т. д. Во избежание путаницы на домах использовались таблички с обоими топонимами, и до сих пор в речи иногда мелькают советские именованья. Кроме того, не все топонимы изменены, причем не только по причине нецелесообразности экономической (дороговизны таких мероприятий); по мировоззренческим соображениям не находит поддержки, например, идея возвращения улице *Советской* исторического названия *Торговая*. Периодически поднимается — пока, к сожалению, безуспешно — вопрос о переименовании улиц, названных в честь террористов.

Стоит оговориться: как показывает опыт (и опыт уже не только нашей страны), идеологические устремления к полному стиранию («обнулению») исторической памяти народа, в том числе в топонимии, де-факто нереализуемы. Во-первых, невозможно избавиться от *всех* названий. Даже в случае физического уничтожения объектов их названия обычно сохраняются в том или ином виде длительное время. Во-вторых, попытки введения новых топонимов не всегда уместны, особенно если такие онимы искусственные и не отвечают традиционным моделям и принципам, уже сложившейся местной системе ориентиров (ср. вышеприведенный пример с площадью *Европы*). И, в-третьих, всегда будут граждане, несогласные с новыми установками, недовольные насильно внедряемой политикой и идеологией, а смена названий дает повод для выражения протеста с использованием двойной, и в первую очередь «гонимой» номенклатуры.

Показательны количественные данные: так, наши исследования ойконимии Пермского края по статистическим сведениям 1926–1927 годов (опубликованных в виде «Списков населенных пунктов Уральской области» в 1928 году) показали, что в первой четверти XX века из (примерно) 15000 ойконимов только около 700 появились после Октябрьской революции — впервые или в результате переименования (см. об этом, напр.: (Богачева, 2008)). И даже среди них абсолютное большинство было образовано по традиционным топонимическим моделям. Совершенно новые ойконимы не удержались и быстро исчезли. Утрачены названия поселений *Проснись Бедняк*, *Вперед*, *В Единении Сила*, *Лаюкс*, *Юный Сентябрь*, *Самолет*, *Виктуар*, *Возрождение*, *Будильник* и др. Вместе с тем сохранилось именование *Культуровка*; полагаем, что это оказалось возможно благодаря распространенному форманту *-овка*. Но и употребительные послереволюционные названия претерпевали трансфор-

мации. Например, выселок *Заря*, возникший в 1924 году (Уральская область, Сарапульский округ, Фокинский район, Сайгатский сельсовет), со временем стал одним из микрорайонов г. Чайковского (ныне это районный центр). Более того, образовалась *Заря-I / Первая* (с многоквартирными постройками) и *Заря-II / Вторая* («частный сектор», бывший выселок), а в обиходной речи жителей города появилось понятие «*Третья Заря*», обозначающее городское кладбище, которое расположено за этими непрестижными микрорайонами. Но кладбище расширяется, дважды оно переносилось в том же направлении, и теперь в г. Чайковском в стилистически сниженной речи используют фразеологизм *переехать на Пятую Зарю* в значении ‘умереть’.

Крайне важны лингвопрагматические установки номинаторов и пользователей номинаций в милитарном дискурсе. Так, В.М. Амиров — в числе последних, кто исследовал такой материал, — показал, что они способны выступать как структурообразующие элементы дискурсивного пространства боевых действий, «устанавливают и переустанавливают связи между элементами дискурса, вносят новую семантику в именование привычных реалий» (Амиров, 2021, с. 248).

Особенно ярко прагмоориентированные ономаσιологические процессы в ситуации оккупации. Известны, например, идеи В. Клемперера о специфике языка фашистской Германии, изложенные в классической работе «LTI» (*Lingua Tertii Imperii*) (Клемперер, 1998). В центре внимания исследователя принципы функционирования «языка, который сочиняет и мыслит за тебя» в тоталитарном обществе, «языка победителя», где в принцип возведен отказ от убеждения в пользу внушения: «говорить на нем даром не проходит: его вдыхают и живут под его диктовку» (Там же, с. 40, 256). В частности, В. Клемперер подчеркивал, что в условиях, когда, с одной стороны, необходимо было резко обозначить разрыв с предшествующими нормами, а с другой — подключиться к существующей традиции для оправдания новизны вводимых порядков, идеальным средством коллективного принуждения и его принятия оказались именование и переименования. Они эффективно оберегали от нежелательного «соприкосновения» (в Германии — с евреями, аналогично на оккупированных территориях — с советской идеологией), легализовали захват немцами чужих земель, через имена собственные «вдалбливались в толпу миллионными повторениями и поглощались ею механически и бессознательно» идеи нацизма, «превращая речь в мощнейшее, предельно открытое и предельно скрытое средство вербовки» (Там же, с. 99, 102, 108 и далее).

Упомянутая статья М.В. Дацишиной — одна из последних работ, по факту иллюстрирующих и развивающих положения В. Клемперера. В статье показано, что переименования были частью политики Третьего рейха, поскольку были призваны ликвидировать не только чисто формальную путаницу, разночтения в переписке оккупационных администраций в разных странах и их берлинского руководства. Основной целью была легитимизация оккупационного режима в целях последующей германизации захваченных территорий. Самым популяр-

ным было встраивание идеологии нацизма в контекст европейской и мировой истории. Политика в области топонимии использовалась не только для стирания у населения представлений о советском прошлом, дерусификации и разжигания сепаратистских настроений, но и для закрепления с помощью языка ожиданий победы нацистов в «молниеносной войне». Вновь созданная топонимия использовалась также в целях снижения сопротивления населения оккупационным властям и для нейтрализации или привлечения населения на сторону оккупантов. Претворялся в жизнь принцип полного отказа от ряда исторических, советских идеологизированных, культурно-ориентированных названий. С приходом германских войск в советских населенных пунктах исчезали улицы *Пушкинские*, *Тургеневские*, *Толстовские*, *Ленина*, *Маркса* и т.п., даже *Крещатик* в Киеве переименовали в *фон Эйхгорнитрассе*, в разных городах появились улицы *Гитлера*, *Геринга*, *Муссолини*, *Бисмарка*, *Гаусса*, *Коха* и т.д. Когда-то вводились дореволюционные названия, иногда заменялось понятие «улица» на «линия». В топонимии всячески поддерживались слои населения, испытывавшие притеснения при советской власти, немецкие идеологи очень тонко играли на комплексе неполноценности, на комплексе малых народов.

Работы А.В. Юдина (1997; 2007), Т.А. Агапкиной, Е.Л. Березович, О.Д. Суриковой (2018а; 2018б; 2019) и других исследователей свидетельствуют об особом дискурсивном ономастическом пространстве в русском фольклоре, где перемешиваются реальные и вымышленные названия, при этом реальные нередко искажаются. Специфичен дискурс художественных произведений, где якобы реальные имена собственные на самом деле выступают как искусственные, условные единицы условного ономастического пространства; признаки таких топонимов (точнее, наименований *образов географических объектов*) в лингвистическом, культурном, социолингвистическом и иных планах лишь частично совпадают с признаками соответствующего имени собственного реальной топонимической системы. Ср., например, лишь отчасти пересекающиеся, но во многом несходные и антагонистичные «Петербург Пушкина», «Петербург Гоголя», «Петербург Достоевского» и др. в так называемом «Петербургском тексте»; или оценочные высказывания: «Ты прозван Северной Пальмирой, Петром любимый Парадиз!» (А.С. Пушкин), «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется!» (Н.В. Гоголь), «город полусумасшедших» (Ф.М. Достоевский), «самый прозрачный и странный из всех российских городов» (Н.Я. Агнiewicz), «...нет одного: души! ...одна утилитарность» (Н.А. Некрасов), др. В русле обсуждаемой темы подобные явления в фольклоре и авторском искусстве можно было бы обозначить как «ирреальные полионимы».

Среди многочисленных лингвопрагматических функций «двойных» названий достойна упоминания также функция конспиративная, которая реализуется, например, в молодежной и (или) неформальной коммуникации. Ср. в названиях мест сбора неформальной молодежи в г. Перми в 1990-е годы: *Чили* — участок аллеи на Комсомольском проспекте, напротив магазина с кафетерием (из жаргонизма *чил(л)ить* 'от-

дышать, проводить свободное время'); У Лысого — центр Комсомольского сквера перед Пермским театром оперы и балета, где установлен памятник В. И. Ленину; ЦГ — Центральный гастроном.

5. Лингвокогнитивные факторы

Значимую роль в «приумножении» ономастикона способны играть причины, определяемые сознанием и мышлением индивида или коллектива, которые суть продукты языкового окружения, конкретных культурно-исторических условий, типа мышления, особой мировоззренческой модели, подсознательных мотивов, этнокультурных традиций, каких-либо предпочтений и др.

В частности, в русле современных подходов необходимо различать именования употребительные в социальных группах («коллективные») и индивидуальные. Вторые являются элементами индивидуальной картины мира и ономастического пространства, в какой-то мере, но не абсолютно сопрягающимися с элементами, принятыми в данном языковом сообществе. Каждый пользуется иногда своими, возможно никому более не известными номинациями (например, наименованиями любимых уголков в городе, ягодных или грибных мест в лесу и т.п.). Но, поскольку все мы часть социума, даже индивидуальные названия складываются не в последнюю очередь под воздействием нашего окружения, нашего лингвокультурного, речевого, языкового «бэкграунда». Формально системы и подсистемы таких топонимов — область интересов современной социолингвистики, изучающей социолекты и идиолекты.

Вследствие разнообразных причин, как внешних, так и собственно лингвистических, любое название, особенно частотное, естественным образом «обрастает» шлейфом культурно-ценностных смыслов, в каких-то случаях превращается в культурный концепт, лингвокультуре-му. Ср. *Санкт-Петербург* (ассоциируемый с деятельностью Петра Великого, в честь святого покровителя которого назван город), *Петербург* (связываемый, скорее, с писателями и поэтами: Ф. М. Достоевским, А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Н. А. Некрасовым и др.), *Петроград* (напоминающий о событиях 1914–1917 годов), *Ленинград* (чей образ неотрывно связан с памятью о блокаде фашистскими войсками). Каждое из этих названий несет свой «пучок смыслов»⁸. Отлична в этом отношении судьба именовании г. Перми: если основное название закрепилось в культурной концептосфере (ср., в частности, понятия *Пермь Великая* — *Чердынь*, *Пермский период*, *пермский звериный стиль*), то практически бесследно для города, для пермского региона, для русской культуры прошел короткий отрезок времени (1940–1957), когда столица края носила название *Молотов*.

⁸ «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» (Мандельштам, 1987, с. 119). Ср. также определение концепта в интерпретации Ю. С. Степанова: «сгусток культуры в сознании человека» (Степанов, 1997, с. 40).

«Собственные имена репрезентируют коллективные представления о ракурсах интерпретации пространства, которое воспринимается сквозь призму социокультурных координат, значимых для своего времени, для данной территории и для ее языкового сообщества» (Голомидова, 2023, с. 29–30), что делает особенно привлекательным культурно-семиотический подход к анализу ономастических подсистем. Блестящий образец реализации такого подхода находим, в частности, в процитированной работе М.В. Голомидовой. Опираясь культурно-семантическими кодами, автор вскрывает стоящие за микросистемами урбанонимов ландшафтно-различительные, социально-функциональные и социально-символические смыслы. На примере урбанонимов Екатеринбурга в динамике прослеживаются ономастические процессы, которые, с одной стороны, обеспечивают развитие образа города «от частицы горнозаводской цивилизации к мегаполису, включенному в глобальные процессы» (Там же, с. 49), с другой — демонстрируют стабильность некоторых смысловых доминант. Сочетание таких процессов по итогу обуславливает формирование современной территориальной идентичности Екатеринбурга.

Архитектоника историко-культурных «текстов» *Пермь* и *Екатеринбург* в значительной степени воплощает общую для них «уральскую матрицу» (в терминологии писателя и культуролога А. Иванова) и отвечает образу «типичного уральского» города (см. также: (Абашев, 2000)). Но если «стилевое» (культурно-семиотическое) своеобразие Екатеринбурга подчиняется амбициозным устремлениям утвердить его как еще одну (уральскую) столицу, еще один центр России, то одной из ведущих «стилеобразующих» черт Перми является, скорее, обратная тенденция, которая заключается в попытке оттолкнуться от навязываемых центром культурных смыслов и обнаружить свою индивидуальность в «типично местном», уникальном пермском коде. Хронотоп современной Перми, включая его топонимическую составляющую, в значительной степени определяется установлением связей с прошлым, процессами актуализации исторической памяти, принципы которых великолепно воплощает слоган, выбранный для Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), нередко называемого просто «классическим» («Классика будущего»). И это не только декорирование зданий и улиц с использованием пермского звериного стиля, эксплуатация образа медведя (на гербе города и края, в скульптурных изображениях, в оформлении транспорта) или эстетики пермской деревянной скульптуры («пермских богов»), установка памятников и мемориальных досок ключевым для Пермского края историческим и культурным деятелям, но и переименование городских объектов с возвращением им исторических полионимов⁹.

⁹ О воплощении историко-семиотического образа Перми в топонимическом пространстве города см. (Боброва, 2011).

Заключение

Конечно, нельзя говорить о том, что перечисленные факторы действуют в чистом виде. Все они так или иначе сопрягаются: например, в ситуации оккупации, безусловно, важен и этнический момент (с агрессивным, разрушительным воздействием иной нации), и идеологический (с насаждением иных социокультурных ценностей), и социолингвистический (с принижением и подавлением одних национальных групп и языков, но возвеличиванием других), и исторический (прежде всего тогда, когда заявляется о восстановлении некой исторической справедливости), и пр. И функционально полионимы многообразны, в частности аналогичны таким явлениям в апеллятивной лексике, как историзмы, архаизмы, синонимы, стилистические варианты.

В итоге вследствие действия разнообразных факторов и на основе несходных принципов возникают сосуществующие ономастические системы, которые могут демонстрировать разную степень взаимодействия. Так, система онимов древнейших племен или народов обычно в значительной мере утрачивается, судить о ее существовании в древности можно лишь по археологическим данным и «языковым осколкам», прежде всего в гидронимии. Но чаще мы обнаруживаем более или менее существенные пересечения онимических систем. Даже в ситуации, например, со скрывавшимися в лесах старообрядцами едва ли возможно игнорирование ими местной топонимии или полный отказ от «греховных мирских» имен собственных, их забвение и вытеснение какими-либо искусственными субститутами.

Дальнейший интерес представляет выявление конкретных примеров и принципов их взаимодействия, поскольку каждая (точнее, любая) система имен собственных — это модель мира реального (в физико-географическом, социальном, мировоззренческом и иных планах), которая выстраивается посредством различных языковых кодов — антропологического, пищевого, флористического, фаунистического, идеологического и пр. (ср., напр., топонимы типа деревня *Кузьминки*, раздвоенное поле *Штаны*, река *Березовка*, расположенный близко к деревне мелководный ручей *Куричий*, улица *Пермская*, она же *Кирова* в советский период, и пр.; аналогично в системе прозвищ или в официальном антропонимиконе разных периодов). В лингвокультурном контексте мы обнаруживаем, что двойная топонимия не является случайным сочетанием разноразличных / «разнокультурных» / «разновозрастных» и т.п. именований. Это скорее «наложение культурных карт», как если бы накладывались карты физико-географическая, политическая, ботаническая, геологическая и др. И когда-то сопоставление таких элементов дает знание об осколках мировоззрения этносоциокультурных групп, а когда-то — и более цельный взгляд на отдельные фрагменты мировидения представителей той или иной эпохи.

Огромный интерес в этом плане представляют исследования Е. Л. Березович, в которых реконструируется топонимическая модель мира, свойственная Русскому Северу (1998; 2009; 2016). В частности, она выявила, что модель реального географического пространства строится

на основе таких параметров, как локализация в пространстве, охват местности, протяженность, обжитость пространства человеком. Сетка параметров свидетельствует о том, что в топонимии отражаются точка зрения и поле зрения номинатора, а также его стремление выделить в структуре пространства «свою», освоенную зону. Исследователем показано, что для традиционной топонимики характерна трансляция культурно значимых оппозиций, в том числе реализующих категорию удаленности — пространственной («близкий — дальний») и культурной («центр — периферия (провинция)»). Средством этнокультурного моделирования пространства выступают не только первичные, но и «вторые» или прецедентные именованья. Однако в заданном направлении еще не обследованы ономастические системы Центральной России, Сибири, Дальнего Востока, южных и западных регионов, что не позволяет проводить сопоставительные исследования. А далее важна такая работа в сопоставлении топонимиконов соседствующих на одной территории этносов и иных подсистем полионимов.

Усматривается своеобразная связь с данным направлением исследований проекта, который реализуется в ПГНИУ коллективом ученых под руководством К. И. Белоусова. Лингвисты и программисты решают, в частности, такую сложнейшую задачу, как визуализация географических представлений о России жителей разных ее регионов. Из описания проекта: «*Семиотический подход* к описанию материала позволяет получить результаты, основанные на анализе двух кодов: графического (расположение, размер топонимом и др.) и вербального (вербализованные представления). *Лингвокогнитивный подход* позволяет, с одной стороны, исследовать процессы концептуализации и категоризации пространства России и “чужого мира” (как в вербальной, так и в графической репрезентации), а с другой — использовать такой теоретический конструкт, как “ментальная карта”. *Социолингвистический подход* направлен на выявление влияния социально-демографических факторов на реконструируемые ментальные пространства» (Наивная география).

Остаются открытыми многие вопросы. В какой степени совпадают или не совпадают ономастические (под)системы и манифестированные в них модели географического пространства? В терминах заданной темы: как в масштабах всей России проявляется моно- и полиноминативность? В какой степени ономастическое пространство является общим и, что еще более важно, идентичным, а значит, в какой степени идентично самосознание русских (в узком и широком смысле этого слова), проживающих в различных регионах?.. Все это вопросы, которые еще должны занять умы ономатологов.

Список литературы

Абаишев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000.

Абрамова И. Ю. Лексико-семантическая группа «Одежда» в современном русском языке: теоретико-методологические установки // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. №1. С. 83–90. <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-83-90>.

Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018а. Т. 15, №1. С. 65–114. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004.

Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера I: Земли. Горы. Острова. Города // Вопросы ономастики. 2018б. Т. 15, №2. С. 28–69. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014.

Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, №2. С. 7–68. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014.

Амиров В. М. Особенности функционирования ономастических единиц в милитарном дискурсе вооруженного конфликта на востоке Украины // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, №1. С. 237–250. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.1.012.

Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецевой. М., 1982. Т. 2.

Ахметова М. В. От А-Ата до ярска: словарь неофициальных названий населенных пунктов. М., 2015.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек. М., 2009.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. М., 2016.

Боброва М. В. Центр vs. провинция: урбанонимия г. Перми в лингвокультурном аспекте // Притяжение Севера: язык, литература, социум : матер. I Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. : науч. электрон. изд. Петрозаводск, 2018. Ч. 1. С. 523–531.

Боброва М. В., Гайдамашко Р. В. Лингвокультурный компонент в фольклорном топониме: о семантике белого в удмуртских именовании Камы. [Рец. на кн.:] Кельмаков В. К. Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках) : препринт / В. К. Кельмаков. Ижевск : Удмуртский университет, 2019. 104 с. // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, №3. С. 308–318. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.043.

Боброва М. В., Зверева Ю. В. Современная топонимия Верх-Язьвинского сельского поселения Красновишерского района Пермского края // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, №2. С. 99–120. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021.

Богачева М. В. Новая эпоха – новая культура? // Слово и текст в культурном сознании эпохи : матер. Всерос. науч.-практ. конф. Вологда, 2008. С. 353–361.

Голомидова М. В. Екатеринбург – Свердловск – Екатеринбург: образ города в динамике топонимического текста // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №1. С. 29–53. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-2>.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1997. Т. 2.

Дацишина М. В. Топонимия как составная часть политики Германии на временно оккупированных советских территориях // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, №1. С. 113–135. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.006.

Качалкова Ю. А., Рут М. Э. «Идеологические» урбанонимы и переименование городских объектов // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, №3. С. 179–192. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038.

Кельмаков В. К. Белая Кама впрямь ли белая? (Удмуртские названия реки Камы в письменных источниках) : препринт. Ижевск, 2019.

Клемперер В. ЛТ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.

Кривошекова-Гантман А. С. Собр. соч. : в 2 т. Пермь, 2006. Т. 2 : Ономастика.

Круглякова Т. А. Модификация городских названий в речевой деятельности ребенка // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, №2. С. 121–138. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.022.

- Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 2023.
- Мандельштам О. Э. Слово и культура. М., 1987.
- Матвеев А. К. Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург, 2008.
- Наивная география. URL: <https://naivemaps.ru/> (дата обращения: 20.02.2023).
- Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 2011.
- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. М., 1988.
- Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века : в 2 т. Пермь, 2010. Т. 1.
- Попов А. И. Географические названия (Введение в топонимику). М. ; Л., 1965.
- Словарь говоров Русского Севера : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001. Т. 1.
- Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII века : в 6 т. / сост. Е. Н. Полякова. Пермь, 2010. Т. 2 : П — Я.
- Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Свердловск, 1971. Т. 2.
- Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 13.
- Словарь русского языка XI—XVII вв. / под ред. С. Г. Бархударова [и др.]. М., 1980. Вып. 7.
- Словарь языка мангазейских памятников XVII — первой половины XVIII вв. / сост. и авт. Н. А. Цомакион. Красноярск, 1971.
- Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания. Горловка, 2010.
- Федотова Т. В. Русская топонимическая система Восточного Забайкалья : дис. ... д-ра филол. наук. Улан-Удэ, 2012.
- Чагин Г. Н. Билингвизм коми-язвинцев и его отражение в топонимии бассейна реки Язьва // Проблемы социо- и психолингвистики. 2012. №16. С. 13—24.
- Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М., 2007.

Об авторе

Мария Владимировна Боброва, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-9858-0573

Для цитирования:

Боброва М. В. Полиноминативность географических объектов в лингвокультурном контексте // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 89—112. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

POLYNOMINATIVITY OF GEOGRAPHICAL OBJECTS IN THE LINGUOCULTURAL CONTEXT

M. V. Bobrova

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov Ln., St. Petersburg, 199053, Russia

Submitted on 27.03.2023

Accepted on 11.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5

The article attempts to analyze the linguocultural factors contributing to the phenomenon of polynominativity – multiple names for a single object. This investigation employs toponyms as a case study. The exploration delves into several key factors that give rise to polynonyms: 1) linguosociocultural factors: these factors play a pivotal role in shaping subsystems of names, encompassing both official and unofficial, widely used and niche terms, as well as neutral and connotatively charged expressions. 2) linguogeocultural factors: they contribute to the differentiation of objects based on culturally significant oppositions such as ‘near-far’, ‘left-right’, and subsequently transmit binary characteristics like ‘own-alien’, ‘good-bad’, among others. 3) linguoethnocultural factors: these factors elucidate the intricacies of the interaction and mutual influence of onomastic systems from different ethnic groups coexisting within the same geographical space. 4) linguopragmatic factors: these factors drive the multiplication of onomastic units and subsystems for utilitarian purposes, including cultural considerations. 5) linguocognitive factors: they lead to the emergence of ‘double’ names that mirror individual or collective features of a particular worldview model. It is evident that these factors interact dynamically within specific historical, social, and cultural contexts. The study of the intricate interplay between these elements holds promise, and advancements in onomastic ethnolinguistics, coupled with developments in computational linguistics, are particularly noteworthy. Despite progress, researchers tackling this thematic area are confronted with numerous unresolved questions.

Keywords: toponymy, polynominativity, polyonym, linguoculturology

References

Abashev, V. V., 2000. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoi kul'ture i literature XX veka* [Perm as a text. Perm in Russian culture and literature of the XX century]. Perm (in Russ.).

Abramova, I. Yu., 2019. Lexico-Semantic Group “Clothes” in Modern Russian Language: Theoretical and Methodical Guidelines. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 1, pp. 83–90, <https://doi.org/10.23683/1995-0640-2019-1-83-90> (in Russ.).

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L. and Surikova, O. D., 2018a. Toponyms in the charms of the Russian North. I: seas and rivers. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 15 (1), pp. 65–114, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004 (in Russ.).

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L. and Surikova, O. D., 2018b. Toponyms in the charms of the Russian North. II: Lands. Mountains. Islands. Cities. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 15 (2), pp. 28–69, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014 (in Russ.).

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L. and Surikova, O. D., 2019. Toponyms in the charms of the Russian North. III: Stones. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 16 (2), pp. 7–68, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014 (in Russ.).

Akhmetova, M. V., 2015. *Ot A-Ata do yarska: slovar' neofitsial'nykh nazvaniy naselennykh punktov* [From A-Ata to Yarsk: dictionary of unofficial names of settlements]. Moscow (in Russ.).

Amirov, V. M., 2021. Functional features of onomastic units in the military discourse of the Donbass conflict. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 18 (1), pp. 237–250, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.1.012 (in Russ.).

Barkhudarov, S. G. and et al., eds., 1980. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI–XVII centuries]. Vol. 7. Moscow (in Russ.).

Berezovich, E. L., 1998. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect]. PhD Dissertation. Ekaterinburg (in Russ.).

Berezovich, E. L., 2009. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Prostranstvo i chelovek* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Space and human]. Moscow (in Russ.).

Berezovich, E. L., 2016. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte: Mifopoeticheskiy obraz prostranstva* [Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Mythopoetic image of space]. Moscow (in Russ.).

Bobrova, M. V. and Gaydamashko, R. V., 2022. Linguo-cultural component in a folklore toponym: the semantics of 'white' in the Udmurt names of the Kama river. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 19 (3), pp. 308–318, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.3.043 (in Russ.).

Bobrova, M. V. and Zvereva, Ju. V., 2021. Modern toponymy of the Verkh-Yazva rural settlement (Krasnovishersk district, Perm region). *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 18 (2), pp. 99–120, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.021 (in Russ.).

Bobrova, M. V., 2018. Center vs. province: urbanonymy of Perm in the linguo-cultural aspect. In: *Prityazhenie Severa: yazyk, literatura, sotsium* [Attraction of the North: language, literature, society], 1. Petrozavodsk, pp. 523–531 (in Russ.).

Bogacheva, M. V., 2008. New era is new culture, isn't it? In: *Slovo i tekst v kul'turnom soznanii epokhi* [Word and text in the cultural consciousness of the era]. Vologda, pp. 353–361 (in Russ.).

Chagin, G. N., 2012. The Komi-Yazvin bilingualism and its reflection in the toponymy of the Yazva River basin. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Socio- and psycholinguistic studies], 16, pp. 13–24 (in Russ.).

Dal, V. I., 1997. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Datsishina, M. V., 2020. Place renaming and German policy-making in temporarily occupied soviet territories. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 17 (1), 113–135, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.006 (in Russ.).

Fedotova, T. V., 2012. *Russkaya toponimicheskaya sistema Vostochnogo Zabaikal'ya* [Russian toponymic system of Eastern Transbaikalia]. PhD Dissertation. Ulan-Ude (in Russ.).

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P. and Myznikov, S. A., eds., 1977. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 13. Leningrad (in Russ.).

Getsova, O. G., ed., 1982. *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).

Golomidova, M. V., 2023. Ekaterinburg — Sverdlovsk — Ekaterinburg: the city image in the dynamics of a toponymic text. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (1), pp. 29–53, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-1-2> (in Russ.).

Kachalkova, Yu. A. and Rut, M. E., 2019. "Ideological" urban place names and the renaming of city streets. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 16 (3), pp. 179–192, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.3.038 (in Russ.).

Kelmakov, V.K., 2019. *Belaya Kama vpryam' li belaya? (Udmurtskie nazvaniya reki Kamy v pis'mennykh istochnikakh)* [Is White Kama really white? (Udmurt names of the Kama River in written sources)]. Izhevsk (in Russ.).

Klemperer, V., 1998. *LTI. Yazyk Tret'ego reikha. Zapisnaya knizhka filologa* [LTI. The language of the Third Reich. Philologist's notebook]. Moscow (in Russ.).

Krivoshchekova-Gantman, A.S., 2006. *Sobranie sochinenii: v 2 t. T. 2. Onomastika* [Collected works in 2 vol. Vol. 2. Onomastics]. Perm (in Russ.).

Kruglyakova, T.A., 2021. City place names and their modification in child speech. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics], 18 (2), pp. 121 – 138, https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.022 (in Russ.).

Kubryakova, E.S., 2023. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech in onomasiological coverage]. Moscow (in Russ.).

Mandelstam, O.E., 1987. *Slovo i kul'tura: Stat'i* [Word and culture: Articles]. Moscow (in Russ.).

Matveev, A.K., 2008. *Geograficheskie nazvaniya Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical names of the Urals: Toponymic dictionary]. Ekaterinburg (in Russ.).

Matveev, A.K., ed., 2001. *Slovar' govorov Russkogo Severa: v 7 tomakh* [Dictionary of dialects of the Russian North: in 7 vol.]. Vol. 1. Ekaterinburg (in Russ.).

Naivnaya geografiya [Naive geography]. Available at: <https://naivemaps.ru/> [Accessed 20 February 2023] (in Russ.).

Nikonov, V.A., 2011. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow (in Russ.).

Podolskaya, N.V., 1988. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Podvysotskiy, A., 1885. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application]. St. Petersburg (in Russ.).

Polyakova, E.N., 2007. *Slovar' geograficheskikh terminov v russkoi rechi Permskogo kraia* [Dictionary of geographical terms in Russian speech of the Perm region]. Perm (in Russ.).

Polyakova, E.N., 2010. *Slovar' leksiki permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Lexicon of Perm monuments of the XVI – early XVIII century]. Vol. 1. Perm (in Russ.).

Polyakova, E.N., ed., 2010. *Slovar' permskikh pamyatnikov XVI – nachala XVIII veka* [Dictionary of Perm monuments of the XVI – early XVIII century]. Vol. 2. Perm (in Russ.).

Popov, A.I., 1965. *Geograficheskie nazvaniya (Vvedenie v toponimiku)* [Geographical names (Introduction to Toponymics)]. Moscow; Leningrad (in Russ.).

Stepanov, Yu.S., 1997. *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience]. Moscow (in Russ.).

Superanskaya, A.V., 1973. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moscow (in Russ.).

Terkulov, V.I., 2010. *Nominatema: opyt opredeleniya i opisaniya* [Nominatema: experience of definition and description]. Gorlovka (in Russ.).

Tsomakion, N.A., 1971. *Slovar' yazyka mangazeiskikh pamyatnikov XVII – pervoi poloviny XVIII vv.* [Dictionary of the language of Mangazeya monuments of the XVII – first half of the XVIII century]. Krasnoyarsk (in Russ.).

Vovchok, P.A. and Matveev, A.K., eds., 1971. *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 tomakh.* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 vol.]. Vol. 2. Sverdlovsk (in Russ.).

Yudin, A. V., 1997. *Onomastikon russkikh zagovorov: Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klore* [Onomasticon in Russian incantations: Proper names in Russian magical folklore]. Moscow (in Russ.).

Yudin, A. V., 2007. *Onomastikon vostochnoslavjanskikh zagadok* [Onomasticon in East Slavic Riddles]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Maria V. Bobrova, Associate Professor, Senior Research Fellow, the Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: bomaripgu@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9858-0573

To cite this article:

Bobrova, M. V., 2024, Polynominativity of geographical objects in the linguocultural context, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 89–112. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-5.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

УДК 11.111

UNVEILING THE UNSEEN: THE CHALLENGE OF PHENOMENOLOGICAL CONCEPTUAL UNTRANSLATABLES

V. I. Zabotkina¹, E. L. Boyarskaya^{1, 2}

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
6 Miusskaya Ploshchad, Moscow, 125047, Russia

² Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia,
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted 08.08.2023

Accepted 12.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-6

This article aims to explore the significant challenges posed by phenomenological untranslatables while also emphasizing their role as cultural phenomena. Phenomenological untranslatables are typically associated with a specific cultural, historical, or social context, and their meanings are shaped by the unique experiences of the community that uses them. They encode complex elements of human perception, emotions, or phenomena that do not have direct equivalents in other languages. Yet, the absence of direct linguistic equivalents should not be misconstrued as the absence of shared human experiences. By employing a multidisciplinary approach that encompasses linguistics, cognitive science, and cultural studies, we have conducted an analysis of the conceptual framework underlying this type of lexis and identified macro- and micro-conceptual attributes that may necessitate various verbalizations in different cultural and contextual settings.

Keywords: *phenomenological concepts, scripts, untranslatables, culture, conceptual attributes*

Introduction

Recently there has been a growing trend towards combining different veins of research and different types of data in an attempt to gain a deeper understanding of problems and ensure a greater level of systematicity than would otherwise be impossible with either approach alone. A good example of this integrated approach is cognitive research into the nature of the process of translation.

In a recent publication, an introduction to the volume on translation and cognition, Ana López and Marina Ramos Caro wrote that "...after so many years closing in on our quarry, something we know for certain is that translating — or language use, for that matter — is a fuzzy phenomenon that escapes easy definitions and categorizations. However, the latest trends in

translation studies opened new avenues of research into what the process of translation is and how to approach some of the traditional problems of translation" (Lopez & Caro, 2022).

The Cognitive Theory of Translation (CTT) is a relatively new area of research within translation studies that has developed in the last few decades. It is a theoretical framework that aims to explain the mental processes involved in translation. It is based on the premise that translation is a cognitive activity that relies on the translator's background knowledge and experience. Seminal works of Ernst-August Gutt (Gutt, 1991), Peter Kussmaul (Kussmaul, 1995), Sanda Halverson (Halverson, 2010), Christiane Nord (Nord, 1997), Yves Gambier (Gambier, 2014), Hans-Werner and Karl-Heinz Sandrock (Dechert & Sandrock, 2011), Lucia Sorace (Sorace, 2011), Ehrensberger-Dow and Birgitta Englund-Dimitrova (Ehrensberger-Dow & Englund-Dimitrova, 2016), John W. Schwieter and Aline Ferreira (Schwieter & Ferreira 2017) and Adolfo M. García (García, 2020) allowed for important theoretical breakthroughs that open new avenues of research in translation studies into:

- the role of representations, one of the key insights of the cognitive theory of translation. Researchers have found that translators use mental representations of the source text and the target language to guide their translation decisions.
- the use of cognitive cultural models. Cognitive theorists have developed cognitive models to explain how translators perform tasks, including models of text comprehension, memory, and translation problem-solving.
- the role of knowledge *per se*. The cognitive theory of translation highlights the importance of knowledge, including cultural knowledge, in the translation process.
- the impact of cognitive limitations. The cognitive theory of translation also takes into account the limitations of the human mind, such as working memory capacity and attention, and their impact on the translation process.
- the role of experience and expertise. The cognitive theory of translation recognizes the role of expertise in the translation process, and how experience and training can affect mental processes involved in translation.

The Russian school of cognitive translation studies continues to expand, reflecting the ongoing research and discussions among scholars and researchers working in this area. Seminal works of Geliy Chernov (Chernov, 2016), Vadim Sdobnikov (Sdobnikov, 2010), and Alexander Minchenkov (Minchenkov, 2011) have made a valuable contribution to the cognitive translation studies exploring the role of various cognitive factors including perception, memory, and attention, and their impact on translation and interpreting. Russian scholars have also developed computational models of translation that can simulate cognitive processes involved in translation and improve our understanding of how these processes occur and interact. More recent works, such as those of Vera Zabolotkina (2021a, 2021b), and Irina Remkhe et al. (Remkhe et al., 2016; Remkhe & Nefedova, 2022) have further explored the application of cognitive linguistics principles and cognitive sci-

ence methodologies to translation and interpreting, highlighting the importance of the cognitive aspects of translation beyond linguistic and cultural differences.

Recent research elsewhere on the cognitive aspects of translation has expanded to cover a wide range of new topics and perspectives. According to Fabio Alves and Amparo Hurtado Albir (Alves et al. 2015; 2017; 2020), this field of research has advanced significantly since earlier studies that focused mainly on the cognitive effort involved in translation. Current research topics include the role of conceptual analysis in translation, conceptual distance and overlap, conceptual blending and integration, among other cognitive mechanisms. Significant contributions have been made to the study of cognitive aspects of translation by several recent works. In *The Routledge Handbook of Translation and Cognition* (Alves, Jakobsen, 2020), contributors offer an overview of current research on the cognitive processes involved in translation. Schwieter and Ferreira's edited volume "Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting", brings together a range of interdisciplinary research investigating not only cognitive but also psycholinguistic processes involved in translation and interpreting. The articles of the volume cover a wide range of topics such as bilingualism, cognitive control, working memory, attentional mechanisms, and emotion in translation and interpreting. The contributors employ a variety of research methods, including behavioural experiments, neuroimaging techniques, and computational modelling to explore the cognitive and psycholinguistic aspects of translation and interpreting. Kaiming Xiao and Rafael Muñoz's article "Cognitive Translation Studies: Models and Methods at the Cutting Edge" offers a comprehensive and insightful overview of the current trends and challenges in cognitive translation studies and highlights the need for a more interdisciplinary approach to translation that draws on cognitive science, psychology, and linguistics to investigate translation processes and outcomes (Xiao & Muñoz, 2020). These authors have made significant contributions to the field of cognitive translation studies and have helped to advance our understanding of the role of conceptual analysis in translation.

Within the field of cognitive translation studies, this article aims to explore the conceptual structures of phenomenological untranslatables with a particular focus on their micro-attributes. Phenomenology can contribute a lot to the field of translation studies. Firstly, phenomenological analysis can shed light on how translators perceive, interpret, and navigate the multiple layers of meaning, cultural elements, and linguistic choices in the process of rendering the text in the target language. Translators become more aware of the cultural and linguistic frameworks that shape their understanding of the text. Secondly, phenomenology encourages the exploration of the implicit, which can be particularly relevant in translation. Translators tend to rely on their intuitive interpretation of language and culture, and phenomenological analysis can make these implicit processes more explicit and accessible for reflection and improvement. Finally, translation is a cross- and transcultural process, and phenomenology can assist in examining the dynamics of cross-cultural understanding and how individuals from different linguistic and cultural backgrounds engage with and interpret texts.

Research Results

The degree of untranslatability refers to the extent to which a word or phrase in one language is challenging to translate into another language without losing its essential meaning, cultural connotations, or emotional charge. Untranslatability is not an absolute concept; it exists along a continuum, and the degree of untranslatability can vary for different words or word combinations. Several factors increase the degree of untranslatability: cultural specificity, context dependency (in some contexts, a word might be translatable, but in others, it becomes untranslatable due to cultural or situational factors), connotations, emotional or affective value and conceptual (hence semantic gaps).

There are many types of untranslatables: cultural untranslatables proper (words denoting objects deeply embedded in the cultural context of the source); linguistic untranslatable (puns, wordplay, or unique grammatical structures, that do not have direct equivalents in another language); relational untranslatables (relationships and roles within families, societies, or communities, and they may not have direct counterparts in another language); spatial or environmental untranslatables (words related to specific geographic or environmental features, which may not exist in the target culture) and many others.

In this paper, we focus on *phenomenological untranslatables* – linguistic expressions that convey complex sensory or perceptual experiences, intertwined with a particular culture; they present exceptional challenges when it comes to their translation into another language while retaining their profound cognitive and cultural characteristics. From cognitive and translation perspectives, it is important to understand how these conceptual structures are organized, and verbalized in a given language. It is the *complexity of their conceptual structure, often resembling a script rather than an individual concept, that makes these sensory, or perceptual events and experiences a challenge* for the translator. Phenomenological untranslatables may involve the use of multiple words or sentences in the target language, additional explanation, or extended discourse to convey the intricacies of their meaning.

Let us take, for instance, one of the most untranslatable words *Ilunga*, a Bantu word that means ‘a person who is ready to forgive any abuse for the first time, to tolerate it a second time, but never a third time’ (<https://www.definitions.net/definition/ilunga>). The conceptual structure of *Ilunga* involves multiple elements, including participants (the abuser and the victim), actions (the act of abuse, forgiveness, and tolerance and resistance), and temporal relations (the repetition of the offense, the first offense is forgiven, the second is tolerated, but the third is not; and the threshold of tolerance). All elements are essential in conveying the meaning of the word, however micro-conceptual elements (the threshold for repeated offenses, and the importance of forgiveness and tolerance) are *critically important* in the frame of *Ilunga*.

Conceptual scripts of a similar complexity form the basis of the Swedish *gökotta* (a dawn picnic to hear the first birdsong; the act of rising in the early

morning to watch the birds or to go outside to appreciate nature); Finnish *kalsarikännit* (literally ‘drinking in one’s underwear at home’, conveys the feeling of enjoyment of a quiet night at home with no distractions or obligations, and to simply unwind with a drink and have some leisure time; taking a break from the stresses of daily life); German *Gemütlichkeit* (a feeling of comfort, cosiness, good cheer and desirable quality, is often associated with the idea of spending time with friends and family in a relaxed and enjoyable setting); Norwegian *utepils* (the first drink of the year taken out of doors, offers hope that better days are coming); Danish *hygge* (a feeling of comfort, warmth, and cosiness, often in the presence of good company, is often associated with simple pleasures, such as spending time with loved ones, enjoying good food and drink, or relaxing in a warm, inviting atmosphere); Hebrew *Dugri* (describes a sense of frankness and openness, and is often used to describe someone who is straightforward in their speech and actions).

From the cognitive point of view, phenomenological untranslatables pose several challenges. They encode a *complex of conceptual attributes (referential, sensory, emotional, and cultural) organized in a macro frame* unique to a particular language and culture. Hence, the need for a much deeper understanding of the micro-conceptual attributes that are essential for conveying the meaning of the word.

Conceptual analysis provides new perspectives on the translation process and contributes to the traditional views of translation as a linguistic task (Zabotkina & Boyarskaya, 2022). In our research, we refer to and also go beyond the conceptual level and analyze the micro-attributes constituting a conceptual (hence nominative) phenomenological lacuna.

The structure of a concept refers to the organization and representation of knowledge or understanding about a particular entity or category in the mind. It includes the properties, attributes, relationships, and associations that are used to define and understand it. Within the structure of any concept, attributes interact and influence each other; the combination and conceptual ‘weight’ of attributes vary between cultures and individuals. The way attributes are categorized and classified can have an impact on the way the concept is perceived and communicated, especially in the process of translation.

We posit that there are several distinct groups of attributes that can be identified at the micro-conceptual level. One way to approach the classification of attributes is by considering their level of specificity or universality. *Universal attributes* encode shared fragments of the conceptual worldview, while *culture-specific attributes* are characteristic or unique to representatives of a particular culture. *Individual attributes*, on the other hand, are based on personal experiences, memories, and associations related to the concept. This classification can help identify which attributes are likely to cause difficulty in translation, especially when dealing with culture-specific or individual attributes that may not have equivalents in the target language.

Another principle of classifying attributes is based on their relevance and stability within the conceptual structure. According to the degree of centrality, we distinguished *central attributes*, which are essential to the concept

and never change without fundamentally altering the concept, and *peripheral attributes*, which are less essential and can change without altering the concept. According to the degree of mutability, conceptual attributes can be *mutable and immutable*. *Mutable attributes* can change over time or in a different context, while *immutable attributes* remain stable. This classification can be useful for identifying which attributes require more attention and more cognitive effort in the process of translation and which can be adjusted to fit the target language and culture. In addition, attributes can also be classified according to their inferential potential, and ontological and axiological characteristics. *Attributes with high inferential potential* can lead to further implications and inferences, while those with *low inferential potential* do not. Ontological attributes can be categorized as *category attributes*, *telic attributes*, or *temporal attributes* based on their physical, functional, or temporal characteristics.

Finally, attributes can be classified as *emotive and evaluative* based on their emotional associations or value judgments. A thorough understanding of the typology of attributes can help verbalize phenomenological concepts and the scope of the sensory and perceptual experiences they structure.

To demonstrate the benefits of this approach, let us give an example from Finnish – the noun *sisu*, denoting one of the key phenomenological concepts of Finnish culture, which describes a unique complex of sensory and perceptual experiences tied to the specific cultural context. *Sisu* is used to describe a particular feeling of resilience or tenacity. It is often translated as ‘perseverance’ but has a much deeper cultural meaning in Finnish. *Sisu* is considered a central part of Finnish identity and is associated with the feeling of determination, courage, and stoicism, particularly in the face of adversity. The concept is believed to have developed as a result of Finland’s harsh climate and difficult history, which required its people to be resilient to challenges. *Sisu* has gained international recognition in recent years, with many people around the world seeking to understand and incorporate *sisu* into their own lives.

The noun *sisu* has been the object of numerous research works (Aho, 1994; Stoller, 1996; Lucas & Buzzanell, 2004; Taramaa, 2009, etc.). Still, the concept it verbalizes has a highly complex structure and is so multilayered that even native speakers differ in their interpretation of it. Some define it as the feeling of determination and stoicism and, others as resilience or bravery. Emilia Lahti, one of the most well-known researchers on *sisu*, defines the meaning of the noun in a descriptive way saying that “*sisu* is a special quality, a feeling that is reserved for especially challenging moments... when we feel that we came to the end point of our preconceived capacities... *sisu* is energy, determination in the face of adversities that are more demanding than usual” (Lahti, 2013). In her latest work, “Embodied Fortitude: An Introduction to the Finnish Construct of *Sisu*”, the researcher conducted a thematic analysis to investigate the portrayal of *sisu* in Finnish culture and posited that *sisu* shares some characteristics with psychological traits such as perseverance and courage, and, but its most prominent aspect is its ability to access untapped *inner energy reserves* that are partially embodied rather than purely mental (Lahti, 2019).

Sisu exemplifies a nominative lacuna in other languages (the term used by Minchenkov, 2011), the translation of which into another language requires a thorough analysis at the macro-, and, especially, micro levels. According to “Suomen kielen etymologinen sanakirja”, the etymology of the Finnish word *sisu* is uncertain. It may be related to the Finno-Ugric root **sečä-* which means “to cut” or “to split”. Another possible root is the Baltic-Finnic **šišu-* which refers to the interior of something. However, there is no conclusive evidence for either theory. According to lexicographers, the word *sisu* has two meanings in Finnish:

1. *Fin.* *sitkeä, hellittämätön tahdonvoima, sinnikkyys, lannistumattomuus; uskallus, rohkeus* — <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/sisu?searchMode=all> (Eng. persistence, willpower, perseverance; boldness, courage)

2. *Fin.* *(kiivas, paha, kova) luonto, luonteenlaatu.* (Eng. fierce, evil, hard nature or character) <https://www.kielitoimistonsanakirja.fi/#/sisu?searchMode=all>

The idea behind *sisu* is inner energy to continue pushing forward in difficult circumstances against all odds, and to have the inner strength and resolve to see it through to the end. In translation, *sisu* is a challenging concept to verbalize because it encompasses a complex combination of conceptual attributes, each of which is deeply rooted in Finnish culture. Though traditionally described as a combination of determination, perseverance, bravery, and resilience, it also ingrains elements of stoicism and self-sufficiency. However, these translations often do not fully reflect the depth and cultural significance of *sisu*, as it encompasses a unique blend of traits and feelings that are deeply tied to Finnish identity, the country's history, and cultural heritage. No wonder that in some cases *sisu* is left untranslated. For instance, a well-known and very popular AI-based language learning platform Duolingo offers the English translation of ‘*sisukas nainen*’ as ‘a woman with *sisu*’ without even attempting to translate it for obvious reasons.

For non-native speakers of Finnish, *sisu* may be considered somewhat ambiguous or even vague, as it is a complex cultural concept that allows for multiple interpretations. Additionally, there is a certain degree of subjectivity in the interpretation of *sisu*, as different people may attach different meanings or emphasis to its core characteristics. This may lead to numerous interpretations of what *sisu* is, making it difficult to provide a clear and nuanced translation. Moreover, ‘too much’ *sisu* can also lead to a refusal to accept defeat or acknowledge when it is time to stop and make a change. This can result in pragmatically wrong persevering in a losing battle or continuing down a harmful path even when it is clear that the outcome will not be favourable. *Sisu* can be interpreted as both ‘inflexible’ and ‘rigid’, leading to a lack of adaptability and an inability to change course when necessary. Therefore, while *sisu* is often perceived as a positive quality, it is important to recognize that it can also have negatively evaluated attributes.

The analysis of numerous examples from the Finnish corpora shows that the concept of *sisu* has several attributes varying in the degree of conceptual salience:

- universal attributes — perseverance, courage/bravery, resilience, and determination

- culture-specific attributes — strong association with the Finnish identity and national character, stoicism
- individual attributes — personal experiences, memories, and associations related to *sisu* such as personal challenges overcome through *sisu*
- central attributes — perseverance, courage/bravery, resilience, and determination
- peripheral attributes — specific situations in which *sisu* is used
- immutable attributes — perseverance, courage/bravery, resilience, and determination
- mutable attributes — the degree of difficulty of a challenge
- attributes having high inferential potential — further implications and inferences, such as the connection between *sisu* and mental health
- attributes having low inferential potential — physical strength, self-sufficiency
- ontological attributes — attributes that are categorized as category attributes, telic attributes, or temporal attributes based on their physical, functional, or temporal characteristics, such as the energetic and dynamic nature of *sisu*.
- axiological attributes — emotive and evaluative attributes based on their emotional associations and value judgments, such as all positive and negative connotations of *sisu*, stubbornness, a rigid and inflexible mindset

These attributes are often intertwined with one another to form the core of the conceptual structure. Other attributes, for instance, stubbornness, have a lesser conceptual 'weight'. Generally speaking, *sisu* is a combination of positively evaluated attributes encoding determination, courage/bravery, resilience, and perseverance, whereas stubbornness is typically seen as an unwillingness to change one's opinions, attitudes, or actions even in the face of new circumstances or reasons to do so. *Sisu* means sticking to one's beliefs with a purpose and a positive attitude, whereas stubbornness is more often associated with negative inflexibility. Examples from the Finnish corpora illustrate the way different types of conceptual attributes come to the fore and may require verbalization since *sisu* is an ambivalent cultural concept:

1. Determination: "Hän kamppaili sisulla ja päättäväisyydellä läpi kaiken, kunnes hän saavutti tavoitteensa." (He/she struggled through everything with determination and commitment until he/she achieved his/her goals.)

2. Resilience: "Sisullaan ja joustavuudellaan hän selvisi läpi elämän vaikeimpien aikojen." (With his/her resilience and flexibility, he/she made it through the toughest times in life.)

3. Perseverance: "Sisullaan hän jatkoi matkaansa, vaikka tie oli täynnä esteitä." (With his/her perseverance, he/she continued his/her journey despite the road being full of obstacles.)

4. Courage: "Hänen sisunsa näytti, kun hän puolusti uskonsa ja arvojaan vaikeassa tilanteessa." (His/her courage showed when he/she defended his/her beliefs and values in a difficult situation.)

5. Commitment: "Hänen järkkymätön sisunsa haasteiden edessä osoitti hänen sitoutumisensa tavoitteiden saavuttamiseen." (His/her unwavering determination in the face of challenges showed his/her commitment to achieving his/her goals.)

6. Stubbornness: "Hänen sisukkuutensa johti hänet pysymään vanhoissa tottumuksissaan, vaikka kaikki ympärillä muuttuisi." (His/her stubbornness led him/her to stick to his/her old habits, even as everything around him/her changed.)

The analysis of concepts at the micro-level can help resolve ambiguity and vagueness in translation by providing additional information about attributes that are not immediately evident in the lexicographic description. By taking into account the different conceptual attributes associated with a concept, the translator can gain a deeper understanding of the intended meaning and choose a more appropriate decision on which attribute of a complex conceptual structure should be verbalized in each particular case. Resolving the problem of nominative lacunas in translation is still a challenging task since these words may have multiple senses, connotations, and associations that are not easily transferred to another culture. The reference to micro-conceptual attributes in translation can help bridge the gap between the mental and the verbalized.

Conclusion

The study of phenomenological lacunas provides insights into the interplay between language, cognition, and culture. Through this exploration, we gain a deeper understanding of how different cultures categorize and represent sensory or perceptual experiences, offering a window into the complexity of human perception and cultural diversity. This field of research underscores the relationship between linguistic and conceptual structures, cognitive mechanisms, and the representation of sensory phenomena.

For translators confronted with the challenge of translating the untranslatable, the pursuit of conceptual equivalents in the target language emerges as a vital solution. Yet, the reality of translating phenomenological untranslatables comes with the awareness that a loss of cultural specificity is almost inevitable. Hence translators face the challenging task of deciding which attribute(s) of the concept should be verbalized and which should be sacrificed in translation. These decisions require a delicate balance between preserving the essence of the concept and adapting it to the target culture.

In conclusion, the study of phenomenological untranslatables enhances our comprehension of the complex relationships between language, perception, and culture. It equips translators with the tools and insights needed to navigate across languages the complex task of conveying sensory and perceptual experiences, recognizing that while some nuances may be lost or manipulated, the essence of these experiences can still be shared and appreciated in the world of diverse languages and cultures.

The publication was prepared within the framework of the RNF project 22-18-00594 "Cognitive models of identification and counteraction to manipulation in the media space".

References

Aho, W.R., 1994. Is sisu alive and well among Finnish Americans? In: M.G. Karini and J. Asala, eds. *The best of Finnish americana*. Iowa City, pp. 196 – 205.

- Alves, F. and Hurtado, A. A., 2017. Evolution, challenges, and perspectives for research on cognitive aspects of translation. In: J. W. Schwieter and A. Ferreira, eds. *The handbook of translation and cognition*. Wiley-Blackwell, pp. 537–554.
- Alves, F., Hurtado, A. A. and Lacruz, I., eds., 2015. *Translation as a cognitive activity (Special issue)*. *Translation Spaces*, 4 (1), <https://doi.org/10.1075/ts.4.1>.
- Alves, F. and Jakobsen, A. L., eds., 2020. *The Routledge handbook of translation and cognition*. Routledge, <https://doi.org/10.4324/9781315178127>.
- Chernov, G. V., 2016. *Theory and practice of simultaneous interpretation*. Moscow (in Russ.).
- Dechert, H. W. and Sandrock, K., 2011. Cognitive modelling and the development of expertise in translation. In: G. M. Shreve and E. Angelone, eds. *Translation and cognition*. John Benjamins Publishing, pp. 161–182.
- Ehrensberger-Dow, M., and Englund, B., eds., 2016. *Cognitive space: Exploring the situational interface [Special Dimitrova issue]*. *Translation Spaces*, 5 (1).
- Gambier, Y., 2014. Changing landscape in translation. In: Y. Gambier and L. van Doorslaer, eds. *Border Crossings: Translation Studies and other disciplines*. John Benjamins Publishing Company, pp. 1–14.
- García, A. M., ed., 2020. *The neurocognition of translation and interpreting*. John Benjamins Publishing Company.
- Gutt, E.-A., 1991. *Translation and relevance: Cognition and context*. Blackwell.
- Halverson, S. L., 2010. Cognitive Translation Studies: Developments in theory and method. In: G. M. Shreve and E. Angelone, eds. *Translation and cognition*. John Benjamins, pp. 349–369.
- Kussmaul, P., 1995. *Training the translator*. John Benjamins Publishing.
- Lahti, E. E., 2013. *Above and Beyond Perseverance: An Exploration of Sisu*. [Master's Thesis]. University of Pennsylvania.
- Lahti, E., 2019. Embodied fortitude: An introduction to the Finnish construct of sisu. *International Journal of Wellbeing*, 9 (1), pp. 61–82, <https://doi.org/10.5502/ijw.v9i1.672>.
- Lopez, A. and Caro, M., 2022. Probing the process: Towards more integrative research methods. *Translation & Interpreting*, 14 (2), pp. 1–7, <https://doi.org/10.12807/ti.114202.2022.a01>.
- Lucas, K. and Buzzanell, P. M., 2004. Blue-collar work, career, and success: Occupational narratives of sisu. *Journal of Applied Communication Research*, 32 (4), pp. 273–292, <https://doi.org/10.1080/0090988042000240167>.
- Minchenkov, A. G., 2011. Nomination Lacunae as a Translation Problem. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2, pp. 166–172 (in Russ.).
- Nord, C., 1997. *Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained*. St. Jerome.
- Remkhe, I., Nefedova, L. and Gillespie, G., 2016. From Function to System: Advances in Choosing a Matrix Structure of the Translation Process. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), pp. 230–242.
- Remkhe, I. N. and Nefedova, L. A., 2022. The dialectics of the synthesis of cognition and the translation industry. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 3 (461), pp. 105–114, <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10315> (in Russ.).
- Schwieter, J. W. and Ferreira, A., eds., 2017. *Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting*. John Benjamins Publishing.
- Sdobnikov, V. V., 2010. Translation process as an object of psycholinguistic research. *Herald of Vyatka State University*, 2 (2), pp. 107–111 (in Russ.).
- Sorace, L., 2011. Pinning down the concept of “interface” in bilingualism. *Linguistic Approaches to Bilingualism*, 1 (1), pp. 1–33.
- Stoller, E. P., 1996. Sauna, sisu, and Sibelius: Ethnic identity among Finnish Americans. *The Sociological Quarterly*, 37 (1), 145–175.

Taramaa, R., 2009. Sisu as a central marker of Finnish-American culture: Stubbornness beyond reason. *American Studies in Scandinavia*, 41 (1), pp. 36–60, <https://doi.org/10.22439/asca.v41i1.4624>.

Xiao, K. and Muñoz, R., 2020. Cognitive Translation Studies: Models and methods at the cutting edge. *Linguistica Antverpiensia*, 19, pp. 1–24, <https://doi.org/10.52034/lanstts.v19i0.593>.

Zaboltnina, V.I. and Boyarskaya, E.L., 2022. Words and meanings at the crossroads of mental spaces of language and culture. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 4 (3), pp. 300–311, <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-4-300-311> (in Russ.).

Zaboltnina, V.I., 2021a. Cognitive Translation Mechanisms. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 3 (46), pp. 40–44 (in Russ.).

Zaboltnina, V.I., 2021b. Mental and linguistic translation spaces: new dimensions. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 4 (47), pp. 107–112 (In Russ.).

The authors

Prof. Vera I. Zaboltnina, Vice-rector for International Cooperation, Director of the Centre for Cognitive Programmes and Technology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: Zaboltnina@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6674-8052

Dr Elena L. Boyarskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia; Research Fellow, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: EBoyarskaya@kantiana.ru

ORCID ID: 0000-0003-0179-8643

To cite this article:

Zaboltnina, V.I., Boyarskaya, E.L., 2024, Unveiling the unseen: the challenge of phenomenological conceptual untranslatables, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 113–125. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-6.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://creativecommons.org/licenses/by/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ОТКРЫВАЯ НЕВИДИМОЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ЛАКУН

В. И. Заболтнина¹, Е. Л. Боярская^{1, 2}

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125047, Москва, Миусская площадь, д. 6

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Россия, 236016, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 08.08.2023 г.

Принята к публикации 12.10.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-6

Анализируется проблема перевода феноменологических номинативных лакун. Данный тип лексик не разрывно связан с определенным культурным, историческим или социальным контекстом, а значения формируются под влиянием уникального

опыта сообщества, которое их использует. Феноменологические номинативные лакуны кодируют сложные элементы человеческого восприятия, эмоции или явления, которые не имеют прямых эквивалентов в других языках. Однако отсутствие прямых языковых эквивалентов не должно восприниматься как отсутствие общего человеческого опыта. Используя междисциплинарный подход, включающий лингвистику, когнитивистику и культурологию, авторы статьи осуществляют анализ концептуальных основ данного типа лексики. Выявлены макро- и микроконцептуальные признаки, которые по-разному вербализуются или не вербализуются в различных контекстуальных условиях.

Ключевые слова: феноменологические концепты, скрипты, непереваемость, культура, концептуальные признаки

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ 22-18-00594 «Когнитивные модели идентификации и противодействия манипуляциям в медийном пространстве».

Список литературы

- Заботкина В.И. Когнитивные механизмы перевода // Когнитивные исследования языка. 2021. №3 (46). С. 40–44.
- Заботкина В.И. Ментальные и языковые пространства перевода: новые измерения // Когнитивные исследования языка, 2021. №4 (47). С. 107–112.
- Заботкина В.И., Боярская Е.Л. Слова и смыслы в ментальных пространствах языка и культуры // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. №4 (3). С. 300–311. doi: 10.28995/2686-7249-2022-4-300-311.
- Минченков А.Г. Лакуны номинации как переводческая проблема // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2011. Вып. 2. С. 166–172.
- Ремхе И.Н., Нефедова Л.А. Диалектика синтеза когниции и переводческой индустрии // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. №3 (461). Филологические науки. Вып. 128. С. 105–114. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10315.
- Сдобников В.В. Процесс перевода как объект психолингвистического исследования // Вестник Вятского государственного университета. 2010. Т. 2, №2. С. 107–111.
- Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М., 2016.
- Aho W.R. Is *sisu* alive and well among Finnish Americans? // The best of Finnish americana / ed. by M.G. Karni and J. Asala. Iowa City, 1994. P. 196–205.
- Alves F., Hurtado, A.A. Evolution, challenges, and perspectives for research on cognitive aspects of translation // The handbook of translation and cognition / ed. by J.W. Schwieter and A. Ferreira. Wiley-Blackwell, 2017. P. 537–554.
- Cognitive space: Exploring the situational interface [Special Dimitrova issue] / ed. by M. Ehrensberger-Dow and B. Englund // Translation Spaces. 2016. Vol. 5, №1.
- Dechert H.W., Sandrock K. Cognitive modelling and the development of expertise in translation // Translation and cognition / ed. by G.M. Shreve and E. Angelone. John Benjamins Publishing, 2011. P. 161–182.
- Gambier Y. Changing landscape in translation // Border Crossings: Translation Studies and other disciplines / ed. by Y. Gambier and L. van Doorslaer. John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 1–14.
- Gutt E.-A. Translation and relevance: Cognition and context. Blackwell, 1991.
- Halverson S.L. Cognitive Translation Studies: Developments in theory and method // Translation and cognition / ed. by G.M. Shreve and E. Angelone. John Benjamins, 2010. P. 349–369.
- Kussmaul P. Training the translator. John Benjamins Publishing, 1995.
- Lahti E.E. Above and Beyond Perseverance: An Exploration of *Sisu* : Master's Thesis. University of Pennsylvania, 2013.

Lahti E. Embodied fortitude: An introduction to the Finnish construct of *sisu* // *International Journal of Wellbeing*. 2019. Vol. 9, №1. P. 61–82. doi: 10.5502/ijw.v9i1.672.

Lopez A., Caro M. Probing the process: Towards more integrative research methods // *Translation & Interpreting*. 2022. Vol. 14, №2. P. 1–7. doi: org/10.12807/ti.114202.2022.a01.

Lucas K., Buzzanell P.M. Blue-collar work, career, and success: Occupational narratives of *sisu* // *Journal of Applied Communication Research*. 2004. Vol. 32, №4. P. 273–292. doi: 10.1080/0090988042000240167.

Nord C. Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained. St. Jerome, 1997.

Psycholinguistic and Cognitive Inquiries into Translation and Interpreting / ed. by J.W. Schwieter and A. Ferreira. John Benjamins Publishing, 2017.

Remkhe I., Nefedova L., Gillespie G. From Function to System: Advances in Choosing a Matrix Structure of the Translation Process // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. Vol. 20, №3. P. 230–242.

Sorace L. Pinning down the concept of “interface” in bilingualism // *Linguistic Approaches to Bilingualism*. 2011. Vol. 1, №1. P. 1–33.

Stoller E.P. Sauna, *sisu*, and Sibelius: Ethnic identity among Finnish Americans // *The Sociological Quarterly*. 1996. Vol. 37, №1. P. 145–175.

Taramaa R. *Sisu* as a central marker of Finnish-American culture: Stubbornness beyond reason // *American Studies in Scandinavia*. 2009. Vol. 41, №1. P. 36–60. doi: 10.22439/asca.v41i1.4624.

The neurocognition of translation and interpreting / ed. by A.M. García. John Benjamins Publishing Company, 2020.

The Routledge handbook of translation and cognition / ed. by F. Alves and A.L. Jakobsen. Routledge, 2020. doi: 10.4324/9781315178127.

Translation as a cognitive activity (Special issue) / ed. by F. Alves, A.A. Hurtado, I. Lacruz // *Translation Spaces*. 2015. Vol. 4, №1. doi: 10.1075/ts.4.1.

Xiao K., Muñoz R. Cognitive Translation Studies: Models and methods at the cutting edge // *Linguistica Antverpiensia*. 2020. Vol. 19. P. 1–24. doi: 10.52034/lanssts.v19i0.593.

Об авторах

Вера Ивановна Заботкина, доктор филологических наук, профессор, проректор по международному сотрудничеству, руководитель научно-образовательного Центра когнитивных программ и технологий, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Email: zabolotkina@rggu

ORCID ID: 0000-0001-6674-8052

Елена Леонидовна Боярская, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Email: EBoyarskaya@kantiana.ru

ORCID ID: 0000-0003-0179-8643

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ — ПЕРЕСКАЗ — ПЕРЕВОД: СУДЬБА АРЕОПАГИТИК В *SLAVIA ORTHODOXA*

Н. Г. Николаева, А. В. Ермошин, А. С. Вольская

Казанский государственный медицинский университет
Россия, 420012, Казань, ул. Бутлерова, 49
Поступила в редакцию 28.02.2023 г.
Принята к публикации 01.09.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-7

Представлен концептуальный анализ проблемы перевода сочинений из *Corpus Areopagiticum* — богословских трактатов, надписанных именем Дионисия Ареопагита (I век), но являющихся памятниками раннесредневековой восточнохристианской мистико-богословской мысли (предположительно рубежа V — VI веков). Впервые тексты из этого корпуса сочинений появляются на славянской языковой почве в 1370 году, затем были сделаны их новые переводы в конце XVII столетия, в XVIII — XIX веках и, наконец, в наше время. Авторы исследования формулируют ряд критериев, на основе которых осуществлен анализ данных переводных текстов и произведена их дифференциация на такие типы передачи текста, как «переложение», «пересказ» и собственно «перевод». В основе предложенных критериев лежат такие факторы, как господствующая стратегия перевода, отношение к исходному языку и текстологическая традиция. Основным методом исследования состоит в диахроническом анализе языкового материала, который реализуется в частных методах сравнительно-сопоставительного, стилистического и текстологического анализа в рамках теолингвистической парадигмы. В результате выдвинутая гипотеза была обоснована на основании фактического материала. Кроме того, сделаны выводы о влиянии процесса общих языковых изменений на характер переводов (смена роли и статуса церковнославянского языка, условия сложения нового литературного языка, неизбежное воздействие общекультурных и цивилизационных факторов и т. д.) и о традиции инопереводов, продолжающейся и в наше время.

Ключевые слова: *Corpus Areopagiticum*, переводная письменность, история русского языка, концепция перевода, стилистика

Введение в проблему

В 1370 году в мире восточнославянского православия появился первый перевод неизвестного (до тех пор) по происхождению, но неоспоримого по своему влиянию на развитие христианской традиции памятника религиозно-философской мысли — корпуса сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита. Неизвестный автор (если только не принять точку зрения, что написал эти сочинения действительно ученик апостола Павла, первый епископ Афин Дионисий Ареопагит; она встречается в исследованиях до сих пор, несмотря на многочисленные опро-

вержения, ведущие свою историю с самого начала появления корпуса на исторической сцене и укрепившиеся в эпоху гуманизма), предположительно конца V — начала VI века, вероятно выходец из Сирии (Suchla, 2008), создал этот философский проект, по тексту которого разбросал некоторые косвенные «свидетельства» того, что он принадлежит настоящему Дионисию из Афин. Однако, по известному евангельскому выражению, «речь твоя выдает тебя» (Мф. 26:73): сложный язык Ареопагитик характерен для позднеэллинистического времени и соответствует положению и достижениям грекоязычной философии раннего Средневековья, нежели поздней Античности; к тому же эти сочинения отражают воззрения на мироустройство человека неоплатонических взглядов, который подает их в облачении христианского учения, то есть излагает его в устойчивой парадигме неоплатонической методологии (Харламов, 2016).

В 1370 году на Афоне инок-серб Исаия предпринимает первую в славянском мире попытку перевода этого корпуса, вплетая в него схолии, ставшие неотъемлемым элементом славянского варианта Ареопагитик. Переводить ему было сложно, в этом он сам признается в часто цитируемом месте своего Предисловия: «Бою же ся рещи, яко азъ преложихъ святаго Дионисіа: аще и преложихъ его, сматрѣя непостижимую не малы высоту богословіа и святаго крайнюю премудрость...» (Книги Святаго Дионисія..., стлб. 264). Несмотря на малопонятный текст, его переписывали и распространяли вплоть до второй половины XVII века (наиболее полное перечисление списков см.: (Прохоров, 1987)), когда в среде грекофилов появляется новое переложение корпуса, основанное на иных переводческих принципах. Решающим моментом, в который предлагаются несколько разных с точки зрения переводческих подходов способов передачи этого непростого в языковом и содержательном отношении текста, стала вторая половина XVIII века. Тогда появляются три новых текста славянских Ареопагитик, которые можно охарактеризовать как *переложение*, *пересказ* и *перевод*.

Задача данного исследования состоит в том, чтобы проследить изменения принципов перевода с XIV по XVIII век на примере одного из значимых для истории религии, культуры и науки текста. Актуальность исследования заключается в том, что оно выполнено в рамках теолингвистической проблематики, нового междисциплинарного филологического направления, в фокусе которого находятся тексты религиозного содержания. В частности, оно затрагивает истоки проблемы так называемого «церковно-религиозного стиля», теория которого окончательно не проработана в связи с отсутствием диахронического взгляда на этот вопрос.

Новизна исследования связана с постановкой вопроса о связи между языком-источником (в нашем случае — греческим) и языком перевода (в нашем случае — церковнославянским и «славенороссийским») для выражения идеи перевода как такового и для его воплощения в форме переложения, пересказа и собственно перевода.

Гипотеза

Существует несколько точек зрения на теоретические основания средневекового перевода. Одна из них предполагает ориентацию на смысл в кирилло-мефодиевской переводческой традиции (Верещагин, 1997). Другая утверждает существование разных установок по отношению к этому процессу в разные исторические периоды (при приоритете так называемого «открытого перевода», то есть смысла, а не формы) (Матхаузерова, 1976). Наконец, существует точка зрения, которая представляется нам более приемлемой: на протяжении всей истории славяно-норусских переводов доктрина перевода состояла в пословной передаче оригинала (Буланин, 1995, с. 26–29). Нет ли противоречия в утверждении приоритета смысла, с одной стороны, и технике пословного перевода — с другой? Нет, если мы примем тот факт, что «открытость» ранних славянских переводов была ограничена парадигмой оригинала как первообраза и обусловлена тем, что именно как первообраз в них воспринималось.

Неоплатоническая идея образа, изложенная в трактатах Псевдо-Ареопагита, нашла свое отражение и в восприятии процесса перевода как поиска первообраза, о чем косвенно свидетельствовал знаменитый переводчик Кирилло-Мефодиевской школы Иоанн экзарх Болгарский в прологе к переводу сочинения Иоанна Дамаскина «Точное изложение православной веры» (Des hl. Johannes von Damaskus..., 1967–1983), а в Македонском кириллическом листке, авторство которого часто приписывают экзарху Иоанну или Константину-Кириллу (Trost, 1973), похожая мысль приводится с опорой на Дионисия Ареопагита. Согласно неоплатонической концепции отношения между образом и первообразом, любой естественный язык есть образ некоего языкового первообраза в трансцендентной действительности, соответственно в такие же отношения вступают язык оригинала и язык перевода. Но здесь переводчик волен решать, что именно он мыслит как первообраз в оригинале: смысловую его сторону или формальную? Приверженцы открытого перевода искали способы передачи смысла текста оригинала, не уходя, однако, от пословного принципа, отыскивая подходящие — не всегда стандартные, фиксированные традицией, и потому оригинальные — эквиваленты греческим словам.

Переводчик первых славянских Ареопагитик работал уже в ином ключе: прообраз он видел в формальном выражении текста и стремился к пословному соответствию внутри смысловых отрезков (синтагм), включая в текст и несвойственные славянскому языку формы (самый повторяемый пример — субстантивированные греческие прилагательные с сопутствующим артиклем и такие же формы инфинитива, также с «переводом» члена).

Представитель течения грекофилов Евфимий Чудовский (вторая половина XVII века) рассматривал прообраз, который необходимо передать, в еще более прицельном разрешении: практически каждое сло-

во оригинала в отдельности становилось для него фактом, который требовал адекватного отражения в переводе. Он принимал во внимание внутреннюю форму слова, часто затемненную уже в греческом подлиннике, деэтимологизировал стертость метафор, порой предлагал ложные этимологии, расчленил слово на части, из которых оно никогда не состояло, и переводил даже не пословно, а поморфемно (Николаева, 2007, с. 75–106).

В таких разных подходах кроется, однако, одно общее начало — отношение к греческому языку оригинала как к некоему сакральному фактору, требующему особого обращения и выработки особых приемов, которые если бы и не перенесли сакральность оригинала в славянский, то по крайней мере отчетливо дали бы ее прочувствовать. Одним словом, за славянским текстом должен был, по выражению М. Бобрик (Бобрик, 1990, с. 75), «просвечивать» греческий оригинал.

Все это приводит к тому, что сейчас понимать такие тексты без возможности заглянуть в их оригинал крайне затруднительно. В связи с этим мы бы предложили называть такие тексты не переводом, а переложением, ибо в последнем термине лучше отражена механическая сторона процесса и сущностная связь с оригиналом. Кстати, так же относились к своему труду и сами переводчики (см. приведенный отрывок из Предисловия Исаии — он *перелагает* текст Дионисия).

В XVIII веке принцип пословного перевода перестает быть доминирующим. Три известных перевода, относящихся к этому времени и хронологически близких друг другу, отличаются тем не менее совершенно разным подходом к процессу и цели перевода, так что представляют собой три разных вида текста и три разных типа взаимоотношения переведенного текста с оригиналом. Перевод преподобного Паисия Величковского (1722–1794) (Иже во святых...), намеренно архаизирующий, ориентируется на лучшие образцы классического, правильного церковнославянского — именно они становятся первообразом, который автор хочет воплотить в своем творении, не теряя, однако, формальной связи с греческим оригиналом. Его перевод также можно было бы отнести к типу переложения. Анонимный переводчик (Книга Блаженного Дионисия...) отрывается от дословной привязки к греческому оригиналу; для него уже нерелевантен принцип пословности — он стремится передать прежде всего смысл оригинала, при этом, не будучи ограничен требованием точного соответствия оригиналу, порой уходит далеко от исходного текста, домысливая его или представляя свою точку зрения (характерно, что достаточно вольно он передает и прямые библейские цитаты из трактата (Ермошин, 2021, с. 27–33)). Этот тип соотношения с оригинальным текстом мы предлагаем назвать пересказом. Наконец, третий перевод, иеромонаха Моисея Гумилевского (1747–1792), представляет собой по сути первые русские, а лучше сказать, использовав термин той эпохи, *славенороссийские* печатные Ареопагитики (Святого Дионисия Ареопагита..., 1786). В своей работе он также отказывается от доктрины пословного перевода и ищет баланс между передачей смысла исходного текста и нормами современного ему стандартного языка.

Таким образом, наша гипотеза состоит в следующем: в истории славянской письменности можно выделить три типа перевода: переложение, пересказ и собственно перевод. Отнесение памятника к тому или иному типу зависит от следующих факторов: 1) соблюдения доктрины пословного перевода; 2) особенности соотношения оригинала и перевода в культурно-философской парадигме «образ — первообраз»; 3) особенности взаимосвязи языка оригинала и языка перевода; 4) текстологической традиции (ее наличия и влияния на новые переложения репрезентативного текста).

Обсуждение и результаты

Для обсуждения высказанной гипотезы мы выбрали в качестве иллюстративного материала минимальный фрагмент трактата «О Небесной иерархии» (*De hierarchia coelestica*, II, 3), с помощью которого наглядно продемонстрируем изложенные предварительные результаты. Данный фрагмент, несмотря на свой небольшой размер, включает в себя фактически всю теорию неподобных (несходных) образов Псевдо-Дионисия. Сначала приведем его по-гречески:

Τίτῳσι τοιγαροῦν, οὐκ αἰσχροῦς ἀποπληροῦσι τὰς οὐρανίας διακοσμῆσεις αἱ τῶν Λογίων ἱερογραφίαι ταῖς ἀνομοίοις αὐτὰς μορφοποιήσας ἐκφαίνουσαι καὶ διὰ τούτων ἀποδεικνύουσαι τῶν ὑλικῶν ἀπάντων ὑπερκοσμίως ἐκβεβηκυίας. Ὅτι δὲ καὶ τὸν ἡμέτερον νοῦν ἀνάγουσι μᾶλλον αἱ ἀπερφαίνουσαι τῶν ὁμοιοτήτων, οὐκ οἶμαι τίνα τῶν εὐφρονούντων ἀντερεῖν (*Sancti Dionysii Areopagitae...*, 141A).

В современном переводе Г. М. Прохорова:

Таким образом священнописания Речений чтут, а не бесчестят небесные чины, изображая их в неподобных им формах и таким образом показывая, что они надмирно пребывают за пределами всего вещественного. А что неподобные образы возвышают наш ум лучше, чем подобные, я не думаю, что кто-либо из благоразумных людей стал бы оспаривать (Дионисий Ареопагит, 2003, с. 57).

Из этого наблюдения следует, что, во-первых, неподобные образы осеяны авторитетом Священного Писания (аксиологический аспект); что, во-вторых, такие изображения небесных сущностей предпочтительнее для познания (гносеологический аспект) и что, в-третьих, их неподобие есть своего рода знак того, что их истинный образ пребывает в трансцендентном нематериальном мире (онтологический аспект).

Первый переводчик, старец Исаия, передает этот фрагмент следующим образом:

почитают бо а не стоуда испльняють нб(с)ная оудобрения, яже стїи(х) сїценнописания, вличными таа образотворенми изьявляюще, и сими оуказоующе веществныхъ всѣ(х) прѣмирнѣ изыпд(д)шая. а якоже и нашъ оумъ възводитъ паче неприкладствия вличнствъвъ, не мною кого в блго-моудрствоующїихъ соупротивьрещи (*Das Corpus des Dionysios Areopagites...*, 2011, с. 33 – 34).

В переводе Евфимия Чудовского, в этом фрагменте практически идентичном предыдущему (без учета другой орфографической традиции), есть, однако, два уточнения, свидетельствующих о том, что переводчик-грекофил внимательнейшим образом изучал структуру слов оригинала и следовал их буквальному переводу. Во-первых, он заменяет *почитают* на *чествоуютъ* (так как в греческом слове нет префикса), а во-вторых, правильно переводит греческое *αἱ τῶν Λογίων ἱερογραφία* как *словесъ сщєннописанїа*, греческое *ἀνομιόις* калькирует как *неподобными* (вновь проявляя внимание к приставкам: в данном случае Евфимий копирует греческую отрицательную приставку *ἀν-* и подбирает соответствующий эквивалент) (см.: Св. Дионисия Ареопажита творения..., л. 12).

Оба перевода передают греческий текст практически дословно (а Евфимий — и «доморфемно»). Вариант *сѣи(х) сщєннописанїа* вместо правильного *словесъ сщєннописанїа* у первого переводчика появляется скорее всего ошибочно. Сохраняются типичные для греческого субстантивированные прилагательные (*τῶν ὑλικῶν* — *вещественныхъ*) и синтаксические инфинитивные обороты (*οὐκ οἶμαι τίνα τῶν εὐφρονοῦντων ἀντερεῖν* — *не мню кого ѿ блгоумудръствоующїихъ соупротивьреци*). Композиты, соответствующие словосложениям в греческом, со временем сами становятся неотъемлемой частью церковнославянского языка, возникшего как язык переводов и изначально следовавшего за греческим. И в данном фрагменте мы наблюдаем привычное положение дел со структурным калькированием греческих сложных слов.

Итак, если мы вернемся к нашей гипотезе, то в случае первых двух славянских Ареопажитик мы можем констатировать следующее: 1) несомненное соблюдение доктрины пословного перевода; 2) оригинал и перевод соотносятся как «образ (перевод) — первообраз (оригинал)», различие только в том, что первый перевод фокусируется на целостности синтаксических отрезков, а второй — сужает свой фокус до структуры каждого слова; 3) язык перевода зависим от языка оригинала в большой степени; 4) текстологическую традицию на славянской почве закладывает первый перевод старца Исаии, Евфимий создает свою версию, безусловно, с опорой на этот проверенный веками авторитетный текст. Совокупность этих факторов и условий дает нам основание говорить об этих переводах как о *переложениях*.

Особый интерес вызывает ситуация XVIII века, когда появляются три новых и совершенно разных перевода. Рассмотрим уже известный нам отрывок в этих переводах в соотнесении с текстом оригинала и текстами уже рассмотренных выше славянских переложений.

У Паисия Величковского этот отрывок передан следующим образом:

почитають бо, а не стоуда исполнають нбѣсныа чины, сщєннописанїа словесъ, неподобными тыа зракотворенїи изавлающа, и чрезъ сїа оуказующа вса вещественнаа превозшедша. А яко и оумъ нашъ возводить паче неприлична сущаа подобїа, не мню кому изъ правомудръствоующїихъ противореци (Иже во святыхъ..., л. 5 об. — 6).

Мы видим церковнославянский с его типичными чертами — в частности, повторяющимися греческие: субстантивированное прилагательное (*вещественнаа*), словосложения (хотя и не повторяющие композиты первых переводов, то есть являющиеся результатом творческой мысли самого Паисия), частичную передачу инфинитивной конструкции с заменой винительного падежа на дательный — очевидно, поиск некоего компромисса между греческим оригиналом и реальным славянским узусом (*не мню кому из правомудрствующихъ противоречи* — ср. с современными возможными конструкциями типа *предлагаю ему пойти* = *предлагаю, чтобы он пошел...*).

Отметим, что слову *διακοσμήσις* Паисий нашел другое соответствие в отличие от своих предшественников — *чины*. Поскольку слово *διακόσμησις* в греческом обозначало не только 'порядок', но и 'порядок мироустройства' (Liddle, Scott, 1940), то более ранний вариант *оудобрения* отсылает нас к понятию космоса, что раскрывает авторскую мысль глубже: имеются в виду не только ангельские чины, но и вся трансцендентная реальность, которая непознаваемо прекрасна.

Паисий архайзирует текст, что заметно даже на примере столь малого отрывка: обратит внимание на формы творительного множественного прилагательного и существительного — *неподобными зракотвореніи* (ср. у Исаии: *ѡличными образотворенми*). В другом случае беспредложный творительный заменяется у него падежно-предложным сочетанием *чрез' сіа*, которое можно было бы принять за рефлекс влияния языка юго-западной Руси (впервые, кстати, этот предлог в подобных конструкциях становится очень активен у Евфимия Чудовского, вообще склонного к западнорусизмам и полонизмам), если бы не полное соответствие греческому *διὰ τοῦτων*.

В результате в отношении текста, созданного Паисием Величковским, можно резюмировать следующее: 1) соблюдение доктрины пословного перевода; 2) соотношение «образ (перевод) — первообраз (оригинал)» приобретает второй фокус: с одной стороны, прообраз греческого текста не умаляется, но, с другой, добавляется ориентация на идеальный образ церковнославянского текста; 3) язык перевода зависит от языка оригинала в большой степени; 4) перевод создается в русле традиции первых славянских Ареопагитик, текстовые совпадения очевидны (см. начало анализируемого фрагмента).

Принимая во внимание проявления языковой индивидуальности в Ареопагитиках Паисия Величковского, мы, однако, также можем отнести их к типу «переложение», и очевидно, что сам Паисий стремился остаться в русле церковнославянской традиции.

У анонимного переводчика того же времени читаем:

чувствуютъ убо нбсна естества: а не досадою и бесчестиемъ облагаютъ сѣценнаа бжественныхъ писаніи отписанія яже оными неподобными начертаніями изображаютъ и в(в)одятъ и от сихъ самихъ научаютъ яко онѣя вся вещи толико превосходятъ елико умъ человека постигнуть не можетъ. не мню же дабы кто от добре смыслящихъ противу ректъ яко умъ нашъ наипаче возставляютъ и взимаютъ на нбо темная подобія (Книга Блаженного Дионисия..., л. 3 об.).

Автор следует за оригиналом и раскрывает все основные его мысли, но делает это весьма оригинально, многословно и описательно. Здесь налицо излюбленный прием данного переводчика — расширение текста за счет дублетных переводов: *досадою и бесчестьем* (αἰσχύους), *изображаютъ и в(б)одятъ* (ἐκφαίνουσαι), *возставаютъ и взиимают на нбо* (ἀνάγουσι). Греческое τῶν ὑλικῶν ἀπάντων ὑπερκοσμίως ἐκβεβηκυίας передано очень пространно, автор только отталкивается от текста оригинала, но дает свой развернутый смысловой перевод: *оныя вся вещи толико превосходятъ елико умъ человека постигнуть не можетъ*. Привычный субстантиват превращается в простой субстантив — *вещи*, зато простое наречие ὑπερκοσμίως — *прѣмирнѣ* в первом переводе — получает развернутое выражение (*елико умъ человека постигнуть не можетъ*).

Для отдельных слов находятся новые соответствия, каких не было в традиции славянских Ареопагитик (например, διακοσμήσεις у него — это *естества, αἱ ἀπεμφαίνουσαι τῶν ὁμοιοτήτων* — *темная подобия*).

Обращает на себя внимание отсутствие столь типичных для дискурса Ареопагитик словосложений (которые в его тексте распадаются на словосочетания). Греческий синтаксический инфинитивный оборот заменяется закономерным придаточным предложением.

В целом анонимный переводчик, представляя ярко выраженные черты индивидуального стиля и подхода к своему труду, 1) отказывается от соблюдения доктрины пословного перевода; 2) выходит из парадигмы «образ — первообраз» в своей работе; 3) демонстрирует достаточную независимость от языка оригинала; 4) почти не откликается на текстологическую традицию славянских Ареопагитик. Исходя из этих факторов, труд анонимного переводчика можно охарактеризовать как *перевод-пересказ*, или сокращенно — *пересказ*.

В первых печатных русских Ареопагитиках иеромонаха Моисея Гумилевского в соответствующем месте находим:

Понеже болѣ величїа, а не безчестїа, придають небеснымъ украшенїямъ священныя оныя описанїа, изъявляя ихъ несходными имъ начертанїями, и чрезъ то показывая ихъ, всѣ вещественныя существа премїрно превосходящими. Что же несходныя сїи подобїа болѣ возводятъ нашъ умъ, въ семь, думаю, никто изъ благоразумныхъ не воспротиворѣчитъ (Святаго Дионисїа Ареопагита..., 1786, с. 19).

В этом тексте наблюдается минимум традиционных черт: из всех словосложений оставлено только одно (*благоразумныхъ*), инфинитивный оборот преобразован в предикативную единицу (при этом автор бережно сохранил будущее время греческого инфинитива в употребленной личной глагольной форме), субстантивированное прилагательное обратилось в сочетание прилагательного с существительным (*вещественныя существа*). Текст становится даже более компактным по сравнению с оригинальным благодаря искусству переводчика, превратившего разнородные греческие предикаты (Τιμῶσι ... οὐκ αἰσχύους ἀποπληροῦσι) в сказуемое с однородными дополнениями (*болѣ величїа, а не безчестїа, придають...*). Опосредованная связь с традицией видится нам в предпо-

чтении эквивалента *украшения* для греческого διακοσμήσεις: переводчик актуализирует значение прекрасного космического порядка, а не порядка ангельских чинов или иных небесных сущностей.

Моисей Гумилевский, таким образом, 1) отказывается от соблюдения доктрины пословного перевода; 2) выходит из парадигмы «образ — первообраз» в своей работе, заменяя ее на более соответствующую времени парадигму «исходный текст — перевод»; 3) ориентируется на язык оригинала, но не ставит целью сделать его копию (см. п. 2); 4) опосредованно связан с текстологической традицией славянских Ареопагитик. Исходя из этих факторов, труд Моисея Гумилевского можно назвать *переводом* в собственном смысле этого слова, в том значении, которое мы привыкли придавать ему в настоящее время.

Заключение

(Не)перевод не всегда есть отрицание перевода (*неперевод*) — часто он представляет собой *не перевод*, инобытие перевода, формы которого проще всего разглядеть в «переводах» поэзии. Ставшее уже аксиоматичным внутреннее родство и сущностное сходство поэтического и религиозного текста приводит к мысли о том, что и иноязычные религиозные сочинения могут существовать в среде другого языка в каких-то формах иноперевода. С особой отчетливостью это видно в диахронической перспективе в том случае, если у перевода долгая и интересная история, как это случилось с известным христианским философско-религиозным сочинением *Corpus Areopagiticum* на славянской почве. Большое влияние этого произведения в мире славянских книжников обусловливало создание многих его списков и вдохновляло на обновление его перевода. Однако были ли эти переводы таковыми в собственном смысле слова?

Предложив ряд критериев для разграничения видов инобытия перевода в отношении средневековой и новой славянской письменности, мы на основе изучения разновременных памятников, представляющих этот репрезентативный текст, пришли к следующим выводам.

Древнеславянский переводной текст существовал в форме переложения до тех пор, пока удовлетворялись следующие условия: перевод выполнялся пословно; переводчик стремился воссоздать первообраз, которым был для него текст оригинала; существовала, таким образом, крепкая взаимосвязь между исходным (греческим) и принимающим (славянским) языком, и, наконец, каждый новый перевод возникал не обособленно, а в русле уже существующей текстологической традиции, вырастал на плечах предшественников.

Ситуация поменялась в XVIII веке: хотя при сохранении вышеперечисленных условий продолжалась *mutatis mutandis* традиция переводов-переложений, появился новый тип иноперевода — перевод-пересказ. В нем игнорировался принцип пословности, ему не был присущ поиск «первообраза», вследствие чего связь с греческим языком оригинала, как и ориентация на существующую текстологическую традицию, становилась относительной и эфемерной.

Собственно перевод появляется при выполнении следующих условий: доктрина пословного перевода вместе с парадигмой «образ — первообраз» уступают место координатам «исходный текст — перевод» в равновесии передачи содержательной стороны адекватными средствами родного языка, а знание текстологической традиции (в случае, если она существует) проявляется опосредованно, без прямых повторений.

Невозможно не отметить изменение языковой ситуации в XVIII веке и влияние этого процесса на концепцию перевода. Церковнославянский язык, достигнув той вершины своего развития, когда он был на пороге своей стилистической дифференциации и возможности культивирования авторских идиостилей, что, несомненно, продлило бы ему существование как языка стандартного и литературного, столкнулся с конкуренцией русского языка, стремящегося занять место литературного стандарта. Этому способствовали как собственно лингвистические, так и экстралингвистические факторы. Церковнославянский и русский существовали на протяжении веков как единая языковая стихия, церковнославянский развивался потому, что происходило развитие русского языка, который оказывало на него влияние. В XVIII веке двуязычие *in potentia* превратилось наконец в двуязычие *in actu* (в терминологии М. Шапира (Шапир, 1989, р. 297)), но выделение церковнославянского языка способствовало одновременно и его маргинализации, поскольку он лишился подпитывавшей его «кровеносной системы». Русский язык, сначала как словенороссийский (славянизированный, высокий вариант), напротив, занимал сферы, ранее безраздельно принадлежавшие церковнославянскому. Этому способствовали и общекультурные факторы: секуляризация жизни в России, развитие наук, что требовало и развития соответствующего языкового регистра — научного стиля.

Русский язык пробовал себя и как язык перевода — впервые высокой книжности, но в силу изложенных причин это уже не могли быть переводы-переложения в чистом виде — так возникали пересказы и переводы в привычном нам смысле слова.

Современные переводы Ареопагитик дают пищу для размышления о возникновении гибридных форм иноперевода. Так, если изучить перевод Г. М. Прохорова (Дионисий Ареопагит, 2003), можно констатировать что он, хотя и далек от принципа пословности, стремится воссоздать первообраз, заложенный греческим оригиналом, и при сбалансированности в отношении языка исходного текста заметно вписан в церковнославянскую традицию Ареопагитик. В перспективе нам представляется полезным изучить проблему (не)перевода и его модификаций на материале современных текстов философско-религиозной направленности.

Список литературы

Бобрик М. А. Представления о правильности текста и языка в истории книжной справы в России (от XI до XVIII в.) // Вопросы языкознания. 1990. № 4. С. 61 — 85.

Буланин Д.М. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1 : Проза. С. 16 – 73.

Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.

Ермошин А.В. Библиейские цитаты в трех славяно-русских переводах Ареопагитик XVIII века (на материале трактата «О Небесной иерархии») // Филология и культура. 2021. №1 (63). С. 27 – 33. doi: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-27-33.

Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976.

Николаева Н.Г. Славянские Ареопагитики: Лингвистическое исследование. Казань, 2007.

Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV – XV вв. Л., 1987.

Харламов В. Псевдо-Дионисий Ареопагит и Восточная Церковь: Принятие «Корпус Ареопагитикум» и интеграция неоплатонизма в христианское богословие // Богословские рассуждения (Theological Reflections). 2016. №16. С. 120 – 137.

Шанир М.И. Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники: По поводу книги Б.А. Успенского «История русского литературного языка (XI – XVII вв.)» // Russian Linguistics. 1989. Vol. 13, №3. P. 297 – 299.

Liddle H. G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1940. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057:entry=diako/smhsis> (дата обращения: 01.02.2023).

Suchla B. R. Dionysius Areopagita: Leben – Werk – Wirkung. Freiburg ; Basel ; Wien, 2008.

Trost K. Die übersetzungstheoretischen Konzeptionen des Cyrillisch-mazedonischen Blattes und des Prologs zum Bogoslovie des Exarchen Joann. Zugleich ein Beitrag zur Frage der Autorschaft Konstantin-Kyrills // Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973. München, 1973. S. 497 – 525.

Список источников

Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника / пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова. СПб., 2003.

Иже во святых Дионисия Ареопагита о Небесном Священноначалии // Государственный исторический музей. Симоновское собрание. №5.

Книга Блаженного Дионисия Ареопагита к Тимофею Епископу о Небесном Священноначалии // Российская государственная библиотека. Музейное собрание. Ф. 178. №1345.

Книги святого Дионисия Ареопагита // Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / изд. Археограф. ком. под ред. С. Палаузова. М. ; СПб., 1870. Т. 3. Стлб. 263 – 788.

Св. Дионисия Ареопагита творения, с толкованиями св. Максима Исповедника, в лист, скорописью, второй половины XVII в. // Государственный исторический музей. Синодальное собрание. №55.

Святого Дионисия Ареопагита о Небесной иерархии, или священноначалии. М., 1786.

Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert) – Дионисий Ареопагит в славянском переводе старца Исаяи (XIV век) // Monumenta Linguae Slaviae Dialectis Veteris. Freiburg i. Br., 2011. Т. 56.

Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes : in 4 Bdn / hrsg. von L. Sadnik. Wiesbaden ; Freiburg i. Br., 1967–1983.

Sancti Dionysii Areopagitae De Coelesti Hierarchia // Patrologia Graeca. P., 1857. T. 3. Col. 119–370.

Об авторах

Наталья Геннадьевна Николаева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой, Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия.

E-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

ORCID ID: 0000-0002-4242-9230

Антон Владимирович Ермошин, кандидат исторических наук, доцент, Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия.

E-mail: antoniy_v@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5843-5777

Анастасия Сергеевна Вольская, старший преподаватель, Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия.

E-mail: sdeminna@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-8781-1090

Для цитирования:

Николаева Н. Г., Ермошин А. В., Вольская А. С. Переложение – пересказ – перевод: судьба Ареопагитик в Slavia Orthodoxa // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 126–139. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-7.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TRANSPPOSITION – RETELLING – TRANSLATION: THE DESTINY OF THE AREOPAGITICA IN SLAVIA ORTHODOXA

N. G. Nikolaeva, A. V. Yermoshin., A. S. Volskaya

Kazan State Medical University,
49 Butlerova St., Kazan, 420012, Russia

Submitted on 28.02.2023

Accepted on 01.09.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-7

The article undertakes a conceptual analysis of the challenges associated with translating works from the Corpus Areopagiticum, a collection of theological treatises attributed to Dionysius the Areopagite from the 1st century. However, these works are unequivocally associated with early medieval Eastern Christian mystical-theological thought, presumably from the turn of the 5th – 6th centuries. These texts first appeared in the Slavic Orthodox area in 1370, and subsequent translations emerged at the end of the 17th century, in the 18th and 19th centuries, and, most recently, in contemporary times. The authors introduce a set of criteria that facilitate the differentiation of the analyzed texts into distinct types of text transmission,

namely transposition, retelling, and translation. These criteria are founded on factors such as the dominant translation strategy, the approach to the source language, and the textual tradition. The primary research methodology involves a diachronic analysis of linguistic material, employing comparative, stylistic, and textual analysis within the theolinguistic paradigm. The hypothesis posited in the article is substantiated based on empirical evidence. Moreover, the article draws conclusions regarding the impact of general linguistic changes on the nature of translations. This includes shifts in the role and status of the Church Slavonic language, the conditions contributing to the formation of a new literary language, and the inevitable influence of broader cultural and civilizational factors. The paper also explores the tradition of translating otherness, a practice that persists in contemporary times.

Keywords: *Corpus Areopagiticum*, translated written sources, Russian language history, translation concept, stylistics

References

Bobrik, M. A., 1990. Representations of the Correctness of the Text and Language in the History of the Bookstore in Russia (from the 11th to the 18th Century). *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], 4, pp. 61–85 (in Russ.).

Bulanin, D. M., 1995. Ancient Rus'. In: *Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevnyaya Rus'. XVIII vek. T. 1. Proza* [History of Russian Translation Fiction: Ancient Rus'. 18th Century. Vol. 1. Prose]. St. Petersburg, pp. 16–73 (in Russ.).

Kharlamov, V., 2016. Pseudo-Dionysius the Areopagite and the Eastern Church: The Adoption of the “*Corpus Areopagiticum*” and the Integration of Neoplatonism into Christian Theology. *Bogoslovskie rassuzhdeniya* [Theological Reflections], 16, pp. 120–137 (in Russ.).

Liddle, H. G. and Scott, R., 1940. *A Greek-English Lexicon*. Oxford. Available at: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus:text:1999.04.0057:entry=diako/smhsis> [Accessed 1 February 2023].

Matkhauzerova, S., 1976. *Drevnerusskie teorii iskusstva slova* [Old Russian Theories of the Art of the Word]. Prague (in Russ.).

Nikolaeva, N. G., 2007. *Slavyanskije Areopagitiki: Lingvisticheskoe issledovanie* [Slavonic Areopagitica: Linguistic Research]. Kazan (in Russ.).

Prokhorov, G. M., 1987. *Pamyatniki perevodnoi i russkoi literatury XIV–XV vv.* [Monuments of Translated and Russian Literature of the 14th–15th Centuries]. Leningrad (in Russ.).

Shapir, M. I., 1989. The Theory of “Church Slavonic-Russian Diglossia” and its Supporters: Concerning the Book by B. A. Uspensky “History of the Russian Literary Language (11th–17th Centuries)”. *Russian Linguistics*, 13 (3), pp. 297–299 (in Russ.).

Suchla, B. R., 2008. *Dionysius Areopagita: Leben – Werk – Wirkung*. Freiburg; Basel; Wien.

Trost, K., 1973. Die übersetzungstheoretischen Konzeptionen des Cyrillisch-mazedonischen Blattes und des Prologs zum Bogoslovie des Exarchen Joann. Zugleich ein Beitrag zur Frage der Autorschaft Konstantin-Kyrills. In: *Slavistische Studien zum VII. Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973*. München, pp. 497–525.

Vereshchagin, E. M., 1997. *Istoriya vozniknoveniya drevnego obshch斯拉vianskogo literaturnogo yazyka: Perevodcheskaya deyatel'nost' Kirilla i Mevodiya i ikh uchenikov* [The History of the Emergence of the Ancient Common Slavic Literary Language: Translation Activities of Cyril and Methodius and their Students]. Moscow (in Russ.).

Yermoshin, A. V., 2021. Bible Quotations in three Slavonic-Russian Translations of the 18th Century Areopagitica (based on the Treatise “On the Celestial Hierarchy”). *Philology and Culture*, 1 (63), pp. 27–33, <https://doi.org/10.26907/2074-0239-2021-63-1-27-33> (in Russ.).

List of sources

Das Corpus des Dionysios Areopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert), 2011. In: *Monumenta Linguae Slavicae Dialectis Veteris*. Vol. LVI. Freiburg i. Br. (in Germ. and Old Slavonic).

Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes: in 4 Bd. / hrsg. von L. Sadnik, 1967–1983. Wiesbaden; Freiburg i. Br., 4 Bd. [in Germ. and Ancient Greek].

Dionysius the Areopagite, 2003. In: *Sochineniya. Tolkovaniya Maksima Ispovednika* [Works. Interpretations of Maximus the Confessor]. Translated by G.M. Prokhorov. St. Petersburg (in Russ.).

Izhe vo svyatykh Dionisiya Areopagita o Nebesnom Svyashchennonachalii [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy]. The State Historical Museum, Simonov's collection, 5 (in Slavonic-Russ.).

Kniga Blazhennago Dionisiya Areopagita k Timofeyu Episkopu o Nebesnom Svyashchennonachalii [The Book of Beatific Dionysius the Areopagite to Bishop Timotheus about Celestial Hierarchy]. Russian State Library, Museum collection, fund 178, No. 1345 (in Slavonic-Russ.).

Sancti Dionysii Areopagitae De Coelesti Hierarchia, 1857. In: *Patrologia Graeca*. Vol. III, col. 119–370. Paris [in Latin and Ancient Greek].

Sv. Dionisiya Areopagita tvoreniya, s tolkovaniyami sv. Maksima Ispovednika, v list, skoropis'yu, vtoroi poloviny XVII v. [St. Dionysius the Areopagite Treatises, with Interpretations of St. Maximus the Confessor, on a sheet, cursive, Second Half of the 17th Century]. The State Historical Museum, Synodal collection, 55 (in Slavonic-Russ.).

Sviatago Dionisiia Areopagita o Nebesnoi Ierarkhii, ili Sviashchennonachalii [Of Saint Dionysius the Areopagite Celestial Hierarchy], 1786. Moscow (in Slavonic-Russ.).

Velikiye Minei Chetii, sobrannyye vserossiyskim mitropolitom Makariyem, izd. Arkheograf. Kom. pod red. S. Palauzova [The Great Menaion Chetia, collected by the All-Russian Metropolitan Macarius, publ. by the Archaeographic Commission, S. Palauzov, ed.], 1870. Vol. 3. Moscow; St. Petersburg, pp. 263–788 (in Russ.).

The authors

Prof. Nataliya G. Nikolaeva, Head of Department, Kazan State Medical University, Kazan, Russia.

E-mail: natalia.nikolaeva@kazangmu.ru

ORCID ID: 0000-0002-4242-9230

Dr Anton V. Yermoshin, Associate Professor, Kazan State Medical University, Kazan, Russia.

E-mail: antoniy_v@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5843-5777

Anastasiya S. Volskaya, Senior Lecturer, Kazan State Medical University, Kazan, Russia.

E-mail: sdeminna@mail.ru

ORCID ID: 0009-0007-8781-1090

To cite this article:

Nikolaeva, N.G., Yermoshin, V.A., Volskaya, A.S., 2024, Transposition — retelling — translation: the destiny of the Areopagitica in *Slavia Orthodoxa*, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 126–139. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-7.

АНАЛИЗ И ПЕРЕВОД ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЫ *INSTRUCTIONS FOR CHRISTIANS* В КОНТЕКСТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

А. В. Проскурина

Новосибирский государственный технический университет
Россия, 630073, Новосибирск, просп. К. Маркса, 20
Поступила в редакцию 20.12.2022 г.
Принята к публикации 11.09.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-8

Древнеанглийская поэма Instructions for Christians, сохранившаяся в копии XII века и состоящая из 265 строк, рассмотрена сквозь призму экспликации темы нравственных наставлений в древнеанглийской традиции. Поэма наравне с другими древнеанглийскими проповедями и христианскими поэмами также содержит внушение нравственных правил относительно раннехристианской жизни, представляя собой свод наказов для верующих. В настоящей статье приводится авторский перевод контекстов поэмы Instructions for Christians. Ставится проблема изучения феномена наказа и репрезентации непрекаемого положения веры в древней культуре англосаксов. Анализ древнеанглийского текста показал переплетение сюжетов Ветхого и Нового Завета, отражающих противоположные взгляды на бедность и богатство, акты дара и обмена. В контексте анализируемого материала освещены вопросы, связанные с деяниями ветхозаветных пророков и новозаветного апостола Павла. В настоящей статье приведены различные именованья Бога, которые используются в древнеанглийской поэме, а также отмечено прямое наименование дьявола, обычно отсутствующее в текстах древнеанглийского периода.

Ключевые слова: наказ для христиан, богатство, бедность, семиотическая формула «вера, надежда, любовь»

1. Введение

Авраамические религии предполагают строгий наказ для верующих, соблюдение которого способствует упованию на дальнейшую благочестивую жизнь. Коль скоро христианство распространяется на Британских островах, оттесняя языческие верования, новая монотеистическая вера выдвигает определенный свод правил. Согласно христианским заповедям, невозможно войти в жизнь вечную, не соблюдая религиозно-нравственные предписания, и такие предписания ложатся в основу древнеанглийских текстов.

Практическая значимость исследования заключается в реконструкции христианских наставлений в древнеанглийский период. Новизна настоящей работы отмечается введением в научный оборот перевода древнеанглийской поэмы *Instructions for Christians*, актуальность — определяется общим интересом современной семиотики и филологии к не-

генетическим формам передачи информации во времени и пространстве. Следовательно, исследовательский фокус статьи сужается до проблемы интердисциплинарного изучения свода наказов для христиан и репрезентации догмата в древней культуре англосаксов с привлечением для сравнения текстов иудео-христианской культуры. Материалом исследования послужили древнеанглийская поэма *Instructions for Christians* (265 строк) и «Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета» (по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Алексея II) (1 296 + XXXII стр.); контексты Библии позволяют осуществить лингвистический и филологический анализ текста поэмы, перевод которой на русский язык представлен впервые. Общая цель и задачи исследования определяют комплексный характер используемых традиционных методов филологического анализа текстов и семиотического подхода к текстам.

Библия не была для англосаксов столь определенным и дискретным объектом, каким мы ее обычно воспринимаем. В обращении находились разные версии: хотя латинская Вульгата Иеронима была Библией западного христианского мира, версия *Vetus Latina* продолжала использоваться в Англии либо напрямую (например, община в Монквермаут-Ярроу владела старой латинской версией Библии, *the Codex grandior*) или через святоотеческие и литургические источники. Более того, грань между авторизованными и апокрифическими книгами представлялась не совсем так, как сейчас. Второканонические книги *Wisdom, Ecclesiasticus, Judith, Tobit, and I – II Maccabees*, которые не относятся к еврейской Библии и обычно не входят в состав протестантских библий, считались англосаксами каноническими. Некоторые книги, которые теперь повсеместно воспринимаются как апокрифические, такие как Евангелие от Никодима и *Vindicta Salvatoris*, были скопированы среди канонических текстов в англосаксонских рукописях. Примечательно, до какой степени англосаксонская Библия стала неотделимой от массы комментариев, которые накапливались к ней на протяжении столетий. Это отражается и в прозаических переводах, но особенно ясно проявляется в стихах на народном языке. Даже сам физический объект был другим: полные Библии были редкостью из-за огромных затрат и громоздкости таких пандектов. Распространенные тексты чаще всего представляли собой небольшие антологии библейских книг, предназначенных для определенных литургических или схоластических целей, в первую очередь псалтыри и евангелия, а также сборники посланий, пророков, Пятикнижие и т.д. Примечательно, что из-за характера книжного производства варианты неизбежно возникали в самих текстах Вульгаты, в результате чего не было единой авторитетной версии. Разные общины и церкви придерживались разных вариантов и прочтений, в зависимости от текстов, к которым они имели доступ. Такое положение вещей, естественно, имеет важные литературные последствия, поскольку в результате идентификация библейских источников древнеанглийской литературы часто оказывается непростым делом

(Fulk, 2008, p. 14, 106–107). Так, например, малоизученное произведение *Instructions for Christians*, вызывает научный интерес сочетанием переплетенных библейских сюжетов сквозь призму средиземноморской учености.

2. Поэма *Instructions for Christians* как отличительный наказ для христиан

Джеймс Л. Розье, занимаясь лексическим разбором слов поэмы, отмечает, что в конце манускрипта MS. li. I. 33, *University Library, Cambridge, on folios 224^v – 27^v* обнаруживаются 264 аллитерационные строки, разделенные заглавными буквами на 41 стихотворный абзац. В своем описании *f. iv* манускрипта, как далее продолжает Розье, Дж. М. Кембл представил эти строки как «метрические апофегмы, наставительные и религиозные», озаглавленные в манускрипте как *Instructions for Christians*, которые никогда не редактировались и еще не нашли достойного места среди англосаксонской поэзии (Rosier, 1964, p. 4). Н.Р. Кер датирует рукопись второй половиной XII века (Ker, 1957, p. 543), что согласуется с общим стилем написания манускрипта *ff. 224^v – 27^v*, однако, как подмечает Розье, заостренный минускул и отсутствие каролингских *g* и *r* ставят эту дату под сомнение. Беспорядочное смешение традиционного и сложного написания, появление искаженных отрывков (особенно ближе к концу), а также упущения писцов позволяют предположить, что текст может являться копией несколько более старого оригинала. Первоначальный текст, если таковой и был, должен относиться к более позднему периоду, поскольку количество некачественных аллитерационных строк и строк без аллитерации указывает на то, что слагатель был вне связи с древнеанглийской поэтической традицией — более того, он был намного дальше от нее, чем автор *The Battle of Maldon*. В отличие от поэмы *The Seasons for Fasting*, названной Робинотом Флауэром уникальной благодаря «аллитерационным строкам, лежащим в ее основе, которые разделены на двадцать девять строф и, как правило, состоящих из восьми строк» (Flower, 1934, p. 131), объединение, обозначенное заглавными буквами в *Instructions for Christians*, нельзя назвать строфами, тогда как термин «стихотворные абзацы», возможно, более здесь уместен. Как и в других поздних древнеанглийских стихотворениях подобного гомилетического характера, стиль этих стихотворных строк не связан с героической традицией и ничем не отличается от поэзии (Rosier, 1964, p. 5).

Интересен текст поэмы *Instructions for Christians* и с точки зрения отличительной трактовки наказа для христиан с позиции социального неравенства. В той мере, в какой формы древнеанглийской поэзии сохранили свою связь с аристократией, использование стихов для передачи даже обычных видов христианского учения, вероятно, имело социальные последствия, которые нам сегодня трудно обнаружить. Кажущееся нагромождением благочестивых афоризмов произведение убе-

дительно конструирует как церковную власть, так и ее паству. Некоторые из отрывков текста о богатстве, например, уравнивают ожидаемое отношение *contemptus mundi* («презрение к миру») с раболепными заверениями в том, что богатство само по себе не плохо, что доказано несколькими библейскими персонажами, которые были одновременно богаты и любимы Богом (строки 117–149). Богатство также допускает щедрую милостыню, которая, как утверждает поэт, уничтожает грехи (строки 47–54 и 184–189). Другие части работы, по-видимому, предназначены для того, чтобы убедить мужчин и женщин, живущих в мире, в том, что светский статус не является препятствием для святости, которая составляет истинное благородство: например, решительный отказ от прежних грехов и практика воздержания дают заслугу, равную позиции остаться целомудренным (строки 58–62) (Old English Shorter Poems, 2012, р. xxv–xxvi). В канву текста древнеанглийской поэмы вкраплены также следующие основные христианские идеи: необходимость передачи собственности Богу (строки 1–3), место, где найти Бога (строки 200–218), следование по трем дорогам — Вере, Любви и Надежды — в Божье Царство (строки 256–260). В связи с тем, что требования к общему объему настоящей статьи не позволяют представить полный текст поэмы, состоящей из 265 строк, вместе с авторским переводом на русский язык, приведем отрывки из поэмы, в которых отражены вышеприведенные религиозные идеи.

3. Отношение к богатству сквозь призму ветхозаветных сюжетов

Коль скоро учение об Иисусе как о Боге появилось только к IV веку, а вплоть до середины II века вера в Него рассматривалась как одно из направлений иудаизма, переплетение ветхозаветных и новозаветных сюжетов в одном тексте назидательной поэмы не вызывает исследовательского удивления. Иудаизм же как религия зародился в диаспоре, а затем был распространен на территории Святой земли эmissарами из Вавилона. Этот исторический факт необходим для понимания восприятия богатства и бедности с позиции религиозных идей религий осевого времени. Так, основами веры в Яхве, претерпевшими изменения, выступают справедливость и сострадание, надежда истинных сынов Иерусалима (*эвионитов* — бедняков) на прибежище. Однако под бедностью в иерусалимской традиции понималось не отсутствие достатка, а гордость, то есть упование не на человеческое превосходство, а на Яхве — единственного защитника Сиона (подробнее об этом см.: (Armstrong, 1997)).

Примечательно перечисление ветхозаветных богатых персонажей — Иакова, Моисея, Исаака, Авраама, Давида и Ноя — в канве текста поэмы, подчеркивающее возможность быть услышанным и приятным Богу, даже имея огромные богатства, наряду с упоминанием слов апостола Павла, наказывающим паству о недозволенности быть богатым. Обратимся к строкам поэмы 117–149 (Табл. 1). Здесь и далее текст поэмы *Instructions for Christians* представлен по изданию Old English Shorter Poems; перевод на русский язык наш. — А. П.)

Таблица 1

Наставления о богатстве

Строка	Instructions for Christians	Наказ для христиан
117	Ne scylen ge þæs wenan, þeah ic þisne word-cwide after Dauide dihtum sette, þæt God nelle gumena gehwylcne	Хотя я составил это увещание по образцу Давида, ты не должен думать, что Бог не желает спасать и слушать каждого
120	healan and gehyran, þeah he heah- gestreon on eorð-rice age mycelne goldes and seolfres, and eac godes fele to habbanne her on weorulde. Ac we sculon gemunan mæla gehwylce	человека, даже если он владеет боль- шим, восхитительным богатством зо- лота и серебра в этом земном царстве и владеет, кроме того, еще многим другим имуществом, которое можно иметь здесь, в этом мире. Мы должны всегда помнить о том,
125	þæt se apostol Paulus ongan geond eal christen folc cyðan and læran, þæt ða weologan for heora wo- ruld-rice on heora mod-sefan men oferseagon. Ac se ðe hine sylfne to swiðe ahefð	что апостол Павел взялся вразумлять и истолковывать всем христианам, что богатые по причине своей мирской власти смотрели свысока на других в мыслях своих. Но если кто слишком превозносит себя из-за гордыни своей,
130	for his ofer-mode, he bið earm for Gode. Hwæt, we þæt gehyrdon hæleða secgan, þæt iu-dagum Iacob hæfde and Moyses eac micelle speda, swylce Isaac and Abraham;	тот обеднеет в глазах Божиих. Вот, мы слышали, как люди говорили, что в давние времена Иаков обладал большим богатством, и Моисей, и также Исаак и Авраам;
135	and Dauide drihten sealed win-burgum mid weolan unmete; and eac Noe hæfde weoruld-weo- lona genohne. Ealle hi wæron æðeles kynnes, geþungen on þeod-land; þeah hwaðere drihten heora	и Господь наделил Давида виноград- никами и безмерными богатствами; и Ной тоже обладал достаточным мир- ским богатством. Все они были знат- ного происхождения, процветали в своей стране, и тем не менее их Гос- подь
140	on ælcere tide bena gehyrda. Ne dæreð mycel wela manna ænægum, gif he to swiðe ne bið sylfe belea- pen on þes feos lufan mid feondes larum, for þi heo synd þearflicu þegna gehwilcum	всегда слышал их молитвы. Если не предаваться чрезмерному сребролюбию, следуя совету демонов, великое богатство никому не вредит, поскольку эти блага необходимы каж- дому
145	to habbanne her on weorlde: mid þam bið þe earman oftost ge- holpen and þa mettruman myclum gehælede and þa nacodan eac niowum ge- werede; of þæm cumað monige men to heofonum.	человеку здесь, в мире: с их помощью очень часто бедным оказывается по- мощь, немощные исцеляются, а нагие снова одеваются; посредством богатст- ва многие люди попадают в рай.

Отметим, что основу религии заложил Авраам («отец многих»), уехавший из Ура и обосновавшийся в Ханаане. Авраам, согласно Книге Бытия, сподобился для себя и своего потомства величия и славы от Бога. Три израильских патриарха — Авраам, его сын Исаак и внук Иаков — могли веровать в разных языческих богов и разделять религиозные представления с соседями из Ханаана, поскольку верили в существование Мардука, Ваала и Анат. Кроме того, вероятно, они не поклонялись одному и тому же Богу; так, не исключается, что Бог Авраамов, «страх» Исаака и «мощный Бог» Иакова были совершенно разными богами. Тем не менее, откуда бы ни заимствовался образ Бога Яхве, в Пятикнижии Моисея сказано, что это Бог Израилев, а события Исхода показывают, что Моисею удалось убедить израильтян, что это все тот же Бог Авраама, Исаака и Иакова (Армстронг, 2015, с. 26, 33). Книга Бытия показывает родственную связь патриархов, заключающуюся и в генеалогической связи, и в их одинаковом образе жизни — они все вели кочевой образ жизни, переходя со своим мелким и крупным стадом с места на места в поисках свежего пастбища. Примечательно, что в тексте Библии (2 Цар 7:1–17) упомянуто особое отношение Яхве к царю Давиду и его роду, однако подчеркнуто подчиненное положение величайшего из царей по отношению к Богу. Дж. Дрейн пишет, что благодаря подобной фикции предавался законный характер всему, чего бы правитель ни пожелал (Дрейн, 2003, с. 129).

В поэме *Instructions for Christians* упоминается и Ной, наделенный Богом земными благами. Примечательна история великого потопа, так или иначе находящая отголоски в разных культурах, поскольку является общим представлением для разных народов. Рассказ о потопе, изложенный в Книге Бытия, зародился не у семитов, а был, как отмечает Дж. Дж. Фрэзер, заимствован. Так, шумерская легенда находит свое отражение в Пятикнижии: оба сюжета повествуют о сотворении человека и великом потопе как о взаимосвязанных событиях первоначальной истории мира (Фрэзер, 1989, с. 76–77).

В древнеанглийской поэме приводится также отсылка к ветхозаветным пророкам Исае и Иеремии сквозь призму нравственных наставлений (строки 155–162, 195–199) (табл. 2).

Таблица 2

Упоминание Исаи и Иеремии в тексте поэмы

Строка	Instructions for Christians	Наказ для христиан
155	Spræc God geara to Hieremie, þan witegan, and þus wordum cwæð: "Far nu ymbe æll eorðan rices, sec and smeage, swa ðu swiðost miht, gif þu mage gefinden fæst-hydgigne wer,	Бог истово обратился к пророку Иеремии и промолвил такие слова: «Ступай теперь по всему царству земному, ищи и обдумывай, насколько ты в силах, способен ли ты найти решительного человека,
160	þe wel wille and gewyrca swa, recce and gesmeage soðne geleafan, þæt ic mage wið hine miltse gefrem- man."	того, кто желает добра и делать добро, кто говорит об истинной вере и размышляет о ней, — чтобы Я помиловал его».

Окончание табл. 2

Строка	Instructions for Christians	Наказ для христиан
195	weroda wuldor-kyning to þam wite- gan spreac: "Peah ic sylfe cweðe þæt swyltan scyle unrihtwise man, mid ælle forwurðon, ac gif he æfter ðan mid alle mægne synna geswicað, ne þearf he swiltan for þam."	Вседомущий Бог, Блаженный Царь воинств, молвил пророку Исаии такие слова: «Хоть и Я Сам заяв- ляю, что неправедный человек должен погибнуть, но если он изо всех сил оставит грехи свои, ему не нужно умирать из-за них».

Исайя, происходивший из знатного рода, был крайне чутким к нуждам бедных слоев населения, к тому же, он глубоко осознал сокровенный смысл утратившей целостность религии Израиля в рамках заполнявшего священное место дымом ладана вкупе с испарениями жертвенной крови. Однажды Исайя узрел Яхве в сопровождении двух стоящих рядом серафимов, прикрывших свои лица крылами, дабы не глядеть на Бога, и попеременно взывавших друг к другу: «Свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его». Лексема «свят» указывает на моральное совершенство, однако древнееврейское понятие *каддош* означает «непохожесть», полную чуждость. Следовательно, «иное» предстает за пределами привычной схемы действительности, но переосмысленный сквозь эпохи образ Яхве все так же выступает «богом воинств» (саваофом). Интересен повторяющийся элемент в Новом и Ветхом Заветах. Так, Яхве говорит Исае: «Поди, и скажи этому народу: слухом услышите, и не разумеете; и очами смотреть будете, и не увидите». Семьсот лет спустя эти же слова произнесет Иисус, когда люди откажутся прислушиваться к его не менее трудному для понимания провозвестию.

¹¹ Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царства Небесного, а им не дано, ¹² ибо кто имеет, тому дано будет и приумножиться, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; ¹³ потому говорю им притчами, что они видят не видят, и слышат не слышат, и не разумеют; ¹⁴ и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: «слухом услышите — и не разумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите, ¹⁵ ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не разумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Мф 13:11–15).

Бог Моисея — победитель, тогда как Бог Исаии полон скорби. Несмотря на то что жертвоприношения, паломничества, ритуальные праздники, курения от всежжения, ритуальное пускание крови козлов и овнов представляли собой культовые обряды на Ближнем Востоке и саму суть религии, в интерпретации Исаии это все становится неприемлемым для Яхве. История Исхода уже показала Бога с позиции принимающего сторону обиженных и угнетенных, однако особенность по-

слания Исайи заключается в том, что теперь угнетателями называют самих христиан. Коль скоро все религии начинали с определенной доли антропоморфизма, пророки творили Бога по своему образу и подобию, наделяя Его чертами, присущими своему классу и окружению. Этим объясняется то, что Исайя, член царского рода, представлял Яхве властелином, хоть и полным скорби. Новый образ более требовательного Яхве был выкован плачущим пророком Иеремией. Бог на этот раз привиделся пророку сквозь боль и страдания, вложив свое повеление: «искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать», поэтому плач Иеремии являет собой прекрасную иллюстрацию общения с Богом, окрашенную душевными муками. После падения Иерусалима и разрушения Храма завет с Израилем принимает следующий вид: «Вложу закон Мой во внутренность их и на сердцах их напишу его» (Армстронг, 2015, с. 53–55, 57, 68–71).

Восприятие богатства и бедности в тексте древнеанглийской поэмы тесно переплетено с описаниями актов дарения и получения дара, выражающимися следующими лексемами: *syllan* (*sellan, selan, gesyllan*), *tyðian, gifan, lænan, inne* (*geinne*) — давать, дарить, даровать, жаловать, удостоивать, *geernian* — быть достойным, заслужить, снискивать, *gebiggan* — получить, приобрести, *agnian* (*geagnian, ahnian*), *habban* — владеть, иметь, *welegian* — обогатиться, *læanian* — воздавать, отплатить, вознаградить, *weorð* (*wurð*) — награда, ценность, богатство, *weolan* — богатство, сокровища, *mead* — награда, воздаяние, *gift, gifu* — подарок, дар, *gold* — сокровища, ценность, золото, *seolfor* — серебро, *heah-gestreon* — бесценное сокровище, *ælmesse* — раздача подаваний, милостыня, *streón* — мзда, прибыль, сокровище, богатство, *earm* — бедный, обездоленный, нуждающийся, *pearfa* — нищий, убогий, *mettrum* — немощный, *cræft* — умение, навык, (выдающееся) мастерство, *wisdom* — (пре)мудрость.

Согласно *Instructions for Christians*, христианину надлежит даровать часть своего имущества Богу, тогда в ответ он сможет получить приумноженное богатство и жизнь вечную (строки 1–3, 47–54, 58–62, 184–189). Поэма наказывает пастве плакать и раскаиваться в своих грехах, усердно восхваляя Создателя и не забывая наложить умеренность на свое тело, дабы получить духовную награду (табл. 3).

Таблица 3

Наставления о милостыни

Строка	Instructions for Christians	Наказ для христиан
1	Syle ece Gode æhta þinra þone teoðan dæl; he getyðað þe and he ðe mænigfealðað mycle þa nigone.	Даруй вечному Богу десятую часть своей собственности; девятью же оставшимися он наделит тебя и весьма приумножит их для тебя.
47	Ne scyle wandian witona ænig þæt he his ælmessan ofte gessyllæ; alning deð oðer twegea:	Ни один мудрый человек не должен медлить с тем, чтобы часто подавать милостыню; всегда так поступая, он совершает одно из двух:

Окончание табл. 3

Строка	Instructions for Christians	Наказ для христиан
50	oððe þonne monnan miclum aliseð wom-dæda gehwas, oððe his wita onleoht her oððe on helle, oððe huru siððan on domes dæge þurh drihtnes gifu lissum forgyldað þam ðe ær lustum gæf.	это в значительной степени осво- бождает человека от всякого по- стыдного деяния или облегчает его наказание, будь то здесь или в аду; или даже позже, в Судный день, это милостиво вознагражда- ет того, кто раньше подавал с го- товностью.
54	Gif we us sylfum synna gehwylce weriað be gewyrhtum, ne wrecað æfre ða ealmihtig Godd on us syððan.	Если мы убережем себя от всякого греха в наших поступках, тогда всемогущий Бог никогда не нашлет кару на нас.
58	Se ðe æfter synnum swiðe lange forhæfednesse habben þæncað, þæt beoð anlicost swylc swa he wære on mægðhade metode to willan, and for Cristes lufan clæne geheal- dan.	Если после согрешения человек решился на воздержание в течение долгого времени, то будет так, словно если бы он жил в состоя- нии непорочности, доставляя ра- дость своему Создателю, и как ес- ли бы он был сохранен в чистоте ради любви Христа.
184	Ne doð þa ærran yfel ænegum mon- na laðes nawiht, gif him ne licað þinga gehwilce ða he þonne doð, gif he his ælmyssan alning dæleð. Nis þæt þearfan hand þæt ðe þince her, ac hit is madm-ceoste Godes æl- mihtges.	Если кто постоянно раздает миро- стыню, то его прежние злодеяния не причинят ему никакого вреда, только если все они не доставляют ему удовольствия в то время, когда он их совершает. Это не рука нищего, как вам здесь может показаться; скорее это со- кровищница всемогущего Бога.

В ветхозаветный период добровольный выбор бедности был нравственным подвигом, поскольку отречение от всего имущества ради служения Богу представляло собой нравственную норму в отношении богатства. Ветхий Завет богат суждениями о быстро преходящем характере богатства и добровольной бедности, где скупость, сребролюбие и корыстолюбие всегда осуждаются, тогда как добродетелью, напротив, выступает щедрая благотворительность. Однако существует определенная разница в восприятии богатства и бедности в Ветхом и Новом Заветах. Она заключается в том, что в ветхозаветном учении богатство рассматривалось как благо само по себе, а бедность — как зло, тогда как новозаветное учение поясняет, что жизнь человека не зависит от его имущества, поскольку верховное благо, к которому непременно нужно стремиться верующему, — Царство Божие. Примечательно, что первая заповедь в Новом Завете наставляет верующих не заботиться о завтрашнем дне, а также о пище и одежде, поскольку тленное богатство препятствует искреннему общению с Богом. Скопленное богатство является

неверностью Богу, обидой на ближнего своего, следовательно, всякое богатство в христианском мировоззрении предстает несправедливым и признается тяжелым бременем, затрудняющим вхождение в Царство Небесное. Этим объясняются щедрые пожертвования и милостыни в христианской традиции. Коль скоро Новый Завет пестрит негативными суждениями о богатстве, то ярко маркированная положительная коннотация бедности превалирует в нем (Экземплярский, 2013, с. 60–65). Следовательно, ветхозаветные и новозаветные представления о богатстве и бедности зиждутся на основе политического уклада того времени, обрядах, а также преданиях, вобравших в себя пережиток древних церемоний. Наличие здорового скота не осуждалось в Ветхом Завете — наоборот, патриархи, как было указано выше, этим славились и отличались.

Обратимся теперь к индоевропейскому представлению о богатстве. Ю. С. Степанов указывает на то, что в истории индоевропейских народов равноценным средством сравнения имущества и богатства выступал скот (Степанов, 2004а, с. 581). Э. Бенвенист отмечает принципиальную разницу между *rescīnia* и *rescī*, заключающуюся в том, что первое охватывает все возможные способы использования денег, при этом данное слово никогда не относилось к имуществу в виде скота, тогда как второе стало обозначать скот (Бенвенист, 1995, с. 55–56). С. Г. Проскурин приводит аналогию в древнегерманском языке, отмечая, что древнегерманский коррелят — др.-англ. *feoh* — преимущественно относился к богатству, благополучию.

Изначально в др.-англ. *feoh* использовался по отношению к богатству вообще или движимому имуществу, и лишь изредка, во втором значении, это слово стало употребляться по отношению к такой форме движимой собственности, как скот. Одним из аргументов в пользу данной гипотезы служит рунический алфавит (старший футарк). Алфавит по существу является кодом и вместе с тем выступает как некоторый текст, где имена букв, предшествующих тексту, вступают в нем в новые ассоциации, образуя значимые синтагмы — словосочетания. В германистике высказывалось мнение, что, например, в готском алфавите примером синтагм — словосочетаний является последовательность имен 23-й и 24-й букв: *fe enguz* или **faihu* **iggws*, что копирует индоевропейскую формулу — «скот — люди». Эта синтагма является в готском бинарным словосочетанием (биномом), т. е. обозначением движимого имущества, передающим экономическое понятие собственности индоевропейских народов. Одной из семантических сфер рунического алфавита является название «скота, имущества»: [*f*] *fe* **faihu* 'скот, движимое имущество', др.-англ. *fe*, *fech*, *feoh*;[o] *utal*, **ōpal* 'наследственное имущество', др.-англ. *ōpal*, *epel* "homestead, fatherland, one's own residence or property, inheritance, country, realm, land, dwelling, home", 'наследуемое имущество' (Степанов, Проскурин, 1993, с. 57).

Таким образом, С. Г. Проскурин приходит к выводу, что понятие «богатство, стоимость» выступает источником номинаций «денег», тогда как единицы измерения стоимости и богатства не порождают концепт СТОИМОСТЬ как таковой, это и проливает свет на неисчисляе-

мый характер лексемы *money*, так как база концепта — «богатство» вообще, а не отдельные его составляющие (Проскурин, 2013, с. 186 — 189). Термин «деньги», как пишет Ю. С. Степанов, однако, не имеет единого индоевропейского обозначения

Нем. *Geld*. Ср. р. «деньги» восходит к прагерм. **geld-a-* «расплатиться» и, таким образом, означает «чеканеное средство для платежей» (Kluge F. Etymolog. Wörterbuch der deutschen Sprache, 22. Aufl., völlig neu bearb. von E. Seebold. Berlin; N. Y.: De Gruyter, 1989, S. 254). Фр. *argent* муж. р. В первом значении означает «серебро». Англ. *money* в том же значении «деньги» восходит к лат. *monēta*, к которому с другой стороны возводится рус. *монета*» (Степанов, 2004а, с. 581).

Деньги предстают объект-символом и обязательным объект-посредником развитых товарных обменов. Для обращения ценных объектов в деньги необходимо разделить членами обществ, ведущих между собой торговлю, «воображаемую» стоимость этого объекта, поскольку деньги не существуют без «силы закона». Следовательно, деньги должны содержать в себе присутствие высшей силы и быть отмеченными символами власти, что, например, и объясняет напечатанное упоминание о библейском Боге на долларе (Годелье, 2007, с. 204 — 205).

4. Общие представления о Боге, Духе и Душе в поэме *Instructions for Christians*

Христианские чаяния в отношении греховности и праведности побуждают верующих к нахождению пути, ведущего к истинному Богу. Так, Яхве, представ в человеческом существе Аврааму в дубраве Мамре, озаменовал собой явление священного в человеческом облики. В тексте древнеанглийской поэмы также освещается идея поиска места, где можно найти Бога. Сказано (строка 205), что верующим нет необходимости искать это место по всему миру, достаточно лишь встать на путь нравственный, веря в Творца, ища его в себе: *forþon geond eall is eorðan rices, heofon-rices gast, hafað þe ðe God wile* («ибо Дух Царства Небесного находится во всех земных владениях и хранит тех, кого пожелает Бог»). Подобная идея ранее встречается и в платонизме, отражаясь затем в религиозной концепции блаженного Августина, который считал, что Бога надлежит искать в собственном разуме. Так, в своих трудах, повлиявших на развитие и становление западной философии и западного христианства, предвосхищая Декарта, он подчеркивает значимость постижения себя и опыта сомнения с точки зрения основы уверенности. Душа же усматривается в рамках этого учения с позиции трех свойств, составляющих одну жизнь, один ум и одну сущность; следовательно, память, понимание и воля равнозначны познанию, самопознанию и любви. Рассматривая образ Бога в авраамической традиции, необходимо подчеркнуть роль официальных доктрин с позиции принятия загадочности божественной сущности (Армстронг, 2015, с. 88 — 103).

Семиотическое разграничение «души» и «духа» обнаруживается и в тексте древнеанглийской поэмы, где эти понятия имеют следующие обозначения: *heofon-rices gast* «Дух Царства Небесного», *saul* «душа», *halga gast* «Святой Дух», *gast* «дух».

Ю. С. Степанов указывает, что концепт ДУША не синонимизируется с концептами ДУХ, СОЗНАНИЕ и ЛИЧНОСТЬ, но тесно соприкасается с ними.

Эти русские и общеславянские слова принадлежат к семье слов от и.-е. корня *dheys-// *dhus- «разлетаться, рассеиваться (об искрах, пыли, дыме), а также о дыхании (Pokorny, 268–270). В ст.-сл. имеется еще и *дѣхъ* «дыхание, запах», а в ст.-сл. и др.-рус. глаголы *дѣхнѣти* «дохнуть, дыхнуть», *дѣхати* (ст.-сл.), *дыхати* (др.-рус.). Слово *духъ* представляет тот же корень, что и *дѣхъ*, но в полной ступени гласного, и значит «дуновение, ветер; испарение; дух, жизненное начало; дух, бесплотная сущность» (Срезневский, I, стлб. 748). Слово *душа* произведено от *духъ* (**dux-i-a*). *Духъ* — слово муж. р., а *душа* — жен. р., и в соответствии с общим правилом индоевропейской грамматики, первое означает нечто основное и доминирующее, а второе, женский род, нечто производное, частное и подчиненное (Степанов, 2004а, с. 737–738).

Подобное разграничение на сущность мужского и женского рода и пола имеет место и в латинской традиции, где *anima* — жен. р. «душа», а *animus* — муж. р. «дух» (Там же, с. 738). В христианской традиции под «душой» подразумевается личность человеческая, тогда как под «духом» понимается частица Бога в человеке. В христианской концепции тело — смертная плоть (ср: 1Кор. 15:44–50), тогда как тело духовное — образ духовного. Дух впадает в беспокойство (2 Кор. 2:13 и 7:5), так же как тело преображается (Рим. 7:6 и 7:22–23, 12:2), противостоит смерти (ср. 8:4–9, 23 и 2 Кор. 4:10–11, 16). Следовательно, по отношению к Христу плоть, тело, дух и душа совпадают. Тело принимает вид жилища (согласно 1 Кор. 3:9 и 2 Кор 5:1), поскольку человек сам себе телесно не принадлежит (Кирсберг, 2003, с. 82–85).

Понятия «души» и «духа» свойственны не только христианству, подобные представления находят свое место и в верованиях австралийских аборигенов. Э. Дюркгейм отмечает, что нет известного науке общества, где бы не присутствовали коллективные представления, связанные с душой и отождествляющие напрямую душу и тело. Душа в таких представлениях отделена от тела, обычно во время сна и обморока, однако она связана с телом. Так, немощь тела передается душе, поскольку душа распространена во всем теле, однако она наделена еще и идеей личности, если принимать во внимание философию Г. В. Лейбница и И. Канта. Дюркгейм приходит к выводу, что не существует корреляции между душой, странствующим существом, и духом, обладающим действительной силой, поскольку душа имеет лишь одно влияние на тело, оживляя его, тогда как дух воздействует на все, к чему приближается. Этим объясняется порождение злых духов в сознании человеческом, так как невзгоды, болезни, беды и т. п. стало возможно объяснять дей-

ствием сверхъестественных злых сил в рамках религиозного концепта, поскольку именно религиозное начало рассматривалось как источник жизни, а все события, затрудняющие и уничтожающие жизнь, приписывались ему. Следовательно, такое понимание духа указывает на значительное развитие процесса индивидуализации религиозных сил. Рассматривая общую концепцию появления и функционирования душ, Дюркгейм приходит к выводу, что духи предков — сущности, призванные объяснить появление индивидуальных душ, тогда как души — форма, принимаемая в отдельных телах, обнаруженных в основе тотемизма (Дюркгейм, 2018, с. 421, 423, 466, 471, 472, 483, 484, 504, 505).

Вернемся снова к христианскому пониманию проблемы. Иисус, согласно первому христианскому автору и основоположнику христианства как религии, апостолу Павлу, сменил Тору и стал главным самооткровением Господа перед миром.

²⁷ дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас, ²⁸ ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род». ²⁹ Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого (Деян. 17:27–29).

В мистических представлениях апостола Павла воскресший Иисус занимает относительно Бога низшее положение, даже несмотря на то что Господь возвеличил Его и наградил «в славу Бога Отца» званием *Кириос*. Это отражается в широко известном среди первых христиан, имевших сугубо иудейские представления о Боге, мнении о том, что Иисус изначально был наделен предшествованием в Боге, и только затем решил разделить страдания на грешной земле, став человеком через *кенозис*, «самоуничтожение» (Армстронг, 2015, с. 103). Примечательно, что и в тексте *Instructions for Christians* отмечена иерархия, где лексема *drihten* «Господь» прописана со строчной буквы, тогда как *God(d)* с прописной.

Замечаем расхождения в именовании Бога и в Книге Бытия: в Яхвисте Он неизменно называется *Яхве*, тогда как в Жреческом кодексе божество именуется как *Элохим*. В английском и русском синодальном переводе Библии эти имена передаются как «господь» и «бог». В тексте древнеанглийской поэмы *Instructions for Christians* также представлены вариативные обращения к Богу: *ece God* «вечный Бог», *metod* «Творец», *heofan (heofon) kyning (heofon-kyninges)* «Царь Небесный», *Crist* «Христос», *weroda Godd* «Бог Саваоф», *drihten* «Господь», *ealmihtig (æلميhtig) Godd (God ealلميhtig)* «всемогущий Бог», *لميhtig drihten* «могущественный Господь», *لميhtig Godd* «могущественный Бог», *fæder alلميhtig* «Отец всемогущий», *God on heofonum* «Бог на небесах», *sygora wearde* «Хранитель побед», *God* «Бог», *drihten Godd* «Господь Бог», *sige-drihten* «Господь побед», *drihten hine fæderlice* «Господь, как Отец», *weroda drihten* «Господь Саваоф», *weroda wuldor-kyning* «Блаженный Царь воинств», *sigora God* «Бог побед»,

lifes frumon «Творец жизни», *frea ealmihtig* «Господь Всемогуший», *þeoda wealdend* «Правитель народов», *heah-cræftiga heofonas and eorðan, weoruldes waldend, wæteres and lyfte, and eac ælra þæra þe ðær on winniað* «Создатель неба и земли, Правитель мира, воды и воздуха, а также всего, что в них обитает», *kyning cwycra gehweas* «Царь всего живого», *mild-heort Crist* «Христос милосердный», *filius dei* «Сын Божий». Отметим, что такая разница в написании одной и той же лексемы в одном тексте объяснена свободой в орфографии того времени.

Интересны также лексемы, обозначающие общий христианский характер: *Godes riche* «Царствие Божье», *ende-dæg* «последний день», *hell* «ад», *domes dæg* «Судный день», *eorð-ric* «земное царство», *feondes larum* «советы демонов», *lað* «злодеяния». Дьявол в поэме именуется напрямую *deofol*, что нехарактерно для поэмы древнеанглийского периода. Вероятно, это связано с общим суеверным представлением не упоминать всуе потусторонние силы во избежание беды. Примечательно, что наряду с прямым обозначением смерти *diæð* (*diað*) в текст вкраплен эвфемизм *forð-sið*, буквально означающий «поездка вперед».

Древнеанглийская поэма завершается отсылкой к завету апостола Павла, подчеркивающему основную идею новой зародившейся христианской веры (строки 257 – 265) (табл. 4).

Таблица 4

Вера, надежда, любовь

Строка	Instructions for Christians	Наказ для христиан
256	Undergyte ðu þis geornlice æfre þæt sigefæste weogas syndon ealle þreo heonan to heofonum, swa us se halga wer and se apostol Paulus gekydde.	Всегда знай, что отсюда на небо есть всего три победоносных пути, как святой человек и апостол, Па- вел, возвестил нам.
260	An is geleafa, and lufu oðer, þridde is to hope þam ðe eallunga to þam uplican hame efestlice geþen- cað. Gefylste us, <i>filius dei</i> , þæt we to þam eared becumon mo- ton. Amen.	Первый есть вера, второй — лю- бовь, третий — надежда тех, кто всецело и ревностно стремится к небесному дому. Да поможет нам Сын Божий, дабы нам было позво- лено прийти в эту небесную оби- тель. Аминь.

Семиотическая формула «вера, надежда, любовь» предполагает наличие двух актантов: один верит, значит, другой внушает ему доверие; один надеется, а другой подает надежду, один любит, а значит, другой вызывает к себе любовь. Взаимосвязь между этими двумя актантами представляет собой ситуацию договора или некоего соглашения, поскольку один актант подразумевает существование другого. Иными словами, христианская формула «Вера, надежда, любовь» образует замкнутый круг общения между актантами (Степанов, 2004б).

Верующие надеются (уповают) на того, кому верим, а верные и надежные партнеры вызывают привязанность и любовь. Верность (вера) предполагает или даже подразумевает надежность (надежду). В характеристике человека «верный» и «надежный» являются синонимами. Направленность действий в круге общения может быть обратной, когда любящий верит и надеется, а может и быть обоюдной, когда оба актанта взаимно верят, надеются и любят. При этом возникает вектор высказывания: от первого актанта ко второму, от второго — к первому, а иногда — в обе стороны, обоюдно. В круговороте общения вектор высказывания может меняться, при этом актанты как бы меняются ролями. Однако формула остается по структуре матрицей, поскольку, например, может меняться ее матричная доминанта (ср. формулу с перестановкой в названии книги Grün: «Glaube. Liebe. Hoffnung» — «Вера. Любовь. Надежда»). Управляющий смысл — надежда. Итак, более высокий порядок достраивается на более низком — порядке иерархических ценностей (Проскурин, Харламова, 2007, с. 180).

Следовательно, иконичность семиотической формулы «faith (belief), hope, charity (love)» выражается принципом последовательности, который объясняется порядком упоминания компонентов данной христианской формулы, то есть сначала идет вера во Христа, затем следует надежда на спасение души, и только потом надежда перерастает в любовь — непреходящую христианскую добродетель. Замкнутый круг в виде опирающихся друг на друга надежду, веру и любовь, толкуется с позиции христианской любви, являющейся средой для существования веры и надежды, условием их слияния и взаимосвязи (Проскурин, 2013, с. 86). «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа со всеми вами. Аминь» (1 Кор. 13:13).

5. Заключение

Для литературных целей определяющей характеристикой англосаксонской культуры является слияние двух противоположных направлений — военной культуры германских народов, вторгшихся в Британию в V веке, и средиземноморской учености, принесенной христианами миссионерами в конце VI века. Коль скоро ирландские миссионеры распространяют христианские постулаты, учение об основных истинах христианской веры и Священного Писания начинает накладываться на языческую куртину мира.

Анализ древнеанглийской поэмы *Instructions for Christians* определил основные положения раннехристианской англосаксонской традиции. Так, поэма заключает в себе свод нравственных наставлений, напоминающая о важных событиях Ветхого и Нового Заветов. Текст поэмы расшит основными христианскими идеями, такими как важность передачи своей собственности Богу, соблюдение молитвенных чтений, умеренность в еде и питье, необходимость очищения от грехов, а также отказ от греховной жизни. Подчеркивается роль восхваления Бога и отказа от дьявола. Однако текст поэмы пронизан отличительной трактовкой наказа для христиан с позиции социального неравенства. Так, автор текста, перемешивая сюжеты Ветхого и Нового Заветов, не считает, что

принадлежность к высокому статусу ограничивает возможность вхождения в Царство Небесное, поскольку милосердие, проявленное ко всем людям одинаково, а также милостыня и избегание награбленного добра ведут к вечному блаженству. Следовательно, переплетение библейских сюжетов в канве поэмы показало выдержанную общую религиозную концепцию поклонения божеству, выражающаяся в очищении себя от греха.

Отметим, что текст поэмы богат лексемами, выражающими акт дарения и получения дара, наименование Бога, Христа и злых сил, а также определяющими общие семиотические представления в области общих христианских и иудейских концептов ДУХА, ДУШИ и ТЕЛА. Древнеанглийская поэма завершается значимой христианской семиотической формулой «вера, надежда, любовь», которая постулирует важный порядок для верующих, заключающийся в слиянии всех иконичных компонентов, определяющих концепт ВЕРЫ ВО ХРИСТА.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №22-28-01712) «Неоязычество в художественных практиках современной России: этнокультурные рецепции, коммуникативные технологии, ценностные основания».

Список литературы

- Армстронг К. История Бога. 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе. М., 2015.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских терминов. М., 1995.
- Годель М. Загадка дара. М., 2007.
- Дрейн Д. Путеводитель по Ветхому Завету. М., 2003.
- Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М., 2018.
- Кирсберг И. В. Феноменология жизни: Ветхий Завет и первые христиане. М., 2003.
- Проскурин С. Г., Харламова Л. А. Семиотика концептов. Новосибирск, 2007.
- Проскурин С. Г. Курс семиотики. Язык, Культура, Право. Новосибирск, 2013.
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М., 1993.
- Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004а.
- Степанов Ю. С. Протей: Очерки хаотической эволюции. М., 2004б.
- Фрэнсис Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1989.
- Экземплярский В. И. Учение древней Церкви о собственности и милостыне. Краснодар, 2013.
- Armstrong K. Jerusalem: One City, Three Faiths. N. Y., 1997.
- Flower R. Laurence Nowell and a Recovered Anglo-Saxon Poem // British Museum Quarterly. 1934. Vol. 8, №4. P. 130–132. doi: 10.2307/4421620.
- Fulk R. D., Cain C. M. A History of Old English Literature. Chichester, 2008.
- Ker N. R. Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford, 1957.
- Old English Shorter Poems / ed. and transl. by C. A. Jones. Harvard, 2012.
- Rosier J. L. Instructions for Christians // Anglia-Zeitschrift für englische Philologie. 1964. Vol. 1964 (82). P. 4–22.

Об авторе

Анна Вячеславовна Проскурина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков гуманитарного факультета, Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-9026-2511

Для цитирования:

Проскурина А. В. Анализ и перевод древнеанглийской поэмы *Instructions for Christians* в контексте христианской традиции // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 140 – 157. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-8.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ANALYSIS AND TRANSLATION
OF THE OLD ENGLISH POEM *INSTRUCTIONS FOR CHRISTIANS*
IN THE CONTEXT OF THE CHRISTIAN TRADITION

A. V. Proskurina

Novosibirsk State Technical University
20 Karla Marksa St., Novosibirsk, 630073, Russia

Submitted on 20.12.2022

Accepted on 11.09.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-8

An Old English poem, preserved in a copy of the 12th century, *Instructions for Christians*, consisting of 265 lines, is considered through the prism of the explication of the theme of moral instructions in the Old English tradition. The poem, along with other Old English sermons and Christian poems, represents the suggestion of moral rules regarding early Christian life, being a set of orders for believers. This article provides the author's translation of the contexts of the poem *Instructions for Christians*. The problem of studying the phenomenon of instructions and the representation of the indisputable position of faith in the ancient culture of the Anglo-Saxons is posed. The overall goal and objectives of the study determine the complex nature of the traditional methods used for philological analysis of texts and the semiotic approach to texts. The analysis of the Old English text showed the interweaving of plots of the Old and New Testaments, reflecting opposing views on poverty and wealth, sacrifices, acts of gift and exchange. Issues related to the deeds of the Old Testament prophets and the New Testament Apostle Paul are highlighted in the context of the analyzed material. The work provides a list of variant addresses to God which are used in the poem, which indicates a developed Christian tradition in the Old English period, and also notes the direct name of the devil, which is usually absent in the texts of this period.

Keywords: *Instructions for Christians, wealth, poverty, semiotic formula 'Faith, Hope, Love'*

The research was supported by RSF (project No. 22-28-01712) "Neopaganism in the artistic practices of modern Russia: ethnocultural receptions, communicative technologies, value foundations".

References

- Armstrong, K., 1997. *Jerusalem: One City, Three Faiths*. New York: Ballantine Books.
- Armstrong, K., 2015. *Istoriya Boga. 4000 let iskanii v iudaizme, khristianstve i islame* [A History of God. The 4000-year Quest of Judaism, Christianity and Islam]. Moscow (in Russ.).
- Benveniste, É., 1970. *Slovar' indoevropeskikh terminov* [Le vocabulaire des institutions indo-européennes]. Moscow (in Russ.).
- Drey, D., 2003. *Putevoditel' po Vekhomu Zavetu* [Guide to the Old Testament]. Moscow (in Russ.).
- Durkheim, E., 2018. *Elementarnye formy religioznoi zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Les Formes élémentaires de la vie religieuse Le Système totémique en Australie]. Moscow (in Russ.).
- Ekzemplarskiy, V.I., 2013. *Uchenie drevnii Tserkvi o sobstvennosti i milostyne* [The teaching of the ancient Church on property and alms]. Krasnodar (in Russ.).
- Flower, R., 1934. Laurence Nowell and a Recovered Anglo-Saxon Poem. *British Museum Quarterly*, 8 (4), pp. 130 – 132, <https://doi.org/10.2307/4421620>.
- Frazer, J.G., 1989. *Fol'klor v Vekhomy Zavete* [Folk-Lore in the Old Testament]. Moscow (in Russ.).
- Fulk, R.D. and Cain Christopher, M.A., 2008. *History of Old English Literature*. Chichester: John Wiley & Sons.
- Godelier, M., 2007. *Zagadka dara* [L'énigme du don]. Moscow (in Russ.).
- Jones, C., ed., 2012. *Old English Shorter Poems*. Harvard: University Press.
- Ker, N.R., 1957. *Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon*. Oxford.
- Kirsberg, I.V., 2003. *Fenomenologiya zhizni: Vekhii Zavet i pervye khristiane* [The Phenomenology of Life: The Old Testament and the Early Christians]. Moscow (in Russ.).
- Proskurin, S.G. and Kharlamova, L.A., 2007. *Semiotika kontseptov* [Semiotics of Concepts]. Novosibirsk (in Russ.).
- Proskurin, S.G., 2013. *Kurs semiotiki. Yazyk, Kul'tura, Pravo* [Semiotics Course. Language, Culture, Law]. Novosibirsk (in Russ.).
- Rosier, J.L., 1964. Instructions for Christians. *Anglia-Zeitschrift für englische Philologie*, 1964 (82), pp. 4 – 22.
- Stepanov, Yu.S. and Proskurin, S.G., 1993. *Konstanty mirovoi kul'tury. Alfavit i alfavitnye teksty v period dvoeveriya* [Constants of the world culture. Alphabets and alphabetic texts in the period of double faith]. Moscow (in Russ.).
- Stepanov, Yu.S., 2004a. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Dictionary of Russian culture]. 3d ed. Moscow (in Russ.).
- Stepanov, Yu.S., 2004b. *Protei: Ocherki khaoticheskoi evolyutsii* [Proteus: Essays on Chaotic Evolution]. Moscow (in Russ.).

The author

Dr Anna V. Proskurina, Associate Professor, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: a.vyacheslavovna@gmail.com

To cite this article:

Proskurina, A.V., 2024, Analysis and translation of the Old English poem *Instructions for Christians* in the context of the Christian tradition, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 140 – 157. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-8.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

**ПЕРЕВОД ЛИТЕРАТУРЫ АБСУРДА
КАК ПРИМЕР КУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА
(«СЛУЧАИ» ДАНИИЛА ХАРМСА НА КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**

Г. Г. Гиздатов, С. К. Ким

Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана,
Казахстан, 050026, Алматы, ул. Муратбаева 200
Поступила в редакцию 21.02.2023 г.
Принята к публикации 10.10.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-9

Рассмотрены семиотические аспекты теории культурного трансфера, перевода и (не)перевода (комментарий переводчика). Дискурсивные и интерпретативные концепции преобразования оригинального текста во вторичный текст (рецепция, интерпретация, культурный трансфер и/или художественный перевод) выявлены в их взаимосвязи. Анализ литературного перевода текстов Даниила Хармса определен как процесс, в котором выражается социальная и эстетическая практика переводчика и читателя на уровне создания и восприятия вторичного текста. Художественный перевод, позволяющий представить авторскую идеологию и эстетику произведений писателя, последовательно проанализирован как лингвокреативная деятельность переводчицы Ким Чжонг А. Впервые на материале переводов «Случаев» Д. Хармса на корейский язык выявлены способы культурного трансфера эстетики абсурда в иноязычной культуре. Способы реализации переводческой транскреативности описаны на примерах конкретных переводческих решений в паре русский язык – корейский язык. Определены реальные и возможные способы передачи эстетики литературы абсурда в современной переводческой практике.

Ключевые слова: абсурд, интерпретация, лингвоэстетика, рецепция, комментарий, корейский язык, культурный трансфер, перевод

Возможные преобразования исходного текста в иной культуре определяют саму возможность принимающей культуры уловить идеологию и эстетику оригинального текста. К подобным формам относятся рецепция, интерпретация, культурный трансфер и/или художественный перевод, (не)перевод, которые всегда взаимосвязаны и взаимообусловлены. Для всех этих культурных преобразований важна передача базовой и дополнительных идей исходного текста при условии: «Художественный текст... можно рассматривать в качестве особым образом устроенного механизма, обладающего способностью заключать в себе исключительно высоко сконцентрированную информацию» (Лотман, 1970, с. 360). Закономерно, что художественный перевод как одна из форм культурного трансфера невозможен без интерпретации текста — это его основная процедура. Среди близких к заявленному положению выделяются концепции, в которых переводческая практика представлена с позиций дискурсивной семиотики (Автономова, 2017; Гаспаров,

1971). При этом интерпретация исходного текста в переводе редко бывает представлена в соотношении с дискурсивной практикой (Гиздатов, Алдабергенова, 2021). В работах по теории художественного перевода модель перевода как социального и эстетического явления оказалась на периферии: «Социологическое и когнитивное направления исследований переводческой деятельности долгое время уступали место сравнительному лингвистическому анализу текстов оригинала перевода, цель которого заключалась в том, чтобы установить степень семантической, в лучшем случае стилистической эквивалентности между исходным сообщением и сообщением, рожденным в результате переводческой деятельности» (Гарбовский, Костинова, 2018, с. 24). Но стоит напомнить, что еще в 1971 году М. Л. Гаспаров в статье «Брюсов и буквализм» выступил против активно бытовавшего в тот период и закрепившегося в современной научной практике мнения о существовании только одного, единственно верного подхода, который может привести переводчика к успешному результату в виде «идеального», «реалистического» или максимально «полноценного» перевода. Ученый утверждал, что методы перевода со временем могут изменяться в зависимости от ориентации на автора или на аудиторию, а также в связи с естественными изменениями в языке оригинала и переводческом языке, и в этом случае перевод выступает как мост между точностью и максимальной смысловой доступностью для читателя (Гаспаров, 1971, с. 102).

Тем не менее развитие концепций перевода по-прежнему во многом обусловлено обсуждением понятия эквивалентности, которое к концу XX — началу XXI века в переводоведении стало навязываемым условием. В этой связи необходимо указать на интерпретативную теорию перевода, разработанную Даницей Селескович и Марианной Ледерер (см.: Прунч, 2015, с. 127). Авторы этой теории формируют современную концепцию, базирующуюся на необходимости учитывать все компоненты ситуации, в которой ведется коммуникация, с целью выстраивания комплексного и полноценного понимания смысла. В свою очередь параметры анализа текста, разработанные Е.Я. Таршисом, на наш взгляд, могут выступать реальными критериями оценки работы переводчика и (не)состоявшегося трансфера. Выявленные им элементы текста системно и полно представляют уже возможные направления анализа перевода: 1) субъект (создатель) текста; 2) мотив и интенция создания; 3) цель (ориентация на эффект воздействия); 4) замысел (определяющий предмет и другие элементы текста); 5) материал: материя (звук, буквы), референтные объекты — тексты культуры, события, действия людей, сообщения о событиях и др.; 6) средства: естественные и другие языки, формальные элементы (схемы) создания текста (жанр, сюжет); 7) последовательность действий, операции (элементы процесса производства текста) (Таршис, 2014, с. 42). Большей частью эти критерии будут использованы по отношению к анализу переводов текстов Д. Хармса с русского на корейский язык.

Что подразумевается под исследованием перевода, «погруженного» в дискурсивную практику? Речь идет об анализе перевода, из которого

можно «вытащить» социальную и эстетическую практику переводчика и читателя на уровне создания и восприятия вторичного текста. Переводчик не может не учитывать дискурсивный компонент перевода в процессе принятия решений. Н. С. Автономова в ходе работы над переводами франкоязычных текстов предлагает ряд внутренних наблюдений, выраженных в форме переводческих размышлений, в которых практический перевод все больше и больше «отказывается от однозначных решений», в том числе в отношении давнего объекта споров и дискуссий — вопроса о переводимости (Автономова, 2017, с. 494–495). В свою очередь, как показывает дискурсивная практика, (не)переводимость — относительное понятие, которое должно рассматриваться отдельно для каждого случая перевода в зависимости от множества факторов, в том числе и от того, какой диалог складывается у автора и переводчика.

Данный подход обладает экспланаторным эффектом, он также коррелирует с пришедшей из литературоведения оценкой переводного текста как интерпретации. Этапы работы переводчика в рамках дискурсивной социальной практики столь же очевидны: «Парадоксальность работы переводчика с текстом состоит в том, что расчлененный образ, зафиксированный в тексте средствами исходного языка, необходимо собрать воедино в живую картину — и расчленить заново, но уже средствами целевого языка, большей частью не симметричными средствами языка исходного. Самое существенное состоит в том, чтобы результат такого двойного расчленения смог вновь “ожить” в восприятии читателя переводного текста, сохраняя, насколько это возможно, свою идентичность» (Кашкин, 2021, с. 6). При этом создаваемое переводчиком произведение может оказаться самостоятельным в понимании воспринимавшей культуры. Для решения задач, связанных с дискурсивным характером художественного перевода, переводчик совершает ряд операций на основе отбираемых стратегий, выбор которых, с одной стороны, может казаться произвольным, а с другой — обусловлен как нормами и спецификой принимающей культуры, так и индивидуальными приоритетами переводчика.

В отношении степени участия языковой личности переводчика в повышении степени креативности и художественности литературного текста целесообразно сослаться на тезис Н. К. Гарбовского. Опираясь на распространенное в переводческой практике соотношение «перевод — смысл», он также отмечает важность соотношения «общее — частное» и в связи с этим считает, что переводчик не проникает непосредственно в суть вещей, представленных в оригинальном (исходном) тексте, но оперирует отраженным объектом, сталкиваясь с сознанием автора: «С этой точки зрения процесс перевода представляется как ряд уровней, на каждом из которых переводчик воспринимает и переосмысливает вложенный в значение текста индивидуальный опыт автора, а затем, пропуская его через собственный опыт, выдает текст перевода, в котором уже содержится собственное представление переводчика» (Гарбовский, 2010, с. 111).

В свою очередь собственное представление переводчика в первую очередь выражается в лингвокреативном аспекте переводческой практики, оно подразумевает как принципы многовекторности, мультивариантности и нарочитого отклонения от общепринятых норм, так и собственное проявление языкового творчества. Многое из обозначенного относится к сфере (не)перевода. Тематическая полнота и риторическая состоятельность перевода решаются в этом случае через переводческие трансформации. Посредством трансформаций — логических приращений — одновременно возможны сохранение и подрыв нарративных структур, преодоление культурологических ловушек или, наоборот, попадание в них. В этом случае мы имеем дело со вторичной креативностью или транскреативностью. Лингвистическая креативность переводчика рассматривается нами в контексте спорного соотношения между «идеальным» и реальным вкладом переводчика в процесс переноса смыслов художественного текста. Сам термин «лингвокреативное мышление», как отмечает В. Фещенко (Фещенко, 2020, с. 46), начинает свое существование в 1980-х годах. Если обратиться к более подробному рассмотрению сущности лингвокреативности, или языкового творчества, то, очевидно, стоит определять ее как умение или сознательное стремление отходить от устоявшихся стандартов создания текстов с целью создания форм более непривычных и требующих внимательного рассмотрения, как бы «пристального взглядывания и вслушивания». В нашем же случае, когда автор намеренно отступает от общепринятых норм словотворчества и реализует словесные эксперименты с формами и смыслами, как это происходит с литературой абсурда, переводчик неизбежно оказывается перед непростым выбором. Ему предстоит либо опираться на гипотетические представления о якобы являющемся наилучшим из вариантов и в целом о возможном достижении эквивалентности, либо апеллировать к концепции вариативности. Лингвокреативный аспект переводческой деятельности позволяет обратиться к переводческой практике в измерении, свободном от плоского деления на «эквивалентное» и «неверное»; как следствие, он предусматривает многомерность процесса и отсутствие эталонности в его результатах. Подбор средств выразительности, который автор совершает в момент первичного творчества не исключает необходимости подбора таких средств (помимо поиска аналогов) в момент продуцирования текста перевода. Иными словами, речь идет уже не просто о диалоге автора и переводчика, а о полилоге — поскольку в беседу вступает сам текст, который затем обретает объем и разноплановость.

Трансфер эстетики абсурда на материале текстов Д. Хармса в социокультурном пространстве современной Южной Кореи состоялся в большей степени через перевод, чем через рецепции или иные формы культурного влияния, в том числе с неизбежными элементами (не)перевода (комментарий переводчика). Изначально укажем, что абсурд для Даниила Хармса — игровое поле в идеологии и эстетике, в котором есть жизненное пространство и время. Но при этом бытийный абсурд в эстетике писателя становился тем самым трансформационным механизмом преобразования и перехода из обыденной сферы в сферу но-

вую и неожиданную, представленным с присущей автору иронией и сознательно разыгрываемым простодушием. Как замечает исследовательница абсурда: «Пародия, карикатура и пробел — жанры, в художественном смысле значительно повышающие абсурдность символистских текстов путем нарушения законов логики и эксплицирующие в метафизическом смысле абсурд как особый модус бытия — негативную реакцию на синтетическую завершенность бытия» (Буренина, 2015, с. 143). Закономерен вопрос: как все обозначенное осуществляется в переводческой практике? Таким же вопросом уже по отношению к возможному трансферу задавалась переводчица романа Павла Залыцмана Кристиана Кёрнер: «Как приблизиться, путем перевода, к архитектурной конструкции такого текста? Для этого нужен весомый читательский багаж — включающий, скажем, экспрессионистскую прозу или переводы Хлебникова и Хармса на немецкий; ...тут должен, при всей самоотверженности переводчика, присутствовать и наступательный задор, чтобы “вновь и вновь противостоять любым притязаниям на однозначность” — поскольку то толкование, которое претендует на окончательность, гасит искру субверсивности, являющуюся неотъемлемой частью литературы» (Кёрнер, 2017). По всей видимости, по отношению к практике перевода Д. Хармса на корейский язык можно говорить только о начале того трансфера, когда в переводе язык Даниила Хармса предстает «материальным объектом, который можно фрагментировать, перемещать, свести к нулю» (Гройс, 2022, с. 180). Заметим также, что интересы корейских читателей в отношении русской литературы только начинают формироваться. Отмечается тенденция переводить только тех авторов, чьи произведения уже знакомы корейским читателям по переводам на другие языки (английский, французский, немецкий). Так, около 90 % из почти тысячи произведений, переведенных с русского на корейский за 1990—2015 годы, составляют произведения XIX—XX веков: романы Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, произведения А.С. Пушкина, И.С. Тургенева и др. (Миры русского перевода, 2018). Особняком стоит первый и единственный перевод «Случаев» и рассказов Даниила Хармса на корейский язык, выполненный в 2004 году переводчицей Ким Чжонг А (Kim Jong A, 2004).

При анализе трансфера текстов с высокой степенью оригинальности подход к переводу должен достигать уровня многоступенчатости и проявления языковой личности переводчика как вторичного автора. В данном же случае от переводчика и возможного читателя объективно трудно ожидать полного понимания соотношения сюрреального и реального в советской действительности. Основную трудность для переводчиков, особенно если речь идет о носителях корейского языка и культуры, представляет работа с переносом не только реалий, но и образных, творческих оборотов речи, зачастую наполненных переносным смыслом, иронией или складывающихся в языковую игру. Например, перевод метафор из русского в корейский язык может базироваться на переносе образов, которые предлагает оригинал или же предполагать низкий уровень прагматической эквивалентности. Тем не менее и это решение может быть оправдано тем, что в данном процессе важно уде-

лять внимание не столько синтаксическим или лексическим совпадениям, сколько внутреннему содержанию, поэтому выбирать такую форму передачи, которая не исказит основной фоновый смысл. В некоторых случаях метафора переводится точным семантическим заимствованием (иногда включающим еще и использование заимствований с других языков). Например, «бой с тенью» может быть переведен как 쉐도우 복싱 (*shadow boxing*, заимствование с английского), «горячее сердце» — 뜨거운 마음 («сердце» в корейском традиционно обозначается через концепт «душа»). Литературные тропы, включающие метафоры, аллегории, метонимию и другие стилистические и смысловые приемы, могут представлять серьезную трудность при переводе на корейский язык, в котором отсутствуют подходящие эквиваленты или иначе построены узуальные нормы реагирования на разные контексты и ситуации. Именно на этой стадии переводчики на корейский язык зачастую избирают «осторожную», но очень спорную стратегию форенизации, калькирования или другие способы перевода. Примеры использования указанных переводческих приемов можно наблюдать даже на стадии анализа перевода заголовков, в данном случае речь идет о заголовках тридцати рассказов, включенных в сборник «Случаи», (Хармс, 1997, с. 330–361). Так, фамилии и имена героев, с помощью которых озаглавлены десять из тридцати рассказов (рассказы 5, 7, 8, 10, 13, 17, 23, 27, 28, 30) переносятся в принимающий язык с помощью приема транскрибирования, даже в том случае, когда фамилия становится частью омофонной языковой игры («Эй, Камаров! Давай ловить комаров!»). Из оставшихся двадцати рассказов названия четырнадцати (1, 3, 4, 12, 14, 15, 16, 19, 21, 22, 24, 25, 26, 29) переведены полной калькой. Также встречаются единичные случаи применения таких переводческих трансформаций, как добавление (№2 «Случаи», в переводе — «우연한 사건들» / *uyeonhan sageondeul* [Accidental cases]², когда добавляется определение «случайный, незапланированный»; №6 «Оптический обман», в переводе — «착시 현상» / *chaksi hyeonsang* / [Optical illusion phenomenon] с добавлением термина «феномен, явление»); перестановка (№8 «Столяр Кушаков», в переводе — «목수 쿠샤코프» / *moksu kkusyakkopeu* / [Carpenter Kushakoff] — отмеченная в переводе перестановка больше относится к нормам принимающего (корейского) языка, для которого правильным является порядок, при котором сначала ставится фамилия, а потом профессия или должность упоминаемого лица); №10 «Случай с Петраковым», в переводе — «빼뜨라코프에게 생긴 일» / *ppetteurakkopeuege saenggjin il* / [What happened to Petrakoff] — дословно «Петракову случившееся дело»; №20 «Неудачный спектакль», в переводе — «실패로 끝난 연극» / *silpaero kkeutnan yeongeuk* / [Play ended in failure], дословно «Закончившийся провалом спектакль»); конкретизация (№11 «История дерущихся» / на корейском «서로 싸움질하는 사람들의 이야기» / *seoro ssau-*

² Здесь и далее для читателей, не знакомых с корейским языком, дан авторский перевод заголовков на английский язык.

mjilthaneun saramdeului iyagi / [Stories of people fighting with each other] дословно «История людей, которые дерутся друг с другом»), а также опущение (№18 «Суд Линча» — на корейском просто «린치» / rinchi [Lynch] без добавления существительного «суд»). Кроме того, при переводе рассказов из цикла переводчица прибегает к методу переводческого комментария в сносках (добавлены в рассказах 9, 15, 17, 21, 23, 26, 28).

Рассказы и «случаи» Д. Хармса можно отнести, согласно определению Р. Шенка и Р. Абельсона, к текстам общекультурным, выполняющим роль прецедентов в литературе определенного жанра или сообщества (Schank, Abelson, 1995, p. 35). Особое внимание нарративы такого типа получают как формы фиксации событий в индивидуальной и коллективной, исторической памяти. С этой точки зрения обретают особый вес фоновые знания переводчика в отношении общей атмосферы эпохи, в которую создавались переводимые произведения, и тех особенностей порождаемой в тот период прозы, которые не только придают художественным произведениям качества достоверности, но и закладывают имплицитные смыслы на всех текстовых уровнях. Для переводов произведений Хармса на корейский язык, несомненно, представляют собой интерес включенные в текст переводческие комментарии (случаи (не)перевода), демонстрирующие то, насколько переводчица сумела или не смогла погрузиться во внешнее и глубинное в творчестве Хармса, верно ли интерпретировала влияние исторической обстановки на мировосприятие писателя — иными словами, что было отражено, а что упущено, и мог ли перевод «играть» иначе и переноситься в принимающую культуру успешнее, если бы таких упущений не было? Например, в комментарии к переводу «Случая» №9 (Сундук), переводчица отмечает вариативность интерпретации финальной фразы «...жизнь победила смерть...», обращая внимание на то, что данное словосочетание по факту может читаться в обе стороны (не только в значении «жизнь одержала победу над смертью» в связи с отсутствием падежного окончания у зависимого существительного «смерть» в винительном падеже). Потому, по мнению переводчицы, здесь возможно и такое прочтение: жизнь (ее) победила смерть (что), то есть «жизнь была побеждена смертью» (Kim Jung A, 2004, p. 152). В корейском языке сам механизм построения фраз с существительным в винительном падеже организован таким образом, что подобная двойственность не может быть реализована, при этом сам факт указания на данную деталь демонстрирует желание транслятора проникать на уровень многозначности и вариативности смыслов, вступая в дискурсивные отношения с текстом оригинала. Ссылаясь в расширенных комментариях на текст перевода рассказа «Сон» («Случай» №12), Ким Чжонг А также дает оптимально краткую характеристику периода создания цикла (речь об эпохе репрессий), отмечая, что сам Хармс, хоть и не прямо, зарисовал эту эпоху в своих текстах через такие сравнительные образы, как «человек, которого сложили пополам, как лист бумаги, и выбросили в мусор» (Ibid., p. 210). Таким образом переводчица стремится сократить пробелы и подвести корейского читателя к более внимательному и эмпатичному восприятию текста.

В случае, когда речь идет о художественной литературе в жанре абсурда, к задачам переводчика, помимо основных, связанных с трансфером образов и значений в иноязычную и инокультурную читательскую среду, добавляются и задачи по сохранению неуловимой атмосферы смысла в видимой бессмыслице, эффекта нарочитого прерывания нити нарратива, закручивания сюжетной линии в шокирующие неожиданностью узлы и иные лингвокреативные приемы и детали, выделяющие абсурдистские тексты в особый вид экзистенциальной литературы. В процессе перевода художественной литературы переводчик может передавать текст общим кодом, тогда возникает лишь приближенный вариант перевода. Примером может служить способ перевода, с помощью которого реализуется толкование и перенос реплики «Рассказывай!» в случае №8 «Столяр Кушаков». В конкретном контексте фраза «Рассказывай!» выкрикивается в форме скептической реакции (в значении «Мы тебе не верим, что бы ты ни говорил!») на попытки героя доказать собственную идентичность. В переводе на корейский переводчик прибегает к устойчивому выражению «말도 안 되는 소리!» (mal'do an doeneun sori!) которое буквально означает «Звук, недостойный даже для превращения в слова» и используется в идентичной ситуации полного неверия в слова собеседника (Kim Jung A, 2004, p. 150). Как вариант, переводчик в процессе вторичного языкового творчества навязывает тексту свой художественный язык. К такому приему переводчик прибегает, например, при переводе аббревиатуры «кавео» (что означает по толкованию автора «камни внутрь опасно» из рассказа «О равновесии». Здесь переводчица вынуждена сменить способ образования аббревиатур с учетом того, что в корейском языке отдельные буквы никогда не используются самостоятельно, — самой короткой единицей, на которую можно раздробить слово, является слог из двух букв. В результате она изобретает собственное авторское сокращение «돌삼위» (dolsamwi) по первым слогам слов «камень» (돌 / dol'), «глотать» (삼키다 / ssamkhida) и «опасность» (위험 / wiheom). В подобных случаях оригинальный текст подвергается перекодировке. Как следствие, у читателя два варианта: отказаться от понимания этого текста или же методом проб и ошибок убедиться в необходимости создания нового, неизвестного еще ему кода. Интерпретативный подход, возможно, и не является новым по сути, но это единственно возможный способ преодоления переводческих трудностей.

Взгляд на творчество писателя и поэта Д. Хармса в корейской культуре должен учитывать тот очевидный факт, что многие его читатели и даже исследователи поверхностно знакомы с историей и атмосферой советской литературы абсурда первой половины XX века. Переводчику необходимо помнить об известном «параличе» газетного текста, который использован в эстетике писателя: «Газета, вероятно, и интересует Хармса потому, что она парадоксальным образом воплощает отсутствие памяти культуры, отсутствие имени» (Ямпольский, 1998, с. 11). Так уже в первом же из «Случаев» (рассказе «Голубая тетрадь №10»)

повествование об «одном рыжем человеке» не только не находит пути для развития, но и вовсе «схлопывается» в то, что героя вовсе не было, и потому говорить не о ком. Начинаясь как полубасня, полурепортаж, данная короткая заметка о «ни о ком» построена по принципу спирального спуска из будто бы освещенного помещения в темный подвал отсутствия чего-либо, кроме пустоты и темноты. Структурно такой эффект достигается большим количеством повторяющихся оборотов (как повороты у винтовой лестницы) с фразой «не было»: ни глаз, ни ушей, ни волос... К середине рассказа спираль раскручивается еще сильнее: «...живота у него не было, и спины у него не было, и хребта у него не было, и никаких внутренностей у него не было» (Хармс, 1989, с. 4). Если теперь обратиться к переводу на корейский, можно заметить, что переводчица, с одной стороны, смогла подстроиться под ритм «раскручивания с обрывом в ничто», с другой — сохранила верность узואльным принципам языка перевода. С одной стороны, не были упущены из виду особенности употребления местоимений в корейском языке, роль которых, по сравнению с русским, в переводящем языке намного менее значительна, и при этом их практически полное опущение в текстах — обычная практика. С другой — корейским текстам свойственно не уклоняться от повторений одинаковых сказуемых, стремление избегать дублирования одинаковых частей предложения никак не практикуется. Более того, отрицание глагола «быть (в наличии)», который является сердцевинной оборота «не было» в корейском языке может быть передано не фразой из двух слов (частица отрицания плюс глагол), а только одним глаголом «отсутствовать» (없다 / eopda). В итоге при переводе центральной кульминационной части рассказа мы получаем предложение, сухо констатирующее перечень того, чего у героя «не было», при этом с полной потерей повторяющегося мотива «у него, у него», что приводит к компрессии предложения, заметной невоворуженному взгляду: предложение из 10 слов в тексте перевода против предложения из 25 слов в оригинале (Kim Jung A, 2004, p. 142). Способы существования нарративного дискурса в эстетике Д. Хармса были охарактеризованы М. Ямпольским: «Эта неспособность дискурса быть событием определяет форму многих хармсовских текстов — незавершенность, фрагментарность, неспособность к саморазворачиванию» (Ямпольский, 1998, с. 378). Переосмысление техники повествования при переводе хармсовских текстов предполагает такую же остановку дискурса, остановку смысла.

Целесообразно это показать на примере перевода фрагмента из повести «Старуха» (Хармс, 1997, с. 161–188). При изучении перевода мы не можем полностью прочувствовать, насколько глубоко проникается атмосферой переводчик, повествование до определенного момента существует на тонкой кальке подбора русско-корейских аналогий. Расхождения начинаются только с того момента, который можно охарактеризовать как знаковый кейс, и для работы с ним переводчику уже необходимо ощущать культурный фон, пропитанный символизмом события. Речь идет о последовательности «встреча знакомых — приглаше-

ние к выпивке — застольные беседы». На этом этапе уже обращает на себя внимание разница в формах времен глагола (на русском языке повествование ведется в настоящем времени, на корейском — в прошедшем), а также подбор переводчиком близких, но не самых точных аналогий. Например, «подвальчик», в котором ведется приватная душевная беседа, в корейском языке становится «пивнушкой» (술집), водка остается водкой (без замены на классическую для спиртных напитков лексему 술), а «килька» (при всей натуральности сочетания «водка — килька» для русскоязычного читателя) переводится с помощью приема генерализации — «маленькая рыбешка» (작은 물고기).

Если помнить о том, что абсурдная проза часто использует героев произведений в качестве оживших аллегорий, при этом максимально выхолащивая логику и смысл из окружающей их действительности, то мы можем отметить следующие моменты. Как в этом произведении автор оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир? Помимо автобиографичности сцены, речь также идет об автореференциальности, которую упоминает Ж.Ф. Жаккар, когда указывает, что «отметая все элементы, которые создают повествование», Хармс в итоге добивается максимальной пародийности своих героев и через их состояния и действия демонстрирует нам, «как именно он пишет тексты» (Жаккар, 2004, с. 77). Помимо необходимости проникать в тонкий автобиографический план произведения, необходимо еще и не упустить мелкие, но важные детали. Такие, например, как «перо» — ведь именно с символом этого предмета ассоциируется во многих культурах, в том числе и в русскоязычной, образ поэта, творца смыслов. Перо — это оружие жизни, обоюдоострый меч, размахивая которым герой надеется прорваться сквозь стужающийся туман. В тексте корейского перевода на месте «пера» мы обнаруживаем безликую «ручку» (более того, в корейском языке само слово «ручка» заимствовано из английского (pen) и транслитеровано (펜)). «Страшная сила», которую чувствует в себе герой, указывает на интенсивность переживаний, а в переводе применено слово «огромная» (어마어마하다), что указывает прежде всего на размах этих переживаний. Чудотворец в корейском переводе не «машет платком» (прямая отсылка к фокусникам с их платками, из-под которых выскакивают кролики и вылетают голуби), а мог бы просто «шевельнуть одним пальцем» (손가락 하나만 흔들면).

На сегодняшний день данный перевод является в корейском социокультурном пространстве вторичным нарративом Даниила Хармса, он стал попыткой переноса смысла «с культуры на культуру». Подводя итоги, необходимо отметить, что данный перевод художественных текстов, как и любой вторичный текст, демонстрирует как неудачи авторского перевода, так и то, что традиционно называется непереводаемостью. Очевидно было также преобладание в переводческой практике Ким Чжонг А компенсаций как переводческих трансформаций в их семантических и стилистических разновидностях. Замена передаваемого элемента подлинника элементами иного порядка требует от читате-

ля иного культурного фундамента, но процесс понимания авторского замысла проясняется, если эти замены выстроены в соответствии с общим идейно-художественным характером подлинника. К несомненным удачам представленного перевода необходимо отнести состоявшийся трансфер с полноценными метонимическими заменами, целостным преобразованием, лингвокреативными формами конкретизации авторского смысла, допустимыми элементами описательного перевода. Но были и неудачи: смысловые искажения, неточности, произвольная интерпретация исходного текста, введение новой или дополнительной информации, опущение части исходной информации. Так или иначе перевод Ким Чжонг А является первым опытом трансфера и/или перевода эстетики и нарратива хармсовской литературы абсурда в корейскую культуру.

Исследование финансируется Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № AP23485752).

Список литературы

Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М. ; СПб., 2017.

Буренина О. Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре. СПб., 2015.

Гарбовский Н. К. Перевод и смысл: к постановке вопроса // Труды Высшей школы перевода Московского университета. М., 2010. Кн. 1 : 2005—2010. С. 107—111.

Гарбовский Н. К., Костикова О. И. Перевод и общество // Вестник Московского университета. Сер. 22: Теория перевода. 2018. №1. С. 17—40.

Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. 1971. №8. С. 90—128.

Гиздатов Г. Г., Алдабергенова А. А. Дискурсивные интерпретации романа Дж. Хеллера «Поправка-22» в переводческой практике // Критика и семиотика. 2021. №2. С. 160—177. doi: 10.25205/2307-1737-2021-2-160-177.

Гройс Б. Поэтика энтропии: постсупрематическое искусство Младена Стилиновича // Гройс Б. Частные случаи. М., 2022. С. 178—187.

Жаккар Ж. Ф. «Cisfinitum» и Смерть: «Каталепсия времени» как источник абсурда // Абсурд и вокруг : сб. ст. М., 2004. С. 75—91.

Кашкин В. Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации. Заключение: Границы и пограничные явления в языке и коммуникации // Мосты. Журнал переводчиков. 2021. №2. С. 5—12.

Кёрнер К. Речь на вручении премии Пауля Целана [2017]. URL: <https://pavelzaltsman.org/bibliography/critics/dankrede-von-christiane-korner-russian/> (дата обращения: 07.02.2023).

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.

Миры литературного перевода : матер. тематических семинаров IV Междунар. конгресса переводчиков художественной литературы (Москва, 8—11 сентября 2016 г.) : в 2 т. Т. 2: Переводчик: тонкости ремесла. М., 2018.

Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М., 2015.

Таршис Е. Я. Контент-анализ: Принципы методологии (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М., 2014.

Фещенко В. В. Лингвоэстетический поворот в теории языка и художественном языковом эксперименте : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020.

Ямпольский М. Беспамятство как исток (читая Хармса). М., 1998.

Shank R. C., Abelson R. P. Knowledge and Memory: The Real Story // Knowledge and Memory: The Real Story / ed. by R. S. Wyer Jr. Hillsdale NJ, 1995. P. 1 – 85.

Список источников

Хармс Д. Случаи. Рассказы и сцены. М., 1989.

Хармс Д. Полн. собр. соч. СПб., 1997. Т. 2 : Проза. Драматические произведения. Авторские сборники. Незавершенное.

Kim Jong A. Jibeso han namjaga nawatta. Works of Daniil Kharmis. Chongaram Midio, 2004.

Об авторах

Газинур Габдуллович Гиздатов, доктор филологических наук, профессор кафедры международных коммуникаций, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Ата, Казахстан.

E-mail: gizdatovgazinur@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6014-4183

Светлана Куанышбаевна Ким, магистр, преподаватель кафедры перевода восточных языков, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, Алма-Ата, Казахстан.

E-mail: ms. wha@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3088-9130

Для цитирования:

Гиздатов Г. Г., Ким С. К. Перевод литературы абсурда как пример культурного трансфера («Случаи» Даниила Хармса на корейском языке) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, № 1. С. 158 – 171. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-9.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

TRANSLATION OF THE ABSURDIST LITERATURE AS AN EXAMPLE OF CULTURAL TRANSFER ("CASES" BY DANIIL KHARMS IN KOREAN TRANSLATIONS)

G. G. Gizdatov, S. K. Kim

Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
050026, 200 Muratbayeva St., Almaty, 200, Kazakhstan

Received on 21.02.2023

Accepted on 10.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-9

The article explores the semiotic aspects of the theory of cultural transfer, translation, and (non)translation, with a specific focus on the translator's comment. It unravels discursive and interpretative concepts that illuminate the transformation of an original text into a secondary text, encompassing reception, interpretation, cultural transfer, and literary trans-

lation, showcasing their interdependence and connection. The analysis centres on the literary translation of texts by Daniil Kharms, portraying it as a process where the social and aesthetic practices of both the translator and the reader manifest in the creation and perception of a secondary text. The study scrutinizes literary translation as a linguistic and creative endeavour, illustrating the meticulous approach of the translator Kim Jung A in authentically representing the author's ideology and aesthetics. Furthermore, the article, for the first time, unveils the ways in which the aesthetics of the absurd are culturally transferred into a foreign context, specifically in the translations of stories and "cases" by Kharms into Korean. It delves into the implementation of translation transcreativity, providing concrete examples of translation solutions in the Russian-Korean language pair. The research not only analyzes the real implementation but also explores possible avenues for transferring the aesthetics of absurd literature in contemporary translation practices.

Keywords: absurdity, interpretation, linguistic aesthetics, reception, commentary, Korean language, cultural transfer, translation

This research is funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AP23485752).

References

Avtonomova, N.S., 2017. *Poznanie i perevod. Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation. Experiences of the philosophy of language]. Moscow; St. Petersburg, 736 p. (in Russ.).

Burenina, O.D., 2015. *Simvolistskii absurd i ego traditsii v russkoi literature i kul'ture* [Symbolist absurdity and its traditions in Russian literature and culture]. St. Petersburg, 332 p. (in Russ.).

Feshchenko, V.V., 2020. *Lingvoesteticheskii povорот v teorii yazyka i khudozhestvennom yazykovom eksperimente* [Linguo-aesthetic turn in the theory of language and artistic language experiment]. PhD Dissertation. Moscow, 450 p. (in Russ.).

Garbovskiy, N.K. and Kostikova, O.I., 2018. Translation and society. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22: Teoriya perevoda* [Moscow University Translation Studies Bulletin. Series 22: Translation Theory], 1, pp. 17–40 (in Russ.).

Garbovskiy, N.K., 2010. Translation and Meaning: To Ask a Question. In: *Trudy Vysheishkoly perevoda Moskovskogo universiteta* [Proceedings of the Higher School of Translation of Moscow University]. Book 1. Moscow, pp. 107–111 (in Russ.).

Gasparov, M.L., 1971. Bryusov and literalism. (Based on unpublished materials for the translation of the Aeneid). *Masterstvo perevoda* [Translation skill], 8, pp. 90–128 (in Russ.).

Gizdatov, G.G. and Aldabergenova, A.A., 2021. Discursive Interpretations of J. Heller's Novel "Correction 22" in Translation Practice. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2, pp. 160–177, <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-2-160-177> (in Russ.).

Groys, B., 2022. The Poetics of Entropy: The Post-Suprematist Art of Mladen Stilnovic. In: B. Groys, ed. *Chastnye sluchai* [Special cases]. Moscow, pp. 178–187 (in Russ.).

Jaccard, J. Ph., 2004. "Cisfinitum" and Death: "Catalepsy of time" as a source of absurdity. In: *Absurd i vokrug: sbornik statei* [Absurd around: Digest of articles]. Moscow, pp. 75–91 (in Russ.).

Kashkin, V.B., 2021. Border paradoxes in language and communication. Conclusion: Limits and boundary phenomena in language and communication. *Mosty. Zhurnal perevodchikov* [Bridges. Journal of Translators], 2, pp. 5–12 (in Russ.).

Kerner, K., 2017. *Speech at the Paul Celan Prize*. Available at: <https://pavelzaltsman.org/bibliography/critics/dankrede-von-christiane-korner-russian/> [Assessed 7 February 2023] (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1970. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Structure of Literary Text]. Moscow, 383 p. (in Russ.).

Miry literaturnogo perevoda: materialy tematicheskikh seminarov IV Mezhdunarodnogo kongressa perevodchikov khudozhestvennoĭ literatury (Moskva, 8 – 11 sentyabrya 2016 g.): v 2 t. [Worlds of literary translation: materials of the thematic seminars of the IV International Congress of Translators of Fiction (Moscow, September 8 – 11, 2016): in 2 volumes], 2018. Vol. 2. Moscow, 416 p. (in Russ.).

Prunch, E., 2015. *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi* [Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political]. Moscow, 511 p. (in Russ.).

Schank, R. C. and Abelson, R. P., 1995. *Knowledge and Memory: The Real Story*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 1 – 85.

Tarshis, E. Ya., 2014. *Kontent-analiz: Printsipy metodologii. (Postroenie teoreticheskoi bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programmy issledovaniya)* [Content Analysis: Principles of Methodology. (Building a theoretical base. Ontology, analytics and phenomenology of the text. Research programs)]. Moscow, 182 p. (in Russ.).

Yampol'skiy, M., 1998. *Bespamyatstvo kak istok (chitaya Kharmsa)* [Unconsciousness as a source (reading Kharms)]. Moscow, 384 p. (in Russ.).

List of sources

Kharms, D., 1989. *Sluchai. Rasskazy i stseny* [Cases. Stories and scenes]. Moscow, 48 p. (in Russ.).

Kharms, D., 1997. Prose. Dramatic works. Author's collections. unfinished. In: D. Kharms, ed. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full composition of writings]. Vol. 2. St. Petersburg, 504 p. (in Russ.).

Kim Jong A., 2004. *Jibeso han namjaga nawatta. Works of Daniil Kharms*. Chongaram Midio, 211 p. (in Korean).

The authors

Prof. Gazinur G. Gizdatov, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: gizdatovgazinur@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-6014-4183

Svetlana K. Kim, Lecturer, Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Almaty, Kazakhstan.

E-mail: ms.wha@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3088-9130

To cite this article:

Gizdatov, G. G., Kim, S. K., 2024, Translation of the absurdist literature as an example of cultural transfer ("Cases" by Daniil Kharms in Korean translations), *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 158 – 171. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-9.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ И ПЕРЕВОДА КАЗАХСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

Ш. К. Жаркынбекова¹, Ж. А. Агабекова², А. Ж. Акшолокова³

¹ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
Казахстан, 010008, Астана, ул. Сатпаева, 2

² Назарбаев Университет,
Казахстан, 010000, Астана, пр. Кошкарбаева, 26

³ Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак,
Казахстан, 050040, Алматы, пр. Аль-Фараби 73

Поступила в редакцию 28.05.2022 г.

Принято к публикации 10.10.2023 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-10

Рассмотрены вопросы, связанные со стандартизацией и унификацией написания топонимов Казахстана. Представлен анализ языковой вариативности топонимов, проанализированы способы их передачи на казахский, русский, английский языки. Результаты исследования показали, что большая часть географических названий страны подвергается различного рода модификациям. Выявлены и исследованы такие виды трансформаций, как транслитерация, фонетические, морфологические и лексические трансформации, сокращение (опрочение), перевод или калькирование, переосмысление, переименование (деноминация). Доказано, что подобные изменения подчиняются общим закономерностям языка и обусловлены различиями в типологических характеристиках тюркских и славянских языков. Активизация процессов переименований географических названий предполагает их координацию и контроль со стороны органов государственного управления, в частности – их систематизацию и стандартизацию. Вопрос о стандартизации географических названий в Казахстане особенно актуален в последнее время, когда в стране активно обсуждается вопрос о переходе на латинскую графику. Дальнейшее развитие топонимической науки в Казахстане (и за его пределами) требует системного, комплексного, междисциплинарного подхода к изучению рассмотренных ранее и рассматриваемых в современный период вопросов и новой (с учетом последних достижений и проводимых реформ) интерпретации результатов исследований.

Ключевые слова: топонимы Казахстана, языковая вариативность, нормализация онимов, стандартизации и унификация

Введение

Казахстанское топонимическое пространство формировалось в течение многих столетий в довольно сложных исторических, географических и лингвистических условиях и, как следствие, не является однородным по происхождению и времени возникновения. Топонимика, будучи одним из важнейших направлений казахстанского языкознания в целом и ономастики в частности, продолжает привлекать внимание ученых, о чем свидетельствует большое количество публикаций, посвященных различным аспектам ее исследования.

Казахская топонимия, как и любая другая топонимическая система, характеризуется сложностью своего формирования. Историко-этимологический анализ топонимов позволяет выявить на территории проживания казахов географические названия разноязычного происхождения. На складывание топонимической системы влияют процессы миграций и инфильтраций разнородных этнокультурных компонентов. В процессе номинации языковая реальность дает человеку возможность выбора лексической единицы из возможных синонимических вариантов. Географические названия входят в лексическую систему того языка, в которой они возникли, и подчиняются внутренним законам конкретного языка.

Таким образом, в центре внимания авторов статьи — языковые (фонетические, орфографические, грамматические) варианты топонимов, бытующие в казахстанском визуальном пространстве.

В статье ставятся следующие задачи: выявить существующие несоответствия в написании топонимов на казахском и русском языках и охарактеризовать их; определить факторы, влияющие на отклонение от нормированных вариантов произношения казахских географических названий в речи носителей русского языка.

Для решения поставленных задач в статье применялись такие общенаучные методы, как анализ и синтез, а также описательный метод, включающий непосредственное наблюдение, системную интерпретацию и описание языковых фактов, эмпирические методы и компонентный анализ. В качестве материала исследования использован корпус текстов таблиц с названиями улиц, городских и культурных объектов, карт, привлечены данные словарей, справочников, каталогов. В качестве дополнительных источников информации были также использованы названия улиц городов Астаны, Алматы, Актобе на сайтах, в рекламных объявлениях, на открытках и почтовых указателях.

Национальная стандартизация топонимов: правовое регулирование языка топонимов в Республике Казахстан

Научный интерес к изучению пространства географических названий объясняется многоаспектностью и разнообразием самого предмета исследования. Лингвистический аспект изучения топонимов определяется изучением их лексического и морфологического состава, происхождения (этимологии), диалектологических особенностей, находит применение в исторической лексикологии, лингвистической географии, лингвокультурологии.

Топонимическая картина Казахстана отличается этнокультурным своеобразием, которое связано с ментальными особенностями, условиями и образом жизни жителей страны, географическим расположением и историческим развитием общества. Она имеет свою специфику, обусловленную взаимодействием функционирующих в стране языков (Сулейменова, 2011; Akzhigitova, Zharkynbekova, 2014; Мадиева, 2018; Жаркынбекова, Чернявская, 2022а; 2022б). Современная концепция языковой политики Республики Казахстан, направленная на полиязы-

чие (проект «Триединство языков»), которое пришло на смену казахско-русскому двуязычию, активно реализуется во многих коммуникативных сферах и, безусловно, находит отражение в языковой представленности топонимов. Нацеленность на укрепление государственного языка, расширение сфер его функционирования привели к увеличению числа географических наименований на казахском языке: сегодня более 80 % топонимов пишутся на государственном языке и закреплены в официальных документах, на картах и других изданиях.

В статье 19 «Закона о языках» утверждены правила передачи казахских наименований на русский язык: «Традиционные, исторически сложившиеся казахские названия административно-территориальных единиц, составных частей населенных пунктов, а также других физико-географических объектов на других языках должны воспроизводиться согласно правилам транслитерации. Наименования государственных организаций, их структурных подразделений даются на государственном и русском языках. Наименования совместных, иностранных организаций — с транслитерацией на государственном и русском языках» (О языках в Республике Казахстан...).

Опора на английский язык как *lingua franca* в самых разных коммуникативных сферах отражает общую тенденцию в мире. Внедрение английского языка в публичную коммуникативную среду современного Казахстана носит динамичный характер, о чем свидетельствует увеличение количества англоязычных надписей в топонимических наименованиях.

Более того, объявленный в 2014 году поэтапный переход на латиницу, безусловно, повлиял на общую картину лингвистического ландшафта города. В визуальном пространстве города становится заметным увеличение количества топонимов, представленных латиницей (несмотря на то что окончательный вариант новой графики еще не утвержден).

Существующая на сегодняшний день топонимическая картина свидетельствует о наличии определенных проблем в решении теоретических и прикладных задач, связанных с систематизацией и практическим использованием топонимов на территории Республики Казахстан. Речь идет, к примеру, о передаче географических названий с казахского языка на русский и наоборот. И немаловажным в этом аспекте вопросом является наличие единственно возможной звукографической формы, исключающей наличие вариантов. Возникает вопрос о необходимости процесса нормализации, что позволит привести в соответствие принципы и стратегии стандартизации топонимов в условиях многонационального и многоязыкового государства.

Интерес лингвистов (Акшоплакова, 2014; Дамбуев, 2018; Жаркынбекова, Агабекова, 2021; Ильин, Сидорова, 2020; Качалкова, 2018) связан в основном с письменным (графическим, орфографическим, морфологическим) оформлением географических имен собственных. Эта проблематика рассматривается также в работах (Голомидова, 2018; Молодыхенко, Чернявская, 2022; Поплавская, Ильичева, 2022).

Современные лингвисты отмечают сложность и неразработанность вопросов нормирования в области орфографии географических названий. По мнению известного в этой области исследователя Н. Кадмона, «работа с такими названиями влечет за собой две отдельные проблемы. Первая — это вопрос произношения, а вторая — письменное или графическое выражение названия. Обе проблемы должны решаться специалистом по топонимике (топонимистом)» (Кадмон, 2007, с. 96). Однако, по утверждению Е. Г. Сидоровой, «до сих пор языковедам не удалось разработать максимально обобщенных, лингвистически обоснованных и четких рекомендаций по написанию имен собственных, которые могли бы реально применяться носителями языка» (Сидорова, 2015, с. 102).

По мнению российских лингвистов Д. Ю. Ильина и Е. Г. Сидоровой, причинами трудностей в кодификации являются: 1) огромный массив топонимической лексики, официально закреплённой в различных географических атласах, путеводителях, картах, списках, реестрах и т. п., но практически не представленной в орфографических словарях; 2) значительное разнообразие структурно-семантических моделей подобных онимов; 3) недостаточность имеющихся орфографических рекомендаций; 4) стремление носителей языка к сохранению наименования, воспринимаемого как традиционное, но не отражающего действующую в данный момент орфографическую норму (Ильин, Сидорова, 2020, с. 617). Трудности лексикографического оформления топонимов возникают как внутри отдельной языковой системы, так и в их межъязыковом функционировании. Особый интерес лингвистов вызывает вопрос адаптации заимствованных географических названий. В ряде проведенных за последние годы исследований показано, как, претерпевая с течением времени различные изменения и переосмысления, данные языковые единицы приспосабливаются к фонетическим и грамматическим особенностям заимствующего языка. К примеру, в работах И. А. Дамбуева представлен анализ соответствий / несоответствий орфографии хакасских, бурятских, тувинских топонимов современным правилам орфографии, их адаптации к фонетическим и орфографическим закономерностям русского языка (Дамбуев, 2016; 2017; 2018). Несмотря на проводимую специализированными органами в области топонимики работу, пока во многих странах не разработан единый подход к унификации географических названий. Анализируя ситуацию в России, И. В. Зоц отмечает: «В настоящее время не существует документов, систематически и единообразно описывающих варианты передачи названий объектов городского ландшафта с учетом интересов как жителей города, так и приезжих иностранных граждан» (Зоц, 2018, с. 8).

Казахстанское топонимическое пространство, несомненно, формировалось под влиянием исторически сложившейся в стране языковой ситуации и проводимой языковой политики. «Представленные специфические явления в части онимической лексики русского языка в Казахстане... — явный результат энергичного взаимодействия казахского и русского языков, провоцирующего на разнообразные отклонения от

русской литературной нормы, порождающего сосуществование графических, словообразовательных, грамматических и иных вариантов, число которых постоянно увеличивается», — отмечает Э.Д. Сулейменова (Сулейменова, 2011, с. 102).

С обретением независимости и возникновением нового государства вопрос переименования городов, населенных пунктов, улиц и других объектов является одним из важных языковой политики Казахстана. В законе «Об административно-территориальном делении Республики Казахстан» от 8 декабря 1993 года (ст. 7) предусматривалось создание при правительстве Ономастической комиссии — «консультативного органа, разрабатывающего предложения по формированию единого подхода к наименованию и переименованию географических объектов, упорядочению употреблений и учету топонимических названий, восстановлению, сохранению исторических названий как составной части историко-культурного наследия Республики Казахстан» (Матыжанов и др., 2006, с. 151).

После принятия закона «О языках в Республике Казахстан» казахстанскими ономастами началась работа по совершенствованию орфографического норматива и разработке новых правил передачи географических названий Казахстана с казахского на русский язык, по совершенствованию орфографического норматива. Вследствие этих актов многие искаженные названия населенных пунктов и административно-территориальных единиц стали постепенно приводиться в соответствующую норму. Многие из них еще подлежат исправлению согласно новому закону «Об административно-территориальном устройстве Республики Казахстан» (8 декабря 1993 года) и указу Президента РК (29 декабря 1995 года), постановлению Правительства РК (5 марта 1996 года), в которых утверждены правила русской передачи казахских онимов.

Следует особо отметить созданную казахстанскими авторами новую «Инструкцию по русской передаче казахских и казахской передаче русских географических названий Республики Казахстан» (Инструкция..., 2002), разработанную Институтом географии, картографии и Институтом языкознания АН Республики Казахстан. Этот документ был доработан и подготовлен на основе «Инструкции по русской передаче географических названий Казахской ССР» от 1971 года (Инструкция..., 1971), разработанной Центральным научно-исследовательским институтом геодезии, аэросъемки и картографии ГУГК при Совете министров СССР совместно с Институтом языкознания и сектором географии АН Казахской ССР. В соответствии с новой инструкцией, предписывающей нормы передачи казахских географических названий на русский язык и русских на казахский, был исправлен целый ряд существующих на тот период транслитерационных ошибок и искажений (Инструкция..., 2002). Так, к примеру, из 34,4 тыс. казахских оронимов, учтенных в Государственном каталоге географических названий Республики Казахстан, неправильно было представлено на русском языке 7,7 тыс. (23,9 %), а из 25,9 тыс. гидронимов — 8,0 тыс. (31,0 %) (Абдрахманов, Макенова, 2013).

В разработанном Институтом географии Министерства науки и образования РК совместно с РГКП «Национальный картографо-геодезический фонд Агентства РК по управлению земельными ресурсами» Государственном каталоге географических названий Республики Казахстан (он представлен в 32 томах) приведены названия (около 120 тыс. наименований) крупных орографических, гидрографических, населенных пунктов, административно-территориальных единиц и др.

Тем не менее, несмотря на довольно длительную историю научных изысканий и наличие достаточно обширной литературы по исследуемой проблеме, есть ряд серьезных вопросов, вызывающих острые дискуссии среди ученых и специалистов и требующих своего решения как внутри конкретной страны, так и на международном уровне.

Материал и обсуждение

Проанализированный в проведенном авторами статьи исследовании корпус названий географических объектов показал общую картину существующей вариативности. Рассмотрим их письменно-графическое соотношение в разных официальных и неофициальных документах (реестрах, картах, справочниках, словарях, адресных книгах, на рекламных объявлениях и т. д.) на примере улиц городов Астаны и Актобе:

1. Примеры орфографических вариантов написания топонимов (с дефисом и без дефиса, с прописной и строчной букв) (табл. 1).

Таблица 1

Вариант 1	Вариант 2
Астана	
Улица Абылай Хана	Улица Абылай-хана
пр. Кабанбай батыра	проспект Кабанбай Батыра
Ул. Керей и Жанибек хана	Ул. Ханов Жанибека и Керей
Актобе	
улица 101 стрелковой бригады	улица 101-й стрелковой бригады
просп. Абұлхаир хана	пр. Абылхайыр-хана
ул. АЗ НАУРЫЗ	улица Аз Наурыз
Улица Бұхар жырау	Улица Бұхар Жырау

2. Варианты буквального перевода казахских географических названий на русский язык (табл. 2).

Таблица 2

Наименование на казахском языке	Вариант 1 на русском языке	Вариант 2 на русском языке
Актобе		
Балқытушылар тұйық көшесі	переулок Балкытушылар	переулок Главилицыков
Астана		
Жеңіс даңғылы	Проспект Женис	проспект Победы
Бейбітшілік даңғылы	просп. Бейбитшилик	проспект Мира
Ханшайым Сүйінбике көшесі	улица Ханшайым Сүйнбике	Улица царицы Сююмбике

В таких случаях наблюдается два варианта написаний: 1) перевод географического топонима на русский язык, 2) транслитерированная передача топонима.

3. Варианты транскрипции и калькирования при передаче казахских топонимов на русский язык (табл. 3).

Таблица 3

Наименование на казахском языке	Вариант 1 на русском языке	Вариант 2 на русском языке
Актобе		
Әбілқайыр хан	пр. Абилкайыр-хана	просп. Абулхаир хана
Құлымбетов көшесі	ул. Құлымбетова	ул. Құлымбетова
Әліби Жангелдин көшесі	улица Алиби Джангильдина	ул. Жангельдина
Ғабит Мүсірепов көшесі	улица Габита Мүсрепова	улица Габита Мусирепова
Астана		
Бұқар жырау көшесі	Улица Бухар жырау	Улица Букар жырау
Ағадыр көшесі	Улица Агадыр	Улица Агадырь
Әлкей Марғұлан көшесі	Улица Алкей Маргулана	улица Алькея Маргулана
Ж. Аймауытов көшесі	Улица Аймаутова	улица Аймауытова
Құлаш Байсейітова көшесі	Улица Құлаш Байсеитова	улица Құлаш Байсейитовой
Таңжарық Жолдыұлы көшесі	Танжарық Жолдыұлы	улица Танжарых Жолдыұлы
Абылай хан даңғылы	пр. Аблай Хана	просп. Абылай Хана
Шәкәрім Құдайбердіұлы к-сі	Ш. Құдайбердыұлы	проспект Шакарима Кудайбердиұлы
Ақан Сері көшесі	Улица Акан Серы	улица Акан Сери

Средства массовой информации имеют значительное влияние на общество, включая использование литературного языка и орфографическое написание слов. Однако они также могут способствовать нарушениям орфографического написания имен. Это происходит из-за нескольких факторов, связанных с особенностями коммуникации в средствах массовой информации. Журналисты и ведущие могут столкнуться с незнакомыми именами из разных языков и испытывать сложности с их правильным орфографическим представлением. Без должного исследования или руководства они могут прибегнуть к фонетическим приближениям или интуитивному написанию, что приводит к орфографическим нарушениям.

В том числе новый поселок Кенесары на автотрассе Боровое – Кокчетав. / Это «Махтай-гора» в Кокшетау, ставшая любимым местом отдыха горожан / (Казахстанская правда, 20.06.2013) – используются два варианта Кокчетав и Кокшетау;

Наконец это памятник скакуну Кулагеру – верному другу акына **Акана-Сери**, установленный на въезде в областной центр со стороны Щучинска (Казахстанская Правда, 20.06.2013); Бронзовый памятник **Акан серы** был сделан в Караганде (<https://atamekenmap.kz/>, 02.04.2019); Популяризация музыкального творческого наследия великого акына-импровизатора **Акана серэ** (<https://akmomuzey.kz/>, 13.03.2018) – используются три варианта **Акан-Сери, Акан серы и Акан серэ**.

Неустойчивость орфографической нормы проявляется в заметном нарушении единообразия в использовании. Как видно из вышеприведенных таблиц, проблема видится, к примеру, в способах передачи в

русском языке казахских монофтонгов. Неродственные языки, такие как казахский и русский, обладают существенными различиями в фонетических системах, что приводит к расхождению между произношением и написанием слов. Это расхождение создает трудности для тех, кто изучает или использует оба этих языка. Надо отметить, что вопрос о соответствиях этих звуков в русском языке до конца не решен и до сих пор является предметом спора казахстанских филологов (в особенности в последнее время в связи с процессом разработки казахского алфавита на латинице).

Так, казахский *-і* является более низким по степени подъема спинки языка к небу и ближе к гласному *-е* в русском языке, вследствие чего иногда *-і* субституируется буквой *(е)*: *Берлик* (вм. Бирлик), *Туркестан* (вм. Туркистан), *Азербай* (вм. Азирбаев), *Берсуат* (вм. Бирсуат), *Шаулдер* (вм. Шауильдир); может передаваться через *(ы)*: *Бирлестык* (вм. Бирлестик), *Жетыбай* (вм. Жетибай) и т. д.

Как утверждает казахстанский ученый С. А. Диарова, замена буквы *-і* на *ы*, а *і* на *-и* объясняется подбором твердого или мягкого варианта слога, но более точным надо считать написание с буквой *-ы* (Диарова, 2000, с. 72). Исключением является передача буквы *-і* буквой *-ы* после согласных *-д* и *-т* в конце топонима, а также в сложных словах с присоединенными к ним географическими терминами (Матыжанов и др., 2006, с. 177). Это подтверждает правильность написания варианта *Шенгелды* вместо *Шенгелди*, *Кыргелды*, а не *Кыргелди*, *Корнекты*, а не *Корнекти*, *Зеренды*, а не *Зеренди*, *Жетытобе*, а не *Жетитобе*, *Жельдыкара*, а не *Жельдыкара*, *Койкелды*, а не *Койкелди*.

Нормы орфографии и пунктуации закреплены в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (Правила русской орфографии 2007), наиболее полном и официально утвержденном своде правил правописания. Однако, несмотря на то что справочник представляет собой новую редакцию действующих «Правил русской орфографии и пунктуации» (Правила русской орфографии, 1956), он не решает многих проблем, возникающих при правописании национальных онимов.

Причинами возникновения вариантов в топонимической системе могут быть:

1. Действие закона аналогии: *Зеренда / Зеренды*, *Изенда / Изенды*, *Оленды / Уленда*, *Шенгелды / Шенгельда* — по аналогии с традиционной устоявшейся формой в русском языке *Караганда*. Другими словами, аналогичные модели появляются с помощью метода опоры на орфографический прецедент.

2. Стремление преодолеть артикуляционное неблагозвучие (стремление носителей облегчить произношение имен).

Например, *Кыстау Күршим* в русской речи используется как *Кыстав Курчум*, *Абдуалиева / Абдувалиева*, *Бидаулетов / Бидавлетов*, *Даубаева / Давбаева*, *Куандыкова / Кувандыкова*, *Балуанова / Палванова*, *Сатыбалдина / Сатывалдина*, *Уалиева / Увалиева*.

Гласные порождают благозвучие только в сочетании с согласными, стечение же нескольких гласных, или зияние, искажает звуковой строй русской речи, затрудняет артикуляцию. Поэтому, в нашем случае а роли вставки согласного звука между гласными выступает согласный *-в*.

3. Закон речевой экономии — один из главных законов развития языка. В обиходной речи жителей Казахстана разговорные неофициальные формы топонимов настолько многочисленны, что составляют онимический сленг, формируя определенные ономастические поля, например, астионимы *Алматы* в разговорной речи жителей звучит как «Ата», *Капшагай* как «Капчик». Это явление характерно для микротопонимии, когда в пределах одного определенного региона, населенного пункта, отдельного микрорайона, улицы или даже одной семьи существуют свои системы именования, например, урбанонимы *М. Толебаев* как «Тулебайка», *Курмангазы* как «Курмашка», Квадрат Абая-Желтоксан, *Богенбай батыра-Конаева* как «Золотой квадрат», пересечение улиц *Абая* и *Байзакова* как «Тещин язык».

4. Межъязыковые контакты, вследствие которых происходит заимствование слов одного языка другим. Коммуникационные потребности часто заставляют носителей одного языка взаимодействовать напрямую или косвенно с носителями соседних и культурно доминирующих языков. Эти взаимодействия обусловлены необходимостью обмена информацией, ведения бизнеса, установления отношений или ориентации в разнообразных социальных и культурных контекстах. Интенсивность контактов приводит к заимствованию слов одного языка другим, отсюда и наличие фонетических и графических вариантов в заимствующем языке.

Так, казахский мягкий гласный -ө в русской устной речи орфографируется графемой -о. Однако в русском языке его часто заменяют звуком -у: *Кубеев* (вм. Кобеев), *Кунаев* (вм. Конаев), *Мұлдағалиев* (вм. Молдагалиев), *Утеген батыр* (вм. Отеген батыр), *Умирзакова* (вм. Омирзакова), *Букейханов* (вм. Бокейханов), *Букеев* (вм. Бокеев), *Жантұрин* (вм. Жанторин), *Бұлытұриков* (вм. Больтириков), *Утепов* (вм. Отепов), *Уразалин* (вм. Оразалин), *Мұминов* (вм. Момынов) и т.д. Данный звук (у), являющийся более узким по своему происхождению по сравнению со звуком -о, близок по звучанию к казахскому — -ө. Следует заметить, что в казахском языке звук -ө является мягким согласным и в соответствии с законом сингармонизма сочетается с гласными звуками в слогах, оказывая влияние на мягкость произношения согласных.

Так, казахский мягкий гласный -ө образует пару с твердым звуком -о. В русской устной речи он передается звуком -о, а в письменной, соответственно, графемой -о. Однако очень часто этот звук в русской транскрипции заменяется на -у, который по своему происхождению более узкий, чем звук -о и близок по своему звучанию к казахскому -ө: *Алақуль* (вм. Алаколь), *Теренұзек* (вм. Теренозек), *Тулебаев* (вм. Толебаев), *Ужет* (вм. Ожет), *Утеген батыр* (вм. Отеген батыр), *Унеге* (вм. Онеге), *Букейханов* (вм. Бокейханов), *Букеев* (вм. Бокеев), *Жантұрин* (вм. Жанторин), *Бұлытұриков* (вм. Больтириков), *Дунентаев* (вм. Донентаев), *Тортқуль* (вм. Тортколь) и т.д. Отметим, что звук -ө в казахском языке относится к мягким гласным и по закону казахского сингармонизма сочетается с гласными звуками в слогах, влияя на мягкость произношения согласных.

В отдельных географических названиях можно наблюдать замену -ө буквой -ю: *Коктөбе* (вм. Коктобе), *Учтөбе* (вм. Уштобе), *Актөбе* (вм.

Актобе). Такая версия субституции является характерной для многих тюркских языков: Курган-Тюбе (Таджикистан), Иссык-куль (Кыргызстан), Каракуль (Узбекистан). Слова *тюбе*, *узек* и *куль* являются тюркскими географическими терминами, которые подчеркивают разнообразие и уникальность ландшафтов в тюркскоговорящих странах. Они отражают историческое, культурное и экологическое значение природных образований, таких как горные перевалы, просторные степи и озера, и служат напоминанием о глубокой связи между тюркскими народами и их природной окружающей средой, формировавшей их образ жизни и культурную идентичность на протяжении веков.

Использование единого для тюркоязычных наименований варианта транскрипции, несомненно, обусловлено исторической реальностью той действительности — периода существования Советского Союза. Сегодня же, когда союзные республики обрели независимость и стали самостоятельными государствами, эта необходимость отпала, и в каждом национальном языке эти слова приобрели соответствующее звуковое оформление.

5. Использование разных методов письменной передачи казахских онимов на русском — трансфонация, транслитерация и практическая транскрипция. Отсюда и вариативность написания онимов на русском языке. К примеру, часто встречающееся чередование *дж* / *ж* является отражением таких способов передачи казахских онимов, как трансфонация (когда тюркская звонкая аффриката воспроизводится сочетанием *дж*) и транслитерация (когда слово передается в точности как в языке-оригинале): *Жезды* / *Джезды*, *Жаркент* / *Джаркент*, *Жандосов* / *Джандосов* (рис.), *Уржар* / *Урджар*; *Жолдасбеков* / *Джолдасбеков*, *Жамакаев* / *Джамакаев*, *Жамиля* / *Джамиля*, *Жумадил* / *Джумадил*, *Жанат* / *Джанат*, *Рахимжанов* / *Рахимджанов*, *Жылкыбаев* / *Джилкыбаев* и т. д.

Рис. Варианты письменной передачи одной из генеральных улиц г. Алматы: *Жандосов* / *Джандосов*. Фото А. Ж. Акшолоковой, 2014

Следует отметить, что вариативность — это результат действия не одной, а нескольких причин. Довольно часто в лингвистических работах объяснение вариативности опирается на социальные аспекты языкового употребления. Лингвисты говорят о наличии некоторых универсальных характеристик, таких как большая мобильность населения (как социальная, так и географическая) и уровень образования.

Список источников и литературы

Абдрахманов С., Макенова А. Суверенному Казахстану — суверенная топонимика // Мысль. 2013. 26 дек. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:w0hMLh6Y> (дата обращения: 23.04.2022).

Акишолова А. Ж. Казахские онимы в русской речи: норма, адаптация, вариативность : дис. ... д-ра философии (PhD). Алматы, 2014.

Голомидова М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, №3. С. 36 — 61. doi: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028.

Дамбуев И. А. Нормализация топонимов в Республике Бурятия // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, №2. С. 13 — 20.

Дамбуев И. А. Топонимическое варьирование и вопросы нормализации топонимов в Республике Хакасия // Язык и культура. 2017. №38. С. 23 — 40. doi: 10.17223/19996195/38/2.

Дамбуев И. А. Нормализация орфографического варьирования топонимов Тувы // Новые исследования Тувы. 2018. №3. С. 33 — 53. doi: 10.25178/nit.2018.3.3.

Диарова М. А. Взаимная адаптация топонимов в условиях двуязычия : дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2000.

Жаркынбекова Ш. К., Агабекова Ж. А. Топонимическое пространство Казахстана: вопрос стандартизации и унификации // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. Сер.: Филология. 2021. Т. 135, №2. С. 139 — 153. doi: 10.32523/2616-678X-2021-135-2-139-153.

Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русская билингвальная практика: смешение кода как ресурс в коммуникативном взаимодействии // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022а. Т. 13, №2. С. 468 — 482. doi: 10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482.

Жаркынбекова Ш. К., Чернявская В. Е. Казахско-русское смешение кода: метакоммуникативная перспектива // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Язык и литература. 2022б. Т. 19, №4. С. 780 — 798. doi: 10.21638/spbu09.2022.408.

Зоц И. В. Анализ реализации практической транскрипции в билингвальном контексте языка города : дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Вариативность языковой нормы при функционировании топонимов: проблемы и противоречия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. Т. 17, №4. С. 615 — 632. doi: 10.21638/spbu09.2020.408.

Инструкция по русской передаче географических названий Казахской ССР. М., 1971.

Инструкция по русской передаче казахских и казахской передаче русских географических названий РК. Алматы, 2002.

Кадмон Н. Язык и передача географических названий // Руководство по национальной стандартизации географических названий / Группа экспертов ООН по географическим названиям ; Департамент по экономическим и социальным вопросам. Нью-Йорк, 2007. С. 95 — 102.

Качалкова Ю. А. Лексикографические проблемы урбанонимии: на материале названий топообъектов Екатеринбурга и Челябинска // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, №3. С. 212 — 222. doi: 10.15826/vopr_onom.2018.15.3.038.

Мадиева Г. Б. Ономастика Казахстана: аналитический обзор (подходы исследования онимов). Алматы, 2018.

Матыжанов К., Оразов С., Кокеева Ж., Мадиева Г., Иманбердиева С. Справочник по ономастике. Алматы, 2006.

Молодыхенко Е. Н., Чернявская В. Е. Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, №1. С. 103 – 124.

Ономастика Астаны. Астана, 2012.

О языках в Республике Казахстан : закон Республики Казахстан от 11 июля 1997 г. №151-І. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008034 (дата обращения: 27.05.2022).

Поплавская Т. В., Ильичева И. Л. Концепт «Белая Вежа» в коммуникативном пространстве Брестского региона Беларуси // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, №4. С. 41 – 54. doi: 10.18721/JHSS.13403.

Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М., 2007.

Сидорова Е. Г. Трудности кодификации географических названий в русском языке (на примере слитно-дефисных написаний) // Грани познания. Электронный образовательный журнал ВГСПУ. 2015. №6. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1441608874.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

Сулейменова Э. Д. Языковые процессы и политика. Алматы, 2011.

Akzhigitova A., Zharkynbekova S. Language planning in Kazakhstan: The case of ergonyms as another scene of linguistic landscape of Astana // Language Problems and Language Planning. 2014. Т. 38, №1. С. 42 – 57. doi: 10.1075/lplp.38.1.03akz.

Об авторах

Шолпан Кузаровна Жаркынбекова, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4160-6215

Жазира Агабековна Агабекова, кандидат филологических наук, ассоц. профессор, Назарбаев Университет, Астана, Казахстан.

E-mail: zhazira.agabekova@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2618-1941

Асем Жаксыбековна Акишолокова, доктор PhD, и. о. доцента кафедры иностранной филологии и переводческого дела, Египетский университет исламской культуры Нур-Мубарак, Алматы, Казахстан.

E-mail: aksholakova.assem1982@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6832-5838

Для цитирования:

Жаркынбекова Ш. К., Агабекова Ж. А., Акишолокова А. Ж. Проблемы транслитерации и перевода казахских географических наименований // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 172 – 186. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-10.

PROBLEMS OF TRANSLITERATION AND TRANSLATION
OF KAZAKH GEOGRAPHICAL NAMESSh. K. Zharkynbekova¹, Zh. A. Agabekova², A. Zh. Aksholakova³¹ Gumilyov Eurasian National University,
2 Satpaev St., Astana, 010008, Kazakhstan² Nazarbayev University,
26 Koshkarbayev Ave., Astana, 010000, Kazakhstan,
³ Nur-Mubarak Egyptian University of Islam Culture,
73 Al-Farabi Ave., Almaty, 050040, Kazakhstan

Received on 28.05.2022

Accepted on 10.10.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-10

The article addresses the challenges associated with standardizing and unifying the spelling of toponyms in Kazakhstan. The authors conduct an analysis of the linguistic variability of toponyms, exploring methods for their transcription into Kazakh, Russian, and English languages. The study's findings reveal that a majority of the country's geographical names undergo various modifications. The authors identify and scrutinize several types of transformations, including transliteration, phonetic adjustments, morphological changes, lexical transformations, reduction (pollination), translation or calquing, reinterpretation, and renaming (denomination). The study establishes that these modifications adhere to general language laws and are influenced by differences in the typological characteristics of Turkic and Slavic languages. The article argues that the intensification of toponym renaming processes necessitates coordination and control by state administration bodies. This involves systematic organization and standardization of geographical names. The issue of standardizing geographical names in Kazakhstan is particularly pertinent, especially amid ongoing discussions about the country's potential shift to the Latin script.

Keywords: toponyms of Kazakhstan, linguistic variability, normalization of onyms, standardization and unification

References

- Abdrakhmanov, S. and Makenova, A., 2013. Sovereign Kazakhstan — sovereign toponymy. *Mysl'* [The Thought]. Available at: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:w0hMLh6Y> [Accessed 23 April 2022] (in Russ.).
- Aksholakova, A. Zh., 2014. *Kazakhskie onimy v russkoi rechi: norma, adaptatsiya, variatsionost'* [Kazakh onyms in Russian speech: norm, adaptation, variability]. PhD Dissertation. Almaty (in Russ.).
- Akzhigitova, A. and Zharkynbekova, S., 2014. Language planning in Kazakhstan: The case of ergonyms as another scene of linguistic landscape of Astana. *Language Problems and Language Planning*, 38 (1), pp. 42–57, <https://doi.org/10.1075/lplp.38.1.03akz>.
- Dambuev, I. A., 2016. Normalization of toponyms in the Republic of Buryatia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 14 (2), pp. 13–20 (in Russ.).
- Dambuev, I. A., 2017. Toponymic Variation and Issues of Toponyms Normalization in the Republic of Khakassia. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], 38, pp. 23–40, <http://doi.org/10.17223/19996195/38/2> (in Russ.).
- Dambuev, I. A., 2018. Normalization of orthographic variation of toponyms of Tuva. *Novye issledovaniia Tuvy* [The New Research of Tuva], 3, pp. 33–53, <http://doi.org/10.25178/nit.2018.3.3> (in Russ.).

Diarova, M. A., 2000. *Vzaimnaya adaptatsiya toponimov v usloviyakh dvuyazychiya* [Mutual adaptation of toponyms in the context of bilingualism]. PhD Dissertation. Almaty, 133 p. (in Russ.).

Golomidova, M. V., 2018. Toponymic policy in the sphere of nomination of intra-city objects: theoretical and applied problems. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 15 (3), pp. 36–61, http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.028 (in Russ.).

Il'in, D. Yu. and Sidorova, E. G., 2020. Variability of the language norm in the functioning of toponyms: Problems and contradictions. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17 (4), pp. 615–632, <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.408> (in Russ.).

Instruktsiya po russkoi peredache geograficheskikh nazvanii Kazakhskoi SSR [Instruction on the Russian transmission of geographical names of the Kazakh SSR], 1971. Moscow (in Russ.).

Instruktsiya po russkoi peredache kazakhskikh i kazakhskoi peredache russkikh geograficheskikh nazvanii RK [Instruction on Russian transmission of Kazakh and Kazakh transmission of Russian geographical names of the RK], 2002. Almaty (in Russ.).

Kachalkova, Yu. A., 2018. Lexicographic problems of urbanonymy: on the material of the names of the top objects of Yekaterinburg and Chelyabinsk. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 15 (3), pp. 212–222, http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.3.038 (in Russ.).

Kadmon, N., 2007. Language and transmission of geographical names. In: *Rukovodstvo po natsional'noi standartizatsii geograficheskikh nazvanii / Gruppy ekspertov OON po geograficheskim nazvaniyam; Departament po ekonomicheskim i sotsial'nym voprosam* [Guidelines for the National Standardization of Geographical Names. United Nations Group of Experts on Geographical Names; Department of Economic and Social Affairs]. New York, pp. 95–102 (in Russ.).

Madieva, G. B., 2018 *Onomastika Kazakhstana: analiticheskii obzor (podkhody issledovaniya onimov)* [Onomastics of Kazakhstan: analytical review (approaches to the study of onoms)]. Almaty: Kazak universiteti, 80 p. (in Russ.).

Matyuzhanov, K., Orazov, S., Kokeeva, Zh., Madieva G. and Imanberdieva, S., 2006. *Spravochnik po onomastike* [Handbook of Onomastics]. Almaty: Almaty baspasy, 220 p. (in Russ.).

Molodychenko, E. N. and Chernyavskaya, V. E., 2022. Representing the Social through Language: Theory and Practice of Sociolinguistics and Discourse Analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19 (1), pp. 103–124, <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.106> (in Russ.).

Onomastika Astany [Onomastics of Astana], 2012. Astana, 247 p. (in Russ.).

Poplavskaiia, T. V. and Ilyicheva, I. L., 2022. The concept of “Belaya Vezha” in the communication space of the Brest region of Belarus. *Terra Linguistica*, 13 (4), pp. 41–54, <https://doi.org/10.18721/JHSS.13403> (in Russ.).

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii [The Rules of Russian Spelling and Punctuation], 1956. Moscow, 176 p. (in Russ.).

Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik [The Rules of Russian Spelling and Punctuation. Full academic reference book], 2007. Moscow, 480 p. (in Russ.).

Sidorova, E. G., 2015. Difficulties of codification of geographical names in Russian (on the example of fused hyphenate spelling). *Grani poznaniya* [The Edge of Knowledge], 6. Available at: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1441608874.pdf> [Accessed 10 January 2022] (in Russ.).

Suleymenova, E. D., 2011. *Yazykovye protsessy i politika* [Language processes and politics]. Almaty: Kazakh universiteti (in Russ.).

Zakon Respubliki Kazakhstan ot 11 iyulya 1997 goda №151-I O yazykakh v Respublike Kazakhstan [Law of the Republic of Kazakhstan Concerning languages in the Republic of Kazakhstan, №151–1 of 11 July, 1997]. Chapter 4, Article 19. Available at https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1008034 [Accessed 27 May 2022] (in Russ.).

Zharkynbekova, Sh.K. and Agabekova, Zh.A., 2021. Toponymic space of Kazakhstan: issues of standardization and codification. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta. Seriya Filologiya* [BULLETIN of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Philology Series], 135 (2), pp. 139–153, <https://doi.org/10.32523/2616-678X-2021-135-2-139-153> (in Russ.).

Zharkynbekova, Sh.K. and Chernyavskaya, V.E., 2022a. Kazakh-Russian Bilingual Practice: Code-Mixing as a Resource in Communicative Interaction. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (2), pp. 468–482, <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-468-482> (in Russ.).

Zharkynbekova, Sh.K. and Chernyavskaya, V.E., 2022b. Kazakh-Russian code mixing in metacommunicative perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19 (4), pp. 780–798, <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.408> (in Russ.).

Zots, I.V., 2018. *Analiz realizatsii prakticheskoi transkripsii v bilingval'nom kontekste yazyka goroda* [Analysis of the implementation of practical transcription in the bilingual context of the language of the city]. PhD Dissertation. Moscow: Moscow City Pedagogical University (in Russ.).

The authors

Prof. Sholpan K. Zharkynbekova, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
E-mail: zharkyn.sh.k@gmail.com

Dr Zhazira A. Agabekova, Associate Professor, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan.
E-mail: zhazira.agabekova@gmail.com

Dr Assem Zh. Aksholakova, Acting Professor, Department of Foreign Philology and Translation Studies, Nur-Mubarak Egyptian University of Islam Culture, Almaty, Kazakhstan.
E-mail: aksholakova.assem1982@gmail.com
ORCID <https://orcid.org/0000-0001-6832-5838>

To cite this article:

Zharkynbekova, Sh.K., Agabekova, Zh.A., Aksholakova A.Zh., 2024, Problems of transliteration and translation of Kazakh geographical names. *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 172–186. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-10.

УДК 81-13

ГРАММАТИКА. ЛИНГВИСТИКА. ЯЗЫК (ответ дискуссантам)

А. В. Циммерлинг

Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6
Институт языкознания РАН,
Россия, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1
Поступила в редакцию 22.10.2023 г.
Принята к публикации 08.11.2023 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-11

Публикуется ответ оппонентам, высказавшим свои замечания к статье автора «Конкретно: синтактика без семиотики?», увидевшей свет в журнале «Слово.ру: балтийский акцент» в 2023 году. Обсуждаются критерии разграничения лингвистики и смежных наук. Семиотика не есть единственная основа теории языка, а лингвистика не является собственной частью теории знаковых систем. Специфика грамматики состоит в том, что правила грамматики всегда определены на множествах, в том числе одноэлементных. В свою очередь, не все языковые объекты являются знаками. Лингвистика обращается к единичному только в связи с рассмотрением релевантных фрагментов системы языка. Средства логической связности могут изучаться лингвистами, но рассмотрение отдельно взятых текстов остается прерогативой филологии и междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: *естественный язык, лингвистика, семиотика, гуманитарные науки, грамматика, словарь, коннекторы*

Я благодарю журнал «Слово.ру: балтийский акцент» за возможность открыть дискуссию статей (Циммерлинг 2023) и рецензентов журнала за публичные отклики (Ильин 2023; Золян 2023; Чебанов 2023). Поскольку полемисты в основном сосредоточились на критике моих исходных допущений о предмете семиотики, я позволю себе резюмировать основной тезис статьи.

Представление о том, что семиотика, то есть теория знаковых систем, служит единственной основой для теории языка, устарело. Оно неприменимо к тем описаниям, где выделяется грамматика как компонент естественного языка. Лексикология и лексикография — область, где семиотические представления неустранимы, так как единицы словаря по определению соотносены с уникальными концептами и несовпадающей синтактикой. Грань между словарем и грамматикой порой неочевидна. Я утверждаю, что правила и принципы грамматики всегда

определены на множествах элементов, и именно в этом состоит специфика грамматического подхода, в отличие от словарного. Трудность заключается в том, что правила грамматики могут работать с множествами, состоящими из ровно одного элемента. Так, древнерусская частица $ТИ_1$ 'в самом деле' имеет в цепочке энклитик уникальную позицию, которая не может замещаться другими элементами предложения. Поэтому необходимо отличать одноэлементные множества от обозначений индивидов и указаний на словарные концепты. Для грамматического анализа $ТИ_1$ выделять стоящий за этим элементом концепт не нужно, достаточно знать, что это частица, в отличие от ее омонима, местоимения $ТИ_2$. Но полную комбинаторику служебного слова (в моем материале речь шла о сочетаемости частицы с формами разных наклонений), невозможно установить, не выделив словарный концепт. Грамматические и словарные подходы в некоторых случаях дополнительные, и возможность устранить из описания представления о знаковой природе единиц языка зависит от поставленной задачи.

Уже после публикации статьи я обнаружил, что тезис о том, что грамматика работает с множествами, а не с индивидуальными именами, до меня в работе 1973 года (переиздана в 1976 году (Hamblin, 1973; 1976)) высказал логик и философ Чарльз Хэмблин (1922–1985). Мой великий предшественник тоже пришел к обобщению, решая относительно частную задачу — осуществляя формализацию операторов вопроса и вопросно-ответных пар в грамматике Монтегю. Хэмблин предлагает считать, что любое утверждение (= ответ на вопрос) реализует значение выбора из множества альтернатив. Более того, любой компонент высказывания тоже является одноэлементным множеством¹. Как и всякая модель, подход Хэмблина имеет свои ограничения. Их рассмотрение должно быть предметом специального исследования. Вскользь замечу, что обсуждаемое в моей статье значение верификации, вносимое такими выражениями, как рус. *действительно*, др.-рус. $ТИ_1$, англ. *really*, араб. *'inna* и т.п., хорошо описывается моделью Хэмблина: говорящий рассмотрел альтернативы p и $\sim p$ и отверг гипотезу $\sim p$. Независимо от анализа специальных проблем, связанных с интерпретацией операторов вопроса, утверждения, контраста и верификации, намеченный Хэмблином общий критерий, по нашему мнению, может применяться к любым явлениям грамматики.

Отвечу на несколько конкретных замечаний. С.Т. Золян задается вопросом, а есть ли у лингвистики свой объект и осторожно допускает, что он формируется самим аппаратом лингвистики (Золян, 2023, с. 142). Я склонен думать, что у большинства современных наук одни и те же методы, а именно — естественно-научные (повторяемость и воспроизводимость результатов) и математические. Но верно, что представление о границах дисциплины зависит от круга решаемых задач. Я определил

¹ "All we need to resolve that is to resolve to say that an indicative proper name such as 'Mary' stands not for the individual Mary but for the set whose sole member is Mary; that 'Mary walks' stands not for the proposition that Mary walks but for the set whose sole member is this proposition; and so on" (Hamblin, 1976, p. 254).

лингвистику как программу исследования специфики естественного языка, что предполагает сопоставление естественных языков с формальными и соответственно, проверку методов, пригодных для анализа формальных языков. Естественные языки изучают и в связи с условиями истинности и уместности. Однако логические системы тоже можно представить в виде формальных языков. С. Т. Золян (Там же, с. 147) пишет, что «лингвистическое изучение» в моей статье понимается как изучение того, что существенно для внутренней структуры языка, а «семиотическое» — как изучение того, что существенно для организации языка как знаковой системы. С этой формулировкой я согласен. С. В. Чебанов [Чебанов, 2023, с. 161] упрекает меня за то, что я не указал, что именно должен сделать лингвист, дабы отделить собственно языковое от неязыкового, то есть от всего того, что связано с конкретным текстом или данной речевой ситуацией. Ответ прост: держать в голове релевантный фрагмент системы описываемого языка, иначе все соображения о специфике единичного будут бездоказательны. С. В. Чебанов полагает также, что «...с точки зрения Л. В. Щербы... и современных когнитивных лингвистов... только мнение носителей языка может быть источником сведений о допустимости той или иной конструкции в языке» (Там же). В цитируемой форме этот тезис слишком расплывчат. Заслугой Л. В. Щербы (а позже и независимо от него — Н. Хомского) является введение в аппарат лингвистики отрицательного языкового материала (выражений под астериском), одним из источников которого служит интроспекция. Однако ни лексические, ни грамматические ограничения в нормальных условиях не рефлексировались говорящими и воспроизводятся автоматически — точно так же, как фонологические².

Уверенность в том, что лингвистика не должна заниматься единичным вне соотнесения с механизмами [конкретного] языка в моем случае сочетается с признанием того, что гуманитарные науки не могут абстрагироваться от единичного, будь то обнаруженный артефакт (глиняная табличка, кусок бересты и т.п.), или надпись на нем. Текст (в филологическом понимании) — это уникальный объект, но шаблоны его построения до некоторого предела поддаются анализу в терминах лингвистики. Во всяком случае, это относится к средствам логической связности, так называемым коннекторам (Tsunoda, 2018; Инькова, Манзотти, 2019). Чтобы установить, являются ли соединяемые коннектором ситуации *p* и *q* пропозициями или чем-то еще, нужно знать прагматический контекст. Известно, что маркеры условных конструкций часто параллельно используются в так называемых *biscuit conditionals* вроде *Если ты проголодался, печенье на столе* (Ebert, Ebert, Hinterwimmer, 2014), где первая часть является не условием в логическом смысле, а фактором, вводимым в рассмотрение при опущенном предикате речи (= 'на случай, если ты проголодался, сообщаю тебе, что *q*'). Отсюда, на мой взгляд, не вытекает, что сам текст, рассказывающий, как Петр угощал

² Когнитивные лингвисты, настаивающие на обратном, вероятно, поддаются внушению своих оппонентов — сторонников Н. Хомского, которые верят в то, что синтаксические ограничения соблюдаются в результате активации Универсальной Грамматики в мозгу носителей.

Ивана печеньем, и тем более эпизод жизни конкретных Петра и Ивана являются объектами лингвистики. У лингвиста, впрочем, может возникнуть желание их рассмотреть, что, по-видимому, связано с принятием филологического и/или междисциплинарного подхода³ или более субъективными причинами. Это его право, но я настаиваю на том, что собственно лингвистическими являются лишь те аспекты, которые связаны со значением и дистрибуцией коннекторов как единиц языка. В данном случае лингвист обязан ответить на вопросы типа: 1) являются ли маркеры условия полифункциональными или многозначными; 2) если в языке *L* есть коннекторы *x* и *y*, могут ли они оба использоваться в *biscuit conditionals*, или такое свойство присуще только одному из них; 3) связано ли построение *biscuit conditionals* в языке *L* с особым порядком слов или интонацией и т. п.

М. В. Ильин (2023, с. 128) упрекает меня за то, что я назвал границы лингвистики и семиотики предметом соглашений. Возможно, между нами нет расхождения по существу. Я имел в виду лишь то, что вопрос о границах уместно дискутировать при заранее обозначенных рабочих определениях, а не то, что подобные вопросы решаются декретами бюрократов от науки или ссылками на авторитет. Изучение многотомных антологий и социологический опрос их участников, что именно они склонны называть 'лингвистикой', 'семиотикой', 'культурологией', 'подлежащим', 'залогом', 'падежом', 'фокусом' и т. п. для выработки сбалансированного определения полезны в случае решения специальных задач вроде составления справочников по истории науки или тематических указателей⁴, но достаточно бесплодны в других ситуациях. Здесь я хотел бы оговорить, что не претендую в статье на историческое освещение школ семиотики, меня интересуют лишь те идеи, которые я нахожу актуальными для современной лингвистики. Затрудняюсь сказать, какое отношение к науке о языке имеют концепции знака, которые С. В. Чебанов (2023, с. 154) называет «унилатеральными»: в моем понимании наличие у языкового знака, например слова *ум*, коннектора *если*, идиомы *вставлять палки в колеса* особой синтактики, предполагает наличие у него особого концепта и наоборот. С. Т. Золян (2023, с. 145) пишет о том, что «любой не-знаковый объект может быть описан как знак и знаковая система (поскольку всё есть знак, что может быть интерпретировано как знак)». О неязыковых объектах судить не берусь, но в языке есть объекты, которые точно не являются знаками, например свободные словосочетания и предложения. Конечно, деривационные ресурсы естественного языка по производству новых слов, ср. *³заломофранконенавистничество* (от имени собственного *Salomo Franck*) и развитию новых значений велики, а целое предложение можно превратить в цитату или мем, ср. *это его 'не хочу читать книги' всех достало*, но все же строить теорию языка на неологизмах, поэтической семантике и языко-

³ В работе (Zimmerling, 2022) тезис о связи лингвистики текста с филологией обсуждается на примере письменных памятников древних языков.

⁴ В книге, включившей мои статьи разных лет, мне пришлось разделять в указателе омонимичные и разошедшиеся употребления терминов (Циммерлинг, 2021, с. 604).

вой игре кажется мне рискованным делом. Утверждение, будто говорящий не воспроизводит знаки, а всякий раз порождает их заново в акте коммуникации (Там же, с. 142), интересно. Но то же самое справедливо по отношению к фонологическим оппозициям, релевантным акцентам, лексическим и грамматическим ограничениям. Воспроизводство языкового кода на всех уровнях его организации — условие продолжения коммуникации на данном языке, а порождение новых знаков и деформация кода — ее побочные продукты. Язык — это не инструкция для творчества, а скорее — смиренная рубашка.

Благодарен критикам за исправление моих неверных суждений о вкладе Ю.М. Лотмана и И.И. Ревзина в разработку положений тартуско-московской школы. Вопрос о том, является ли описание искусства, социума и фрагментов физического мира на основе тех же понятий, что ранее были апробированы на материале естественного языка, плодом экспорта лингвистической терминологии или же проявлением глубинного родства всех знаковых систем, отражает рефлексии семиотики над своим методом. Для лингвистики столь же важно определить границы, где такие понятия, как 'оппозиция', 'различительный признак', 'маркированность' и т.п. необходимы для описания явлений языка, а где — нет. Радикальный взгляд, согласно которому все использования подобных понятий за пределами фонологии являются метафорой (Стеблин-Каменский, 1974), принимать необязательно. Но задуматься над тем, что языковые подсистемы неизоморфны друг другу, а один и тот же материал может описываться разными способами, стоит лингвистам всех школ. С.В. Чебанов (2023, с. 162) в конце своего отзыва отмечает, что нельзя решить вопрос об отнесении лингвистической прагматики к языку и речи, не имея «метапозиции», поднимающейся над разными дисциплинами. Но у меня не было и нет такой цели. Я попытался охарактеризовать номенклатуру языковых явлений, оставаясь в рамках лингвистики и руководствуясь представлением о том, что набор единиц языка строго ограничен, а перечень механизмов языка (ср. приписывание падежа, развертывание предложения, взаимодействие синтаксиса и просодии) *ad libitum* расширять нельзя. В любом случае оценивать сосюрговскую дихотомию языка и речи уместно с позиций современной лингвистики, то есть выходя за рамки структурализма: здесь я согласен с рецензентом. Я признаю, что гуманитарное знание не может абстрагироваться от анализа единичных фактов и от междисциплинарного подхода к текстам на естественном языке. Такой(ие) подход(ы) понятен(ны), но должна существовать и альтернатива ему (им). Она ни в коей мере не является моим измышлением, но соответствует давно сложившейся специализации ученых: изучение глаголов, прилагательных, частиц, механизма согласования, реконструкция праязыков и т.п., с одной стороны, и изучение знаковых систем — с другой — это две разные области исследования. Но у них есть пересечение, которое можно обсуждать.

Исследование поддержано грантом РНФ 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации».

Список литературы

Золян С.Т. Откуда же метод берется? О самодостаточности семиотических объектов // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 137–152. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-8.

Ильин М.В. О семиотиках интегрально, аспективно и конкретно // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 125–136. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-7.

Инькова О.Ю., Манзотти Э. Связность текста: меререологические логико-семантические отношения. М., 2019.

Стеблин-Каменский М.И. Изоморфизм и «фонологическая метафора» // Спорное в языкознании. Л., 1974. С. 74–80.

Циммерлинг А.В. От интегрального к аспективному. М.; СПб., 2021.

Циммерлинг А.В. Конкретно: синтактика без семиотики? // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №3. С. 125–153. doi: 10.5922/2225-5346-2023-3-9.

Чебанов С.В. Часть вне целого (К статье А.В. Циммерлинга «Конкретно: синтактика без семиотики») // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14, №4. С. 153–162. doi: 10.5922/2225-5346-2023-4-9.

Ebert C., Ebert C., Hinterwimmer S. A unified analysis of Indicative and Biscuit Conditionals as Topics // Linguistics and Philosophy. 2014. Vol. 37. P. 353–408. doi: 10.1007/s10988-014-9158-4.

Hamblin C.L. Questions in Montague grammar // Foundations of Language. 1973. Vol. 10. P. 41–53.

Hamblin C.L. Questions in Montague grammar // Montague Grammar / ed. by B.H. Partee. N. Y., 1976. P. 247–259.

Tsunoda T. Levels of clause linkage. Berlin; Boston, 2018.

Zimmerling A. Linguistics and Cryptophilology // Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday / ed. by L. Iomdin, J. Milićević, A. Polguère [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 101]. Berlin; Bern; Bruxelles, 2022. P. 519–529.

Об авторе

Антон Владимирович Циммерлинг, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Москва, Россия.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

Для цитирования:

Циммерлинг А.В. Грамматика. Лингвистика. Язык (ответ дискусснтам) // Слово.ру: балтийский акцент. 2024. Т. 15, №1. С. 187–194. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-11.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

GRAMMAR. LINGUISTICS. LANGUAGE (IN RESPONSE TO OPPOSING VIEWS)

A. V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute,
6 Akademika Volgina St., Moscow, 117485, Russia
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
1 Bolshoi Kislovskij Ln., Moscow, 125009, Russia,

Submitted on 22.10.2023

Accepted on 08.11.2023

doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-11

I discuss the criteria of defining linguistics against other science branches. Linguistics is not a proper part of semiotics, since the foundations of language do not necessarily rely on the theory of sign systems. Grammar always operates on sets, including the sets consisting of one element. Not all language objects can be treated as signs. The connectors, i.e. segmental means marking the levels of clause linkage are legal linguistic objects, but the analysis of individual texts is a prerogative of philological and interdisciplinary research.

Keywords: natural languages, linguistics, semiotics, art sciences, grammar, lexicon, connectors

This research has been supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00528 “Clausal connectives in sentence and discourse: Semantics and grammaticalization paths”.

References

Chebanov, S.V., 2023. A Part Outside the Whole? (To Anton Zimmerling's article “Really: syntactics without semiotics?”). *Slovo.ru: Baltic Accent*, 14 (4), pp. 153–162, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-9> (in Russ.).

Ebert, C., Ebert, C. and Hinterwimmer, S., 2014. A unified analysis of Indicative and Biscuit Conditionals as Topics. *Linguistics and Philosophy*, 37, pp. 353–408, <https://doi.org/10.1007/s10988-014-9158-4>.

Hamblin, C.L., 1973. Questions in Montague grammar. *Foundations of Language*, 10, pp. 41–53.

Hamblin, C.L., 1976. Questions in Montague grammar. In: B.H. Partee, ed. *Montague Grammar*. New York: Academic Press, pp. 247–259.

Ilyin, M.V., 2023. On multiple semiotics integrally, aspectively and concretely. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 14 (4), pp. 125–136, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-7> (in Russ.).

Inkova, O. Yu and Manzotti, E., 2019. *Svyaznost' teksta: mereologicheskie logiko-semanticheskie otnosheniya* [Clause Linkage: Mereological Logical Semantics]. Moscow (in Russ.).

Steblyn-Kamenskiy, M.I., 1974. The Isomorphism and the “Phonological Metaphor”. In: M.I. Steblyn-Kamenskiy, ed. *Spornoe v yazykoznanii* [The Controversial in Linguistics]. Leningrad, pp. 74–80 (in Russ.).

Tsunoda, T., 2018. *Levels of clause linkage*. Berlin; Boston: De Gruyter.

Zimmerling, A., 2022. Linguistics and Cryptophilology. In: L. Iomdin, J. Milićević and A. Polguère, eds. *Lifetime linguistic inspirations: To Igor Mel'čuk from colleagues and friends for his 90th birthday* [Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 101]. Berlin; Bern; Bruxelles: Peter Lang, pp. 519–529.

Zimmerling, A. V., 2021. *Ot integral'nogo k aspektivnomu* [From Integral Frameworks to Aspective Descriptions]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoria, 652 p. (in Russ.).

Zimmerling, A. V., 2023. Really: syntactics without semiotics? *Slovo.ru: Baltic Accent*, 14 (3), pp. 125 – 153, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-9> (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2023. Where does the method come from? On the self-sufficiency of semiotic objects. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4), pp. 137 – 152, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-8> (in Russ.).

The author

Prof. Anton V. Zimmerling, Leading Researcher, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: fagraey64@hotmail.com

To cite this article:

Zimmerling, A. V., 2024, Grammar. Linguistics. Language, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 15, no. 1, pp. 187 – 194. doi: 10.5922/2225-5346-2024-1-11.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п.л.; научного сообщения — до 0,5 п.л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);
- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary — после статьи перед references;
- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;
- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);
- сведения об авторе(-ax) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала пе-

речисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках. Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148—167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

- Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D.A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143—155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83—101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

- Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

- Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;

- the title of the article in English and Russian, all lowercase;

- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;

- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;

- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;

- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

- References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

- If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovaniya processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svyazej v sovremennoj vseobshnej sisteme gosudarstva* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdu narodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

- In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

- References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an A4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/slovo/rules/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2024

Том 15
Vol.
№ 1

СЛОВА vs СМЫСЛЫ WORDS vs MEANINGS

Редактор *И. О. Дементьев*. Корректор *П. С. Щербаков*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *I. Dementev, P. Shcherbakov*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 30.01.2024 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,6
Тираж 300 экз. (1-й завод — 50 экз.). Заказ 13
Свободная цена

Signed 30.01.2024
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 17,6
Edition 300 copies (first print: 50 copies). Order 13
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia